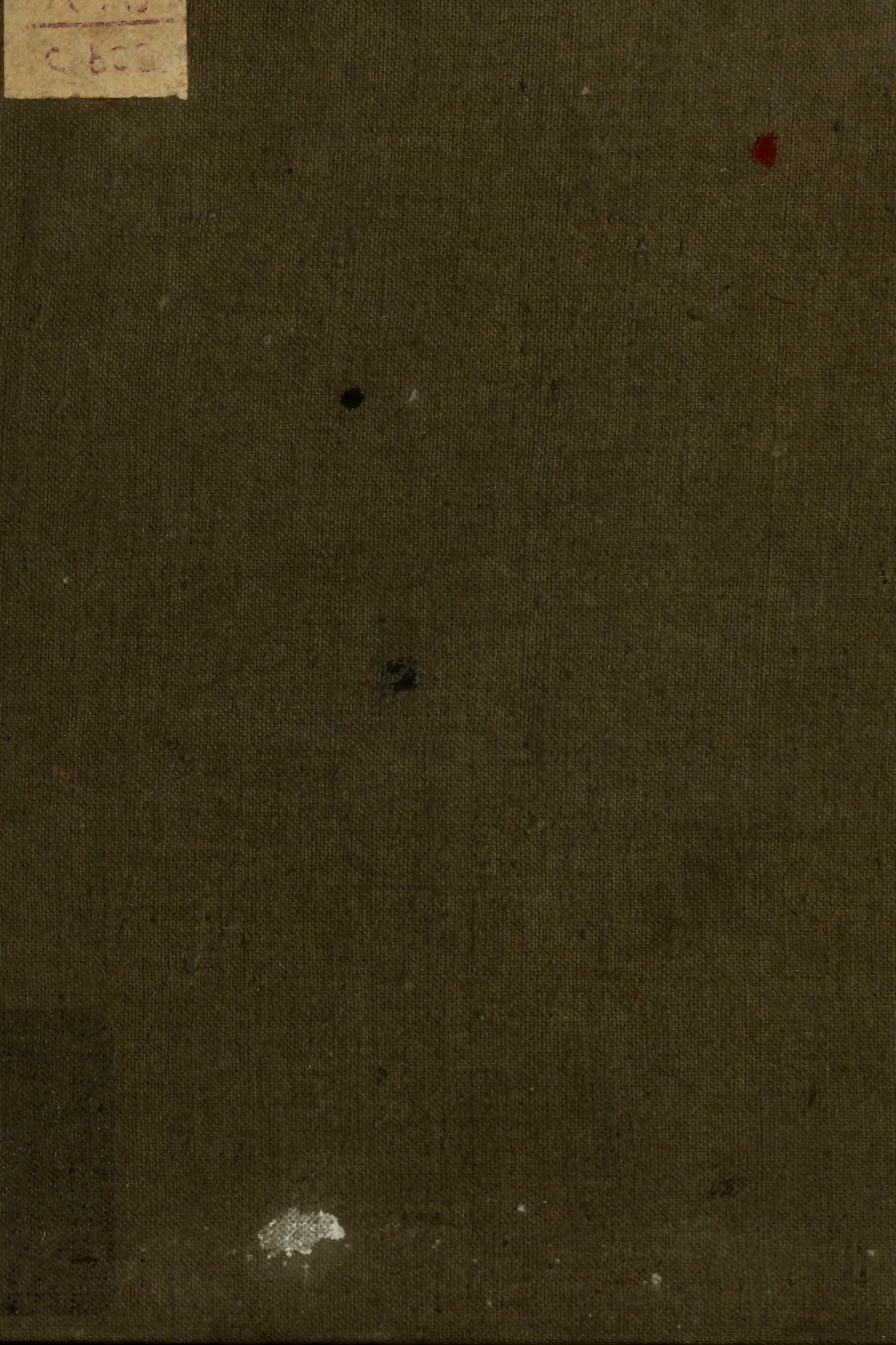
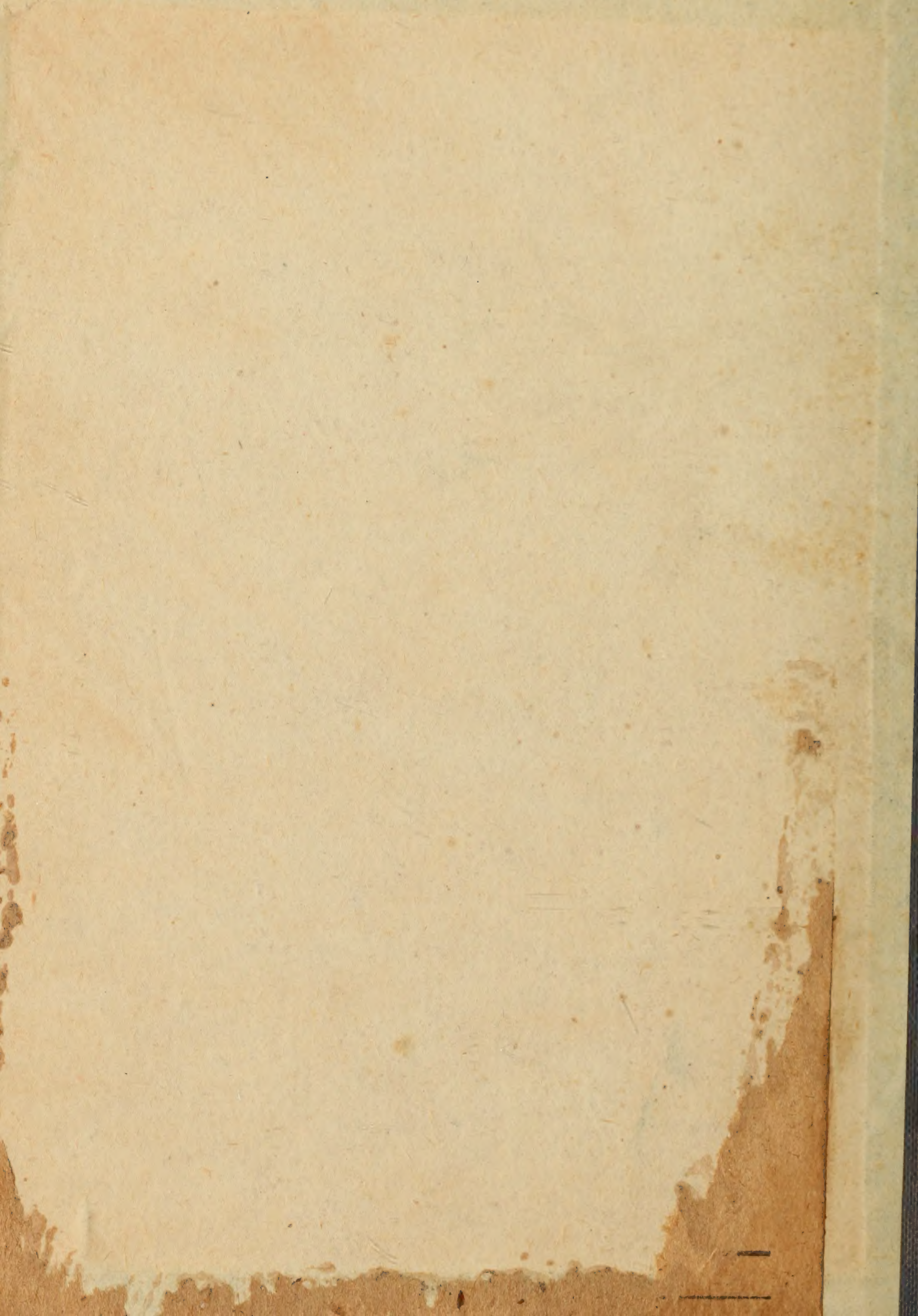

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ДЛЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

СОСТАВЛЕНА

Сергѣемъ Соловьевымъ.

ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовск. ул., соб. домъ.

МОСКВА — 1908.

Глава I.

О томъ, какъ началась Русская земля, и кто были первые князья въ Кіевѣ.

Вотъ повѣсть о томъ, откуда пошла Русская земля, кто началъ первый княжить въ Кіевѣ и какъ стала Русская земля.

Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ, раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна Хаму, сѣверъ и западъ Афету; отъ племени Афетова пошелъ народъ Славянскій. Спустя много времени Славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ, напримѣръ, одни поселились на рѣкѣ, именемъ Морава, и назвались Моравами, а другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне: Бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане. Когда Волохи напали на Славянъ подунайскихъ, поселились сзади нихъ и стали ихъ притѣснять, то Славяне опять начали двигаться къ сѣверу: такъ, одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались Ляхами: отъ этихъ

Ляховъ пошли Поляки, Лутичи, Мазовшане, Поморяне. Другіе Славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались Полянами, иные Древлянами, потому что стали жить въ лѣсахъ, а нѣкоторые стали между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами; Полочане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая впадаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, Славянами; они построили себѣ городъ, назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся Славянскій народъ.

Всѣ эти племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ съ своими нравами, обычаями и преданіями. У Полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили какъ звѣри. Между Полянами были три брата: одному имя Кій, другому Щекъ, третьему Хоривъ, сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ и назвали его по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ Древляне и другіе окольные народы стали притѣснять Полянъ; тогда пришли къ нимъ Козары, и сказали: «платите намъ дань». Поляне подумали и дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Козары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ и сказали: «вотъ мы нашли новую дань». Старшины спросили: «откуда вы это взяли?»—«Да вотъ тамъ, въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпровскою», отвѣчали они. Тогда старцы Козарскіе сказали: «Охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ».—Такъ и сбылось, какъ предсказали старцы: Русскіе и до сихъ поръ владѣютъ Козарами.

Въ то время, какъ Поляне, Сѣверяне и другія племена

платили дань Козарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, Варяги изъ-за моря брали дань на Славянахъ Новгородскихъ, на Кривичахъ, также на Чуди и Мери. Скоро однако эти народы прогнали Варяговъ за море, перестали давать имъ дань и начали владѣть сами собою. Но, прогнавъ Варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ, и начались междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ всѣ дѣла справедливо»; отправили пословъ къ Варягамъ, къ Руси; Русью назывались Варяги точно такъ же, какъ другіе зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами. Чудь, Новгородцы и Кривичи сказали Руси: «земля наша велика и обильна, да порядку въ ней нѣтъ, пойдите княжить и владѣть нами». Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь и пришли; Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась Русская земля. Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть, и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царю-граду. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ и спросили: «чей городокъ?» Жители отвѣчали имъ: «были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань Козарамъ».—Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много Варяговъ и начали владѣть Полянами, а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Диръ на Грековъ, при царѣ Михаилѣ. Царь, въ ихъ время, пошелъ было войною на Аравитянъ, но, получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царь-

градъ, возвратился. Между тѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ Константинопольскую гавань, перебили множество христіанъ, и съ двумя стами кораблей обступили городъ. Царь съ Патріархомъ всю ночь молились въ церкви Влахернской и потомъ, вынесши ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо: вдругъ поднялась буря съ вѣтромъ, встали волны и разбили русскіе корабли; очень немногіе изъ Аскольдовыхъ воиновъ спаслись отъ такой бѣды и возвратились въ свою землю.

Между тѣмъ умеръ Рюрикъ; онъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику, поручивъ ему и сына своего Игоря, который былъ еще дитя. Собравъ много войска, пошелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечъ и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Пришедши къ горамъ Кіевскимъ и видя, что Аскольдъ и Диръ княжатъ, Олегъ скрылъ часть воиновъ своихъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ пришелъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: «мы купцы, идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами». Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда воины повыскакали изъ лодокъ, и Олегъ сказалъ Кіевскимъ князьямъ: «Вы не князья, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ Рюриковъ»; Аскольда и Дира убили, понесли на гору и погребли тамъ. Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: «это будетъ мать русскимъ городамъ», послѣ чего началъ строить города и установилъ дани. Сперва Олегъ воевалъ съ Древлянами и заставилъ ихъ давать дань по черной куницѣ. Потомъ онъ пошелъ на Сѣверянъ; побѣдивъ ихъ, онъ наложилъ на нихъ дань легкую, а Козарамъ давать дань запретилъ, сказавши: «я непріятель

имъ, а съ вами у меня нѣтъ никакой вражды». Послалъ и къ Радимичамъ спросить: «кому даете дань?» Они отвѣчали: «Козарамъ». Олегъ сказалъ имъ: «не давайте Козарамъ, а давайте лучше мнѣ». Радимичи согласились.

Въ 911 году пошелъ Олегъ на Грековъ, а Игоря оставилъ въ Кіевѣ; взялъ съ собою Варяговъ множество, и Новгородцевъ, и Чуди, и Кривичей, и другихъ народовъ. Со всѣми съ ними пошелъ Олегъ на коняхъ и въ корабляхъ и пришелъ къ Царю-городу: Греки замкнули гавань и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ и повоевалъ городскія окрестности. Русскіе перебили множество Грековъ, разорили дома, пожгли церкви,—однимъ словомъ, поступили такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріятели. Греки, видя все это, испугались, выслали къ Олегу изъ города и сказали ему: «возьми дани сколько хочешь». Олегъ согласился и возвратился въ Кіевъ, неся золото, драгоцѣнныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его *Вѣщимъ*.

По смерти Олега началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году пошелъ Игорь на Грековъ. Болгары послали вѣсть къ Императору, что идетъ Русь на Царь-городъ. Русскіе опустошали азіатскіе берега до тѣхъ поръ, пока не пришли Греческіе воеводы съ востока, и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, посовѣтовавшись, вышли на Грековъ, и послѣ злой сѣчи Греки едва могли одолѣть. Русскіе сѣли ночью въ лодки и побѣжали; но Греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ съ огнемъ и началъ пускать его трубами на русскія лодки, такъ что было страшно смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламень, поме-

тались въ морскую воду, чтобъ уйти какъ-нибудь, и такимъ образомъ возвратились домой. Пришедши, каждый разсказывалъ своимъ о чудесномъ огнѣ. — «У Грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ», говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, началъ собирать большое войско, и послалъ звать Варяговъ изъ-за моря: онъ опять хотѣлъ идти на Грековъ. Въ 944 году Игорь въ самомъ дѣлѣ отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на коняхъ. Корсунцы, услыхавъ объ этомъ, послали сказать Императору Роману: «идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли». Также и Болгары послали вѣсть: «идутъ Русскіе, наняли и Печенѣговъ». Тогда царь послалъ къ Игорю лучшихъ мужей съ просьбою: «не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани». Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину и сталъ думать съ нею о предложеніи царя. Дружина сказала: «Если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше; безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь неизвѣстно, кто одолѣетъ—мы или они? съ моремъ нельзя заранѣе уговориться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ». Игорь послушался дружины и велѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю, а самъ, взявши у Грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, возвратился назадъ въ Кіевъ.

Вслѣдъ за княземъ пришли назадъ и послы русскіе и привели съ собой пословъ отъ греческаго царя Романа. Игорь призвалъ къ себѣ греческихъ пословъ и спросилъ ихъ: «скажите, что же вамъ говорилъ царь?» Послы отвѣчали: «вотъ царь послалъ насъ къ тебѣ; онъ очень радъ миру,

хочетъ миръ имѣть и любовь съ русскимъ княземъ: твои послы водили нашихъ князей къ присягѣ, и насъ послали привести тебя и мужей твоихъ также къ присягѣ». Игорь обѣщался исполнить это. На другой день онъ призвалъ пословъ и пошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ: поклали передъ идоломъ оружіе, щиты и золото, и клялись Игорь и всѣ люди его, сколько было язычниковъ между русскими. А христіанъ русскихъ приводили къ присягѣ въ церкви св. Иліи, что надъ ручьемъ: то была соборная церковь, потому что многіе Варяги были уже христіане. Игорь, утвердивъ міръ съ Греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ звѣриными шкурами, рабами и воскомъ. Послѣ этого Игорь началъ княжить мирно въ Кіевѣ; когда же пришла осень, началъ задумывать походъ на Древлянъ, желая взять съ нихъ еще больше дани. Дружина сказала ему: «наши товарищи, которые съ Свѣнельдомъ, богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью, и ты добудешь, и мы». Игорь послушался: пошелъ къ Древлянамъ за данью и началъ обижать ихъ; побравши дань, пошелъ было назадъ въ свой городъ, однако на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ: «ступайте вы съ данью домой, а я возвращусь назадъ, похожу еще». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ, желая взять еще больше съ Древлянъ. Тѣ, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ княземъ своимъ Маломъ; они говорили: «повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погубитъ». Послѣ совѣщанія они послали сказать Игорю: «зачѣмъ идешь опять, вѣдь ты уже взялъ всю дань».

Но Игорь не послушался ихъ; тогда Древляне вышли изъ города и убили Игоря и дружину его, потому что ея было очень мало.

Глава II.

О томъ, какъ Ольга отомстила Древлянамъ за смерть своего мужа и установила порядокъ въ землѣ, какъ приняла святое крещеніе и какъ сынъ ея Святославъ воевалъ съ разными народами.

Услыхавъ о смерти Игоря, жена его, Ольга, вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ собрала большое и храброе войско и пошла на древлянскую землю. Древляне вышли противъ нея; когда оба полка сошлись, Святославъ бросилъ копьемъ въ Древлянъ; копье, пролетѣвъ между ушей его лошади, ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя и не умѣлъ владѣть копьемъ. Тогда Свѣнельдъ и Асмудъ, дядьки Святослава, сказали: «князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ». Древляне были побѣждены, побѣжали, затворились въ своемъ городѣ. Ольга взяла городъ и сожгла его; старшинъ городскихъ взяла въ плѣнъ, а прочихъ людей иныхъ убила, другихъ отдала въ рабство своимъ приближеннымъ, остальныхъ обложила тяжелою данью. Кончивъ войну, пошла Ольга съ сыномъ и дружиною по Древлянской землѣ; установила вездѣ дани и оброки. Потомъ пришла въ городъ свой Кіевъ и, пробывъ здѣсь годъ, отправилась къ Новгороду и по дорогѣ уставила вездѣ также оброки и дани.

Въ 955 году пошла Ольга въ Грецію и пришла въ Царьгородъ. Тамъ приняла христіанскую вѣру и, возвратясь въ Кіевъ, уговаривала и Святослава креститься; но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ; если же кто другой хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но только смѣялись надъ нимъ. Часто Ольга говаривала сыну: «я рада, что узнала истиннаго Бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь Его». Святославъ обыкновенно отвѣчалъ на это: «какъ мнѣ одному принять новую вѣру? дружина станетъ смѣяться надо мною!» Тогда Ольга говорила ему: «если ты крестишься, то и всѣ станутъ дѣлать то же». Но Святославъ не слушался матери и жилъ по языческимъ обычаямъ.

Когда онъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, и только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ, и не варилъ мяса; но изрѣзавъ тонкими ломтиками конское мясо, или какого-нибудь другого звѣря, или говядину, пекъ самъ на угляхъ и такъ ѣлъ. Шатра у Святослава также не было, а спалъ онъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ голову, точно такъ же жили и всѣ остальные воины. Онъ посылалъ къ разнымъ народамъ сказать имъ: «хочу идти на васъ». Ходилъ на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ Вятичей и спросилъ ихъ: «кому дань даете?» Вятичи отвѣчали: «Козарамъ». Тогда пошелъ Святославъ на Козаръ, побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ городъ: потомъ побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ; наконецъ пошелъ на Дунай, на Болгаровъ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ.

Между тѣмъ пришли въ первый разъ Печенѣги на Русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ. Ольга

затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать; народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ, но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Встужили тогда Кіевляне и стали говорить: «нѣтъ ли кого, кто бы могъ пройти на ту сторону и сказать имъ: «если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся Печенѣгамъ». Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: «я перейду», и точно пошелъ съ уздою изъ города, и ходилъ между Печенѣгами и спрашивалъ: «не видалъ ли кто его лошади?» (онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, такъ что Печенѣги приняли его за своего). Когда же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ; увидавъ это, Печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять, но не могли уже ему ничего сдѣлать, потому что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ нему и взяли его въ лодку. Мальчикъ сказалъ имъ: «если не подступите завтра къ городу, то жители его хотятъ сдаться Печенѣгамъ». Тогда воевода, именемъ Претичъ, сказалъ: «подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ на нашу сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ». На другой день, сѣвъ въ лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что самъ князь пришелъ, и побѣжали отъ города въ разныя стороны, а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавъ это, князь Печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу и сказалъ:

«кто это пришелъ?» Ему отвѣчали: «лодки съ той стороны». Князь Печенѣжскій спросилъ опять у Претича: «А ты князь ли?» Претичъ отвѣчалъ: «я его воевода и пришелъ съ передовыми, а за мною идетъ полкъ съ княземъ—безчисленное множество народа». Все это онъ насказалъ, чтобъ испугать Печенѣговъ. Тогда печенѣжскій князь сказалъ Претичу: «будь мнѣ другомъ»; Претичъ отвѣчалъ: «пожалуй». Печенѣжскій князь подарилъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, а воевода подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда кіевляне послали сказать Святославу: «ты опять ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ чуть было не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то насъ опять возьмутъ Печенѣги: видно тебѣ не жаль ни родной земли, ни матери старухи, ни дѣтей». Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ тотчасъ же сѣлъ на коней съ дружиною и пріѣхалъ въ Кіевъ: радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности; но очень жалѣлъ, что случилась съ ними такая бѣда отъ Печенѣговъ, и, собравъ войско, прогналъ варваровъ въ степи, послѣ чего настало мирное время.

Скоро наскучило Святославу въ Кіевѣ; онъ сталъ говорить матери своей: «не нравится мнѣ здѣсь, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ середина земли моей; туда привозится все доброе: изъ Греціи идетъ туда золото, ткани, вина, плоды разные; изъ Богеміи и Венгріи серебро и кони, изъ Руси звѣриныя шкуры, воскъ, медъ и рабы». Ольга отвѣчала ему на это: «развѣ не видишь, что я уже больна, куда же ты хочешь отъ меня уйти? похорони меня по крайней мѣрѣ, а тамъ уже ступай куда хочешь». Черезъ три дня

послѣ этого разговора Ольга умерла; сынъ, внуки и весь народъ горько плакали по ней; потомъ вынесли тѣло и погребли. Ольга передъ смертью не велѣла дѣлать надъ собою тризны *), потому что при ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега у Древлянъ. Въ то же время пришли Новгородцы просить также себѣ князя; они говорили: «если не пойдете къ намъ, то найдемъ себѣ другого князя». Святославъ отвѣчалъ имъ: «да кто же пойдетъ къ вамъ?» Ярополкъ и Олегъ отказались идти въ Новгородъ. Тогда Добрыня сказалъ Новгородцамъ: «просите Владиміра». (Добрыня былъ дядя Владиміру). Новгородцы такъ и сдѣлали. Тогда Святославъ сказалъ имъ: «вотъ вамъ князь, возьмите». Такимъ образомъ Владиміръ пошелъ въ Новгородъ съ дядею своимъ Добрынею, а Святославъ въ Переяславецъ.

Когда пришелъ Святославъ къ Переяславцу, то Болгары затворились въ городѣ и не пустили его: потомъ вышли они изъ города на сѣчу противъ русскаго князя; сѣча была злая, и Болгары начали одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: «видно уже намъ здѣсь умереть; такъ станемъ же биться мужественно, братья и дружина!» Къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ приступомъ и послалъ сказать Грекамъ: «хочу на васъ идти, взять и вашъ городъ какъ взялъ этотъ». Греки отвѣчали: «мы не сможемъ бороться съ вами; но возьми съ насъ дань, и на дружину свою; для этого скажите, сколько васъ, чтобы намъ разсчитаться по числу людей. Греки говорили такимъ образомъ, желая обма-

---

*) Тризна—языческій обрядъ, употреблявшійся при погребеніи.

нуть Русскихъ. Святославъ отвѣчалъ имъ: «насъ двадцать тысячъ»; десять тысячъ онъ прибавилъ, потому что русскихъ всего было десять тысячъ. Тогда Греки собрали девяносто тысячъ войска на Святослава и не дали ему дани; Святославъ пошелъ на Грековъ. Когда же Русскіе увидали противъ себя такое множество войска, то испугались; Святославъ сказалъ: «уже намъ теперь некуда дѣться, волею и неволею должны биться; не посрамимъ русской земли, но ляжемъ здѣсь костями, мертвымъ не стыдно, а если побѣжимъ, ляжетъ на насъ стыдъ, отъ котораго некуда уйти; станемъ же лучше крѣпко, я пойду передъ вами; когда же голова моя ляжетъ, тогда думайте сами о себѣ». Воины отвѣчали ему: «гдѣ твоя ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ». Русь приготовилась къ битвѣ, и была сѣча злая. Святославъ одолѣлъ, Греки побѣжали. Тогда Святославъ пошелъ къ Византіи, воюя и разбивая по дорогѣ города. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату и спросилъ: «что намъ дѣлать? не можемъ никакъ одолѣть Русскихъ». Бояре отвѣчали: «пошли къ Святославу дары, поизвѣдать, на что онъ больше падокъ: на золото или на дорогія ткани?» Такъ и сдѣлали: послали съ умнымъ человѣкомъ къ Святославу золото и ткани, наказавши послу: «смотри, замѣчай хорошенько, какими глазами онъ будетъ глядѣть на подарки». Посолъ, взявъ дары, отправился. Святославу доложили, что пришли Греки съ поклономъ; тогда онъ сказалъ: «введите ихъ сюда». Греки вошли, поклонились и разложили передъ Святославомъ золото и ткани; Святославъ, смотря равнодушно по сторонамъ, сказалъ слугамъ: «спрячьте это». Послы возвратились; царь созвалъ опять бояръ; послы сказали имъ: «какъ пришли мы къ Святославу и подали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на

нихъ, велѣлъ только спрятать». Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: «попытайся еще, пошли къ нему оружіе». Совѣтъ былъ принятъ, послали къ Святославу мечъ и разное другое оружіе; когда же принесли къ нему, то онъ взялъ, началъ хвалить, любоваться и велѣлъ благодарить царя. Узнавъ о такомъ пріемѣ, бояре сказали царю: «долженъ же быть храбръ этотъ человѣкъ, когда пренебрегаетъ имѣніемъ, а беретъ только одно оружіе; дѣлать нечего; приходится дать ему дань». Тогда царь послалъ сказать Святославу: «не ходи къ городу, но возьми дань, сколько хочешь». Святославъ взялъ богатые дары и возвратился въ Переяславецъ; но увидавъ, что дружины осталось мало, началъ думать: «что если какою-нибудь хитростью перебьютъ дружину мою и меня? Пойти лучше въ Русь, привести побольше дружины». Для этого онъ послалъ сказать царю: «хочу имѣть съ тобою твердый миръ». Царь обрадовался и послалъ ему дары еще больше, чѣмъ прежде. Святославъ принялъ дары и началъ совѣтоваться съ дружиною, при чемъ говорилъ: «если не заключимъ мира съ царемъ и онъ узнаетъ, что насъ мало, то, пришедъ, обступитъ насъ въ городѣ; а Русская земля далеко; Печенѣги съ нами въ войнѣ; кто намъ тогда поможетъ? Заключимъ лучше миръ съ царемъ, Греки уже взялись давать намъ дань: будетъ съ насъ; если же перестанутъ платить, то пойдемъ опять къ Царю-городу, тогда уже возьмемъ больше войска». Эта рѣчь понравилась дружинѣ.

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодкахъ къ порогамъ. Отцовскій воевода Свѣнельдъ говорилъ ему: «пойди лучше, князь, на коняхъ, Печенѣги стоятъ около пороговъ». Святославъ не послушался его и пошелъ въ лодкахъ. Тогда переяславцы послали сказать Печенѣгамъ:

«идетъ Святославъ въ Русь пѣшкомъ, съ большимъ имѣніемъ и съ малой дружиною». Услыхавъ объ этомъ, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то негдѣ уже было пройти. Русскіе стали зимовать въ Бѣлобережьи, съѣстные припасы у нихъ повышли и сдѣлался большой голодъ. Такъ провелъ Святославъ всю зиму. Весною двинулся онъ впередъ, но печенѣжскій князь Куря напалъ на него и убилъ, а Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку.

Глава III.

О томъ, какъ сыновья Святослава воевали между собою, какъ Владиміръ овладѣлъ Кіевомъ и какъ принялъ христіанскую вѣру.

Въ 975 году сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, вышелъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту; тутъ увидалъ его Олегъ, князь Древлянскій, и спросилъ у своихъ: «кто это такой?» Ему отвѣчали: «сынъ Свѣнельда»; тогда Олегъ напалъ и убилъ Свѣнельдича за то, что тотъ охотился съ нимъ вмѣстѣ въ одномъ лѣсу. Отсюда пошла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнельдъ, желая отомстить за сына, все подговаривалъ Ярополка: «пойди на брата и отними у него владѣніе». На третій годъ Ярополкъ пошелъ на Олега, въ Древлянскую землю; Олегъ вышелъ къ нему навстрѣчу и стали биться: князь Кіевскій побѣдилъ Древлянскаго. Когда Олегъ съ своими воинами бѣжалъ въ городъ, именемъ Овручъ, то на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воро-

тамъ, столпилось множество бѣглецовъ, и въ тѣснотѣ воины спихивали другъ друга въ ровъ, въ томъ же числѣ спихнули и самого Олега; за нимъ попадало еще много воиновъ, даже на лошадяхъ, и лошади передавили людей. Между тѣмъ Ярополкъ вошелъ въ городъ Олеговъ, захватилъ тамъ всю власть и послалъ искать своего брата; искали, искали—и нигдѣ не нашли; тогда одинъ древлянинъ сказалъ: «я видѣлъ, какъ вчера спихнули его съ моста». Услыхавъ это, Ярополкъ велѣлъ искать брата во рву: съ утра до полудни вытаскивали трупы изо рва; наконецъ нашли Олега на самомъ исподу, внесли во дворецъ княжескій и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ и началъ надъ нимъ плакать; онъ говорилъ Свѣнельду: «полюбуйся-ка, вотъ чего тебѣ хотѣлось!» Олега погребли у города Овруча. Тогда Владиміръ, услыхавъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался и бѣжалъ за море, а Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ и владѣлъ одинъ на Руси.

Въ 980 году пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ и сказалъ Ярополковымъ посадникамъ: «ступайте къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя; пристроивайся къ битвѣ». Отпустивъ посадниковъ, Владиміръ сѣлъ въ Новгородѣ и послалъ въ Полоцкъ, къ тамошнему князю Рогвольду, свататься на его дочери Рогнѣдѣ. Рогвольдъ спросилъ у дочери: «хочешь ли выйти за Владиміра?» Она отвѣчала: «нѣтъ, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, великаго князя Кіевскаго». Послы Владиміра, возвратясь, пересказали ему всю рѣчь Рогнѣдину; тогда Владиміръ, собравъ большое войско, Варяговъ и Славянъ, Чудь и Кривичей, пошелъ на Рогвольда. Въ то самое время, какъ уже хотѣли вести Рогнѣду къ Ярополку, пришелъ Владиміръ

на Полоцкъ, убилъ Рогвольда, двоихъ сыновей его, а дочь взялъ за себя и пошелъ на Ярополка.

Когда Владиміръ пришелъ къ Кіеву со множествомъ войска, то Ярополкъ не могъ противиться ему и затворился въ городѣ съ людьми своими и съ воеводою Блудомъ. Къ этому Блуду Владиміръ прислалъ съ такими рѣчами: «возьми мою сторону, если мнѣ удастся убить брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь; вѣдь не я началъ убивать братьевъ, а онъ; я же пришелъ на него изъ страха, чтобы онъ и меня не убилъ». Блудъ отвѣчалъ посламъ Владиміровымъ, что будетъ помогать ихъ князю; и точно, безпрестанно ссылался съ нимъ, убѣждая приступить къ городу, а Ярополка обманывалъ, мысля убить его; но по причинѣ гражданъ нельзя было этого сдѣлать. Тогда Блудъ замыслилъ погубить Ярополка коварствомъ, и началъ отсовѣтывать ему выходить изъ города на битву, говоря: «бѣги скорѣе изъ Кіева, Кіевляне пересылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ къ городу, обѣщаясь предать тебя ему». Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ, а Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ скоро сдѣлался страшный голодъ; есть пословица теперь: «бѣда точно въ Роднѣ». Въ такихъ обстоятельствахъ Блудъ началъ говорить Ярополку: «видишь, сколько войска у твоего брата; намъ его не пересилить, заключай скорѣй миръ». Ярополкъ отвѣчалъ: «хорошо». Тогда Блудъ послалъ сказать Владиміру: «мысль твоя сбылась; я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядишься какъ бы убить его». Получивъ это извѣстіе, Владиміръ пошелъ на отцовскій теремный дворъ и сѣлъ тамъ съ дружиною, а Блудъ между тѣмъ говорилъ Ярополъ-

ку: «ступай къ брату и скажи ему: что мнѣ дашь, тѣмъ и буду доволенъ». Ярополкъ пошелъ, хотя вѣрный слуга его Варяжъ и говорилъ ему: «не ходи, князь, убьютъ тебя: бѣги лучше къ Печенѣгамъ, и приведи оттуда войско»; но князь не послушался. Когда Ярополкъ пришелъ ко Владиміру и сталъ входить въ двери, то два Варяга пронзили его мечами подъ пазуху, а Блудъ между тѣмъ захлопнулъ за нимъ двери и не далъ Ярополковой дружинѣ войти за своимъ княземъ; такъ былъ убитъ Ярополкъ.

Послѣ этого Варяги сказали Владиміру: «Городъ-то нашъ, вѣдь мы его взяли, и потому хотимъ брать окупъ на гражданахъ по двѣ гривны съ человѣка». Владиміръ отвѣчалъ имъ: «Подождите немного, пока сберутъ деньги за мѣсяцъ». Варяги ждали, ждали,—и ничего не получили; тогда они сказали Владиміру: «Обманулъ ты насъ; позволь намъ, по крайней мѣрѣ, идти въ Грецію». Владиміръ отвѣчалъ: «Ступайте». Потомъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смышленыхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; другіе же пошли въ Царь-градъ, къ Грекамъ. Но Владиміръ еще прежде нихъ послалъ сказать императору: «Идутъ къ тебѣ Варяги: не держи ихъ въ городѣ, а не то надѣлаютъ они тебѣ бѣдъ, какія и у насъ здѣсь; лучше разошли ихъ по разнымъ мѣстамъ, а сюда къ намъ не пускай ни одного». Послѣ этого началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, и поставилъ разные кумиры на холму, за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой; кромѣ него—Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Макоша. Приносили имъ жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своихъ и дочерей и приносили въ жертву богамъ; осквернилась кровью земля Русская и холмъ тотъ. Но Богъ не

хотѣлъ смерти грѣшникамъ; на томъ холмѣ теперь церковь св. Василія; но объ этомъ послѣ скажемъ, а теперь къ прежнему возвратимся.

Пошелъ Владиміръ на Ляховъ и занялъ города ихъ—Перемышль, Червень и другіе, которые и теперь подъ Русью; побѣдилъ Вятичей и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ и отецъ его бралъ. Когда князь пришелъ въ Кіевъ и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали: «Бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ; на кого падетъ, того и зарѣжемъ богамъ». Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ; дворъ его стоялъ тамъ, гдѣ теперь церковь св. Богородицы, построенная Владиміромъ; Варягъ этотъ пришелъ изъ Греціи, держалъ вѣру христіанскую, и былъ у него сынъ прекрасный лицомъ и душою; на него-то и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому Варягу и сказали: «На твоего сына палъ жребій; боги выбрали его себѣ, чтобы мы принесли его имъ въ жертву». Варягъ отвѣчалъ: «то не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ; сдѣланы руками изъ дерева; Богъ же одинъ, которому служатъ Греки и кланяются; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сотворили? они сами сдѣланы руками человѣческими; не дамъ сына своего бѣсамъ». Посланные пересказали слова Варяга гражданамъ; тогда народъ, взявъ оружіе, пошелъ на Варяга и разломалъ заборъ около его дома. Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ; ему кричали: «Отдай сына—намъ нужно принести его въ жертву богамъ». Онъ отвѣчалъ: «Если то въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ одного бога взять моего сына; а вы изъ чего такъ хлопочете?» Въ народѣ

раздался яростный крикъ; толпа бросилась, подрубили сѣни подъ обоими Варягами, и такимъ образомъ убили ихъ, и никто не знаетъ, гдѣ ихъ похоронили.

Въ 988 году пошелъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій; Корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: «если не сдадитесь, то три года простою здѣсь», но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но корсунцы, подкопавъ городскую стѣну, уносили насыпанную землю къ себѣ въ городъ. Въ это время одинъ житель Корсунскій, именемъ Настасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ Русскій, а на стрѣлѣ было написано: «На востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ, откопай колодезь и перейми воду». Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогши отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ сказать императорамъ Василію и Константину: «Вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то стольному городу вашему будетъ то же, что и Корсуню». Оба царя, услыхавъ это, сильно огорчились и отвѣчали: «Неприлично христіанамъ выдавать сестеръ своихъ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное, а съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры». Владиміръ отвѣчалъ посламъ императорскимъ: «Скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому что и прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе». Цари, услыша это, обрадовались и послали ко Владиміру сестру свою, именемъ Анну,

которую насилу уговорили идти: она сѣла на корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенія обвѣнчался на Аннѣ и пошелъ съ нею въ Кіевъ. Пришедъ туда, онъ велѣлъ повѣстить народу: «Кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый ли или бѣдный, тотъ будетъ мнѣ противенъ». Услыхавъ это, люди шли съ радостью, говоря: «Если бъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ея». На другой день Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей; всѣ вошли въ воду и стояли въ ней—одни по шею, другіе по грудь, малолѣтные у берега, возрастные же дальше, и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы.

Глава IV.

О томъ, какъ Владиміръ воевалъ съ Печенѣгами, и о смерти Владиміра.

Владиміръ велѣлъ строить церкви въ Кіевѣ и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры; такъ поставилъ онъ церковь св. Василія на холмѣ, гдѣ прежде стоялъ Перунъ и гдѣ приносили жертвы князь и люди; и по другимъ городамъ началъ ставить церкви, и къ нимъ священниковъ, и людей приводить на крещеніе по всѣмъ городамъ и селамъ. Послалъ также взять у лучшихъ гражданъ дѣтей и отдать ихъ въ книжное ученье; при этомъ матери плакали по сво-

ихъ дѣтяхъ, какъ по мертвецахъ, потому что не были еще утверждены въ вѣрѣ.

Въ 991 году пошелъ Владиміръ на Хорватовъ. Только что возвратился онъ съ Хорватской войны, и вотъ Печенѣги пришли съ той стороны, отъ рѣки Сулы; Владиміръ пошелъ противъ враговъ и встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежи. Русскіе стали на этой сторонѣ, а Печенѣги на той, и не смѣли ни наши перейти на Печенѣжскую сторону, ни Печенѣги на нашу. Тогда пріѣхалъ князь Печенѣжскій къ рѣкѣ, позвалъ Владиміра и сказалъ ему: «Выпусти ты своего воина и я своего—пусть борются, и если твой осилитъ моего, то не будемъ воевать три года, если же нашъ одолѣетъ, то будемъ разорять вашу землю цѣлые три года». Послѣ этого разговора князья разошлись разно; Владиміръ, пришедши къ себѣ въ станъ, послалъ кликать по шатрамъ: «Нѣтъ ли такого, кто бы взялся биться съ Печенѣгомъ?» и не сыскался никто. На другое утро пріѣхали Печенѣги и привели своего бойца, а у нашихъ никого не было. Сталъ тужить князь Владиміръ, и послалъ опять кликать по всему войску; тогда пришелъ къ князю старикъ и сказалъ ему: «Князь! вышелъ я сюда на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; съ самаго дѣтства не было человѣка, кто бы одолѣлъ его; однажды онъ мялъ воловью кожу, а я сталъ его за что-то бранить, такъ онъ, разсердясь на меня, порвалъ кожу руками». Князь, слыша это, обрадовался и послалъ за силачомъ; когда онъ пришелъ, то князь разсказалъ ему въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ: «Не знаю, князь, могу ли биться съ Печенѣгомъ, но пусть испытаютъ меня: нѣтъ ли здѣсь большого и сильнаго быка?» Нашли быка, большого и сильнаго, велѣли разъярить его горячимъ желѣзомъ и

пустить на волю: когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ. Владиміръ, видя это, сказалъ ему: «Можешь биться съ Печенѣгомъ». На другое утро пришли Печенѣги и начали опять кричать: «Что же? нашелся ли боецъ? а нашъ уже готовъ!» Владиміръ еще за ночь велѣлъ своему бойцу вооружиться, и вотъ оба показались. Съ печенѣжской стороны вышелъ великанъ, страшный видомъ: выступилъ и Владиміровъ богатырь: онъ былъ средняго роста, и потому Печенѣгъ, увидавъ его, началъ смѣяться. Размѣрили мѣсто между обоими полками и пустили борцовъ: тѣ схватились и начали крѣпко щемить другъ друга; нашъ стиснулъ Печенѣга руками до смерти и ударилъ его о землю; тогда съ обѣихъ сторонъ раздался крикъ, Печенѣги побѣжали; Русскіе ударили въ слѣдъ на ними и прогнали ихъ. Владиміръ былъ очень радъ, сдѣлалъ богатыря знатнымъ человѣкомъ, и отца его тоже; потомъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и со славою великою.

Въ 995 году опять пришли Печенѣги къ городу Василеву. Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, и когда вступилъ въ битву, то не могъ удержаться, побѣжалъ и едва укрылся отъ враговъ подъ мостомъ. Тутъ обѣщался Владиміръ поставить церковь св. Преображенія въ Василевѣ, потому что въ тотъ день было Преображеніе. Избавившись отъ бѣды, Владиміръ точно поставилъ церковь и сдѣлалъ большой праздникъ, наварилъ меду и созвалъ бояръ своихъ, и посадниковъ, и старшинъ изо всѣхъ городовъ, и всякихъ людей много, а нищимъ роздалъ триста гривенъ. Праздновавъ восемь дней, Владиміръ возвратился въ Кіевъ на Успеніе Богородицы, и тутъ опять сдѣлалъ большой праздникъ, созвавъ безчисленное множество народа. Онъ приказывалъ

всякому, нищему и убогому, приходить на княжій дворъ и брать все, что надобно: питье, кушанье и деньги изъ казны. Князь говорилъ также: «Вѣдь больные и слабые не могутъ дойти до моего двора», и потому велѣлъ сдѣлать телѣги, накладывать на нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи разные, медъ, квасъ, и развозить по городу, спрашивая: «гдѣ больные и нищіе, кто ходить не можетъ?»—тѣмъ раздавали все это. Каждое воскресенье завелъ онъ на дворѣ своемъ пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкіе, десяцкіе, лучшіе люди, при князѣ и безъ князя; на тѣхъ пирахъ бывало множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вотъ бывало, какъ подопьютъ, то и начнутъ роптать на князя, говоря: «Что это наше здѣсь за житье горькое! даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!» Владиміръ, услыхавъ ропотъ, велѣлъ подавать серебряныя ложки и сказалъ: «Съ серебромъ и золотомъ не найдешь дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ дѣдъ мой и отецъ съ дружиною доискались золота и серебра». Владиміръ любилъ свою дружину и думалъ съ нею обо всякихъ дѣлахъ: объ устройствѣ земскомъ, о войнахъ, объ уставахъ земскихъ. Съ окольными князьями жилъ онъ мирно, и съ польскимъ княземъ, и съ венгерскимъ, и съ богемскимъ: были между ними миръ и любовь.

Въ 997 году Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскомъ на Печенѣговъ, потому что войны были безпрестанныя. Въ это время Печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ, пришли и стали около Бѣлгорода, не давая никому выхода, отъ чего сдѣлался вдругъ большой голодъ. Въ такой бѣдѣ граждане собрали вѣче и сказали: «Пришлось помереть съ голода, а отъ князя нѣтъ помощи; сдадимся Печенѣгамъ: кого убьютъ, а

кого въ живыхъ оставятъ; намъ все равно, помирать же голодною смертію». Такъ и рѣшили. На этомъ вѣчѣ не было одного старика, и когда онъ послѣ спросилъ: «Зачѣмъ это собрали вѣче?» то ему отвѣчали, что завтра хотятъ сдаться Печенѣгамъ. Старикъ послалъ за городскими старшинами и сказалъ имъ: «Что это я слышалъ, будто вы хотите сдаться Печенѣгамъ?» Тѣ отвѣчали: «Да что жъ будешь дѣлать? люди не хотятъ терпѣть голода». Тогда старикъ сказалъ имъ: «Послушайте жъ меня, не сдавайтесь еще денька три, и сдѣлайте такъ, какъ я вамъ скажу». Когда тѣ обѣщали слушаться его, старикъ продолжалъ: «Сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Старшины исполнили его волю. Тогда онъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать растворъ, на чемъ кисель варятъ; велѣлъ также выкопать колодецъ, вставить въ него кадку и налить ее растворомъ; велѣлъ выкопать и другой колодецъ, и въ него вставить кадку. Потомъ велѣлъ сыскать гдѣ-нибудь меду; ему принесли его цѣлое лукошко: спрятано оно было въ княжескомъ погребѣ; старикъ приказалъ сдѣлать изъ него сыту пресладкую и вылить въ кадку, которая стояла въ другомъ колодцѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за Печенѣгами; граждане пошли и сказали имъ: «Возьмите у насъ заложниковъ, а сами пойдите, человѣкъ съ десять, въ городъ и посмотрите, что у насъ дѣлается». Печенѣги обрадовались, думая, что хотятъ имъ сдаться: взяли заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ провѣдать, что тамъ такое дѣлается. Когда Печенѣги пришли въ городъ, то жители сказали имъ: «Зачѣмъ вы себя губите? хоть десять лѣтъ стойте подъ нашимъ городомъ, ничего намъ не сдѣлаете: у насъ сама земля даетъ кормъ; если жъ не вѣрите, посмотрите своими глазами».

Сказавъ это, привели ихъ къ колодцу, гдѣ былъ растворъ, почерпнули изъ него ведромъ и налили въ котлы; когда сварили кисель, то взяли Печенѣговъ и привели къ другому колодцу, и почерпнули сыты, и начали ѣсть сперва сами, а потомъ дали Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «Ни за что не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Тогда граждане налили горшокъ раствора и сыты изъ колодца и дали Печенѣгамъ; тѣ пошли къ своимъ и разсказали имъ все, что съ ними случилось. Князья Печенѣжскіе сварили себѣ кисель, поѣли, подивились, потомъ собрались и пошли прочь отъ города.

Въ 1014 году сынъ Владиміра, Ярославъ, который княжилъ въ Новгородѣ и давалъ каждый годъ въ Кіевѣ по двѣ тысячи гривенъ, а тысячу раздавалъ въ своемъ Новгородѣ дружинѣ, что дѣлали и всѣ прежніе посадники новгородскіе,—въ этотъ годъ вдругъ не захотѣлъ давать дани отцу своему. Владиміръ сказалъ: «Поправляйте дороги и мостите мосты», потому что хотѣлъ идти на Ярослава войною, да вдругъ разболѣлся. Между тѣмъ послышали, что Печенѣги идутъ на Русь; Владиміръ выслалъ противъ нихъ сына своего Бориса, а самъ сильно разболѣлся; въ этой болѣзни и умеръ.

Глава V.

О томъ, что случилось по смерти Владиміра, и о княженіи Ярослава.

По смерти Владиміра въ Кіевѣ сѣлъ старшій сынъ его Святополкъ. Онъ созвалъ Кіевлянъ и началъ давать имъ по-

дарки; Кіевляне брали, но сердце ихъ не лежало къ Святополку, потому что братья ихъ были съ Борисомъ. Борисъ уже возвратился съ войскомъ назадъ, не нашедъ Печенѣговъ, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть: «отецъ у тебя умеръ». Борисъ горько плакалъ, потому что онъ былъ у Владиміра сынъ любимый. Отцовская дружина сказала ему: «вотъ у тебя отцовская дружина и войско; пойди, сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ». Борисъ отвѣчалъ: «не подниму руки на брата старшаго; если и отецъ у меня умеръ, то пусть Святополкъ будетъ мнѣ вмѣсто отца». Услыхавъ такой отвѣтъ, воины разошлись отъ Бориса, который остался на рѣкѣ Альтѣ съ одними своими отроками. Между тѣмъ Святополкъ задумалъ беззаконное дѣло и послалъ сказать Борису: «хочу съ тобою любовь имѣть, и придамъ тебѣ еще къ той волости, которую получилъ ты отъ отца», но все эта была лесть: онъ хотѣлъ погубить его. Ночью пришелъ Святополкъ въ Вышгородъ, тайно призвалъ Путшу, городскихъ старшинъ и сказалъ имъ: «преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?» Путша и другіе Вышегородцы отвѣчали: «головы свои за тебя сложимъ». Тогда онъ сказалъ имъ: «не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса»; тѣ обѣщали немедленно исполнить его волю. Ночью пришли они къ рѣкѣ Альтѣ, и когда подступили поближе, то услыхали, что Борисъ поетъ заутреню: къ нему уже пришла вѣсть, что собираются погубить его. Помолившись, онъ легъ на постель,—и вотъ убійцы, какъ дикіе звѣри, напали на шатеръ, просунули въ него копья и прокололи Бориса; вмѣстѣ съ нимъ прокололи и слугу его, который палъ на него, желая тѣломъ своимъ защитить господина. Это былъ любимецъ Бориса, звали его Георгіемъ, родомъ онъ былъ изъ Венгріи;

Борисъ его очень любилъ и надѣлъ на него большую золотую цѣпь, въ которой онъ всегда находился при князѣ; тутъ же было побито и много другихъ отроковъ Борисовыхъ. Самъ Борисъ еще дышалъ, когда убійцы завернули его въ шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышитъ, послалъ двухъ Варяговъ прикончить его; когда посланные пришли и увидали, что князь еще живъ, то одинъ изъ нихъ вынулъ мечъ и пронзилъ его въ сердце. Такъ скончался блаженный Борисъ; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ и положили въ церкви св. Василія. Тогда окаянный Святополкъ началъ думать: «вотъ я убилъ Бориса: какъ бы убить Глѣба?» Для этого онъ послалъ съ лестію къ Глѣбу, веля сказать ему: «пріѣзжай сюда поскорѣе, отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ». Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиною, потому что былъ послушливъ отцу. Въ это же время пришла вѣсть въ Новгородъ къ Ярославу, отъ сестры его Предславы, объ отцовской смерти, и Ярославъ послалъ сказать Глѣбу: «не ходи: отецъ у тебя умеръ, и братъ твой убитъ Святополкомъ». Услыхавъ это, Глѣбъ горько заплакалъ объ отцѣ, но еще больше плакалъ онъ о братѣ. Когда Глѣбъ молился со слезами, внезапно пришли убійцы, посланные Святополкомъ; отроки Глѣбовы обмерли отъ страха; окаянный Горясѣръ, одинъ изъ посланныхъ Святополкомъ, велѣлъ тотчасъ же зарѣзать князя; поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынувъ ножъ, зарѣзалъ своего господина; злодѣи возвратились назадъ и сказали Святополку: «мы исполнили твою волю».

Этотъ Святополкъ окаянный убилъ и третьяго брата, Святослава, пославъ догнать его, когда тотъ бѣжалъ въ Венгрію. Послѣ третьяго убійства Святополкъ началъ думать:

«перебью всѣхъ своихъ братьевъ, и стану владѣть одинъ Русскою землею». Когда еще Ярославъ Новгородскій не зналъ объ отцовской смерти, то, сбираясь воевать съ Владиміромъ, призвалъ множество Варяговъ; эти Варяги дѣлали Новгородцамъ большое насиліе; Новгородцы встали и перебили ихъ. Ярославъ разсердился и, зазвавъ къ себѣ хитростію лучшихъ Новгородцевъ, перебилъ ихъ всѣхъ. Но въ ту же самую ночь получилъ онъ вѣсть изъ Кіева отъ сестры Предславы, которая писала: «отецъ твой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, а на Глѣба послалъ: берегись его». На другой день, собравъ остатокъ Новгородцевъ, Ярославъ сказалъ имъ со слезами: «отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ да братьевъ убиваетъ». Новгородцы отвѣчали: «Хотя братья наши и перебиты, но все можемъ стать за тебя». Тогда Ярославъ собралъ войско и пошелъ на Святополка, призвавъ Бога въ свидѣтели своей правды; онъ говорилъ: «не я началъ избивать братьевъ, но онъ; пусть будетъ Богъ мстителемъ за кровь братьевъ моихъ, потому что Святополкъ безъ вины пролилъ кровь праведнаго Бориса и Глѣба: что жъ, онъ пожалуй и со мной то же сдѣлаетъ?» Святополкъ, узнавъ, что Ярославъ идетъ на него, пристроилъ множество войска, Руси и Печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу. Оба брата стали, одинъ по сю, другой по ту сторону Днѣпра, но ни тотъ, ни другой не смѣли начать битвы, и такъ стояли три мѣсяца другъ противъ друга. Тогда Святополковъ воевода, ѣздя возлѣ берега, началъ укорять Новгородцевъ; онъ кричалъ имъ: что вы пришли съ вашимъ хромымъ княземъ? ахъ вы, плотники! вотъ мы заставимъ васъ строить намъ хоромы! Услыхавъ такую брань, Новгородцы сказали Ярославу: «завтра перевеземся на ту

сторону; если же кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ». Въ это время уже настали морозы; Святополкъ стоялъ между двумя озерами и всю ночь пилъ съ дружиною; а Ярославъ, рано утромъ, оставивъ свою дружину, на разсвѣтѣ перевезся на другую сторону рѣки. Когда Новгородцы вышли на берегъ, то оттолкнули лодки и ударили на враговъ. Сѣча была злая; Печенѣгамъ нельзя было озеромъ помочь Святополку, и Новгородцы притиснули непріятелей къ озеру; тѣ сошли на ледъ, ледъ подъ ними подломился, и Ярославъ началъ одолѣвать. Тогда Святополкъ побѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ.

Въ 1018 году пришелъ Болеславъ, король Польскій, съ Святополкомъ на Ярослава. Ярославъ собралъ Русь, Варяговъ, Славянъ и пошелъ навстрѣчу къ Болеславу; враги стали по берегамъ рѣки Буга. У Ярослава былъ воспитатель и воевода, именемъ Будый; онъ началъ смѣяться надъ Болеславомъ, говоря: «вотъ мы проткнемъ тебѣ палкою брюхо твое толстое!» Болеславъ былъ великъ и тяжелъ, такъ что насилу могъ сидѣть на конѣ, но былъ смышленъ; услыхавъ насмѣшки, онъ сказалъ дружинѣ своей: «если вы можете терпѣть такой укоръ, то я одинъ пойду на враговъ и погибну». Сказавъ это, онъ сѣлъ на коня и въѣхалъ въ рѣку, за нимъ бросилось и войско его. Ярославъ не успѣлъ приготовиться, былъ побѣжденъ и убѣжалъ только съ четырьмя мужами въ Новгородъ, а Болеславъ пошелъ въ Кіевъ съ Святополкомъ. Когда Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ уже оттуда бѣжать за море, то посадникъ Константинъ съ Новгородцами разсѣкъ лодки его, сказавъ: «хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ». Они начали сбирать деньги, призвали Варяговъ, роздали имъ жалованье, и Ярославъ

собралъ много войска. Болеславъ въ это время сидѣлъ въ Кіевѣ, и дружина его была разведена по городамъ; окаянный Святополкъ сказалъ своимъ: «сколько ни есть Поляковъ по городамъ, бейте ихъ»,—и поляковъ перебили. Тогда Болеславъ побѣжалъ изъ Кіева, взявъ имѣніе и бояръ Ярославскихъ, и всякихъ людей множество повелъ съ собою въ плѣнъ, занялъ и города Червенскіе. Святополкъ же началъ княжить въ Кіевѣ и, услыхавъ, что Ярославъ идетъ на него, убѣжалъ къ Печенѣгамъ.

Въ 1019 году пришелъ Святополкъ съ Печенѣгами въ силѣ тяжкой; Ярославъ, также собравъ множество войска, вышелъ противъ него на рѣку Альту, и покрылось Альтское поле толпами воиновъ. Была тогда пятница; только что показалось солнце, враги сошлись; сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; сѣклись, схватывая другъ друга за руки, и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удольямъ; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, и Святополкъ бѣжалъ.

Въ 1022 году братъ Ярослава Мстиславъ, который княжилъ въ Тмутаракани, пошелъ на Касоговъ. Касожскій князь Редедя вышелъ противъ него съ войскомъ, и когда оба, исполчившись, стали другъ противъ друга, то Редедя сказалъ Мстиславу: «для чего намъ губить дружину? Сойдемся лучше сами бороться, и если ты одолѣешь, то возьмешь все мое имѣніе, и жену, и дѣтей моихъ, и землю мою, если же я одолѣю, то возьму твое». Мстиславъ согласился. Тогда Редедя сказалъ: «будемъ бороться безъ оружія», и начали бороться крѣпко, и уже долго боролись; когда Мстиславъ сталъ изнемогать, потому что Редедя былъ великъ и силенъ, то сказалъ: «Пречистая Богородица, помоги мнѣ; если одолѣю врага, то построю церковь въ

Твое имя». Сказавъ это, онъ ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его; потомъ пошелъ въ его землю, взялъ все имѣніе, жену, дѣтей, и наложилъ дань на Касоговъ; когда же пришелъ въ Тмутаракань, то заложилъ церковь св. Богородицы и построилъ ее.

Въ 1024 году, когда Ярославъ былъ въ Новгородѣ, пришелъ Мстиславъ изъ Тмутаракани къ Кіеву, и не приняли его Кіевляне; тогда онъ пошелъ и сѣлъ въ Черниговѣ, а Ярославъ все былъ въ Новгородѣ. Услыхавъ о приходѣ Мстислава, онъ послалъ за море звать Варяговъ, и вотъ пришелъ къ нему слѣпой Якунъ съ Варягами. Тогда Ярославъ пошелъ съ нимъ на Мстислава, и оба брата сошлись при Лиственѣ. Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину и поставилъ Сѣверянъ въ серединѣ противъ Варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по бокамъ. Ночь была претемная, съ молніею, громомъ и дождемъ; тогда Мстиславъ сказалъ дружинѣ: «пойдемъ на нихъ!» Враги сошлись; Сѣверяне схватились съ Варягами; и когда Варяги утомились, поражая Сѣверянъ, тогда наступилъ на нихъ Мстиславъ съ дружиною и началъ бить Варяговъ. Сильная была сѣча! какъ освѣтитъ молнія, такъ и заблеститъ оружіе; и гроза была большая, и сѣча была сильная и страшная. Когда Ярославъ увидалъ, что побѣжденъ братомъ, то побѣжалъ вмѣстѣ съ Якуномъ. Ярославъ пошелъ въ Новгородъ, а Якунъ за море. Мстиславъ же на другой день, на разсвѣтѣ, видя трупы своихъ Сѣверянъ и Ярославовыхъ Варяговъ, сказалъ: «кто этому не порадуется? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, а вотъ Варягъ; а дружина моя цѣла». Послѣ побѣды Мстиславъ послалъ сказать Ярославу: «сядь въ своемъ Кіевѣ: ты старшій братъ, а мнѣ будетъ эта сторона». На другой годъ

Ярославъ заключилъ миръ съ братомъ, и раздѣлили Русскую землю по Днѣпръ: Ярославъ взялъ правую сторону, а Мстиславъ лѣвую, и начали жить мирно, въ братолюбьи, усобицы и мятежи перестали, и была большая тишина въ землѣ. Въ 1036 году Мстиславъ вышелъ на охоту, разболѣлся и умеръ; положили его въ церкви св. Спаса, въ Черниговѣ, которую самъ построилъ. Мстиславъ былъ полонъ, красноватъ лицомъ, съ большими глазами; былъ храбръ на войнѣ, милостивъ, очень любилъ дружину, не щадилъ для нея ни имѣнья, ни ѣды, ни питья. Владѣніе его досталось Ярославу, и сталъ Ярославъ самовластцемъ въ Русской землѣ.

Въ 1043 году послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на Грековъ, и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ. Вотъ и пошелъ Владиміръ въ лодкахъ; пришли въ Дунай, а отсюда отправились къ Царю-граду. Вдругъ поднялась большая буря, и русскіе корабли разбило, князя Владиміра взялъ къ себѣ въ корабль Иванъ Творимиричъ, воевода Ярославовъ; прочіе же воины, числомъ 6.000, выброшены были на берегъ, и хотѣли идти въ Русь, но никто изъ дружины княжеской не хотѣлъ идти съ ними. Тогда Вышата сказалъ: «я пойду съ ними: останусь живъ, хорошо, а погибну, все лучше, съ дружиною». Когда къ Грекамъ пришла вѣсть, что русскіе корабли разбиты бурею, то царь, именемъ Мономахъ, послалъ свои корабли вслѣдъ за непріятелемъ. Владиміръ, видя съ дружиною, что за ними погоня, обратился назадъ, разбилъ греческіе корабли и пришелъ въ Русь; но Вышату съ остальнымъ войскомъ Греки взяли въ плѣнъ и привели къ Царь-граду, гдѣ много русскихъ ослѣпили; только уже черезъ три года, когда за-

ключенъ былъ миръ, пустили Вышату въ Русь къ Ярославу.

Въ 1054 году умеръ великій князь русскій Ярославъ. Еще при жизни онъ урядилъ сыновей своихъ, сказавъ имъ: «вотъ я отхожу изъ этого свѣта, дѣти мои, любите другъ друга, потому что вы дѣти одного отца и матери. Если будете жить въ любви другъ съ другомъ, то Богъ будетъ среди васъ, покоритъ вамъ всѣхъ враговъ и будете жить мирно; если же станете ненавидѣть другъ друга, жить въ распряхъ и ссорахъ, то погибнете и сами, и погубите землю отцовъ своихъ и дѣдовъ, которую они достали себѣ трудомъ великимъ. Но живите мирно, слушаясь братъ брата. Вмѣсто себя поручаю Кіевъ старшему сыну своему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались: онъ будетъ вамъ вмѣсто меня; а Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль и Вячеславу Смоленскъ». Такъ подѣлилъ онъ между ними города, заказавъ имъ не вступаться въ братнія области и не выгонять другъ друга, а Изяславу сказалъ: «если кто вздумаетъ обижать брата своего, то ты помогай обиженному». Ярославъ умеръ въ Вышгородѣ; при немъ былъ тогда третій сынъ его Всеволодъ, котораго онъ любилъ больше всѣхъ и держалъ всегда при себѣ. Всеволодъ положилъ тѣло отца своего въ сани и повезъ въ Кіевъ; по дорогѣ священники пѣли обычныя пѣсни, а народъ провожалъ съ плачемъ; привезши въ Кіевъ, положили его въ мраморномъ гробѣ, въ церкви св. Софіи, и плакали по немъ Всеволодъ и его люди.

Глава VI.

О княженіи Изяслава Ярославича.

Когда Изяславъ, по смерти отца, началъ княжить въ Кіевѣ, то племянникъ его Ростиславъ, сынъ Владиміра Ярославича, побѣжалъ въ Тмутаракань и выгналъ оттуда Глѣба, сына Святослава Черниговскаго. Святославъ пошелъ къ Тмутараканью на Ростислава, и тотъ вышелъ вонъ изъ города, не потому, что испугался его, но потому, что не хотѣлъ поднять оружія противъ родного дяди. Святославъ, пришедъ въ Тмутаракань, посадилъ тамъ опять сына своего Глѣба и пошелъ назадъ домой въ Черниговъ; но какъ скоро онъ удалился, то Ростиславъ пришелъ опять, выгналъ Глѣба и сѣлъ въ Тмутаракани. Утвердившись здѣсь, онъ сталъ брать дань у Касоговъ и въ другихъ странахъ. Греки испугались и подослали Корсунскаго правителя извести князя коварствомъ. Правитель пришелъ къ Ростиславу; тотъ совершенно ввѣрился ему и началъ оказывать большую честь. Однажды, когда Ростиславъ пировалъ съ дружиною, Грекъ сказалъ ему: «князь! хочу пить за твое здоровье»; Ростиславъ отвѣчалъ «пей». Грекъ выпилъ половину чаши, а другую подалъ выпить князю; но прежде незамѣтно обмакнулъ въ чашу палецъ, а подъ ногтемъ у него былъ ядъ, который долженъ былъ подѣйствовать въ восьмой день. Когда князь выпилъ свою долю, то отравитель скрылся и, пріѣхавъ въ Корсунь, объявилъ, что въ тотъ день умретъ Ростиславъ, какъ и случилось. Ростиславъ былъ мужъ доблестный, воинственный, тѣломъ строенъ, красивъ лицомъ и милостивъ къ убогимъ.

Въ 1066 году началъ войну Всеславъ, князь Полоцкій, и занялъ Новгородъ; трое Ярославичей: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, собравши войско, пошли на Всеслава, когда на дворѣ стояли страшные морозы. Ярославичи пришли къ Минску; жители его затворились въ городѣ, но князья взяли Минскъ, перебили мужчинъ, женъ и дѣтей повели въ полонъ, и пошли къ рѣкѣ Немизѣ; Всеславъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Враги сошлись на Немизѣ; глубокіе снѣга лежали на поляхъ; несмотря на то, однако, войска пошли другъ противъ друга, и была злая сѣча; много людей пало съ обѣихъ сторонъ, но Ярославичи одолѣли, и Всеславъ бѣжалъ. Потомъ Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ поцѣловали Всеславу крестъ и сказали ему: «приди къ намъ, мы не сдѣлаемъ тебѣ никакого зла». Всеславъ понадѣялся на крестное цѣлованіе и переѣхалъ въ лодкѣ черезъ Днѣпръ. Но Изяславъ нарушилъ клятву: схватилъ Всеслава въ своемъ шатрѣ, привезъ въ Кіевъ и посадилъ въ темницу вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Въ слѣдующій годъ пришли иноплеменники на Русскую землю, Половцы, большими толпами. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ вышли къ нимъ навстрѣчу на рѣку Альту, ночью произошла битва; Половцы побѣдили, и русскіе князья обратились въ бѣгство: Изяславъ со Всеволодомъ побѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Когда Кіевляне прибѣжали въ свой городъ, то созвали вѣче на торговой площади и послали сказать князю: «вотъ Половцы разсѣялись по землѣ; дай намъ, князь, оружіе и коней: хотимъ биться съ ними». Князь не послушалъ ихъ. Тогда люди начали кричать на воеводу Коснячька; пошли съ вѣча на гору, пришли на дворъ къ Коснячьку и, не нашедши его дома, остановились у двора Брячиславова и сказали: «пойдемъ,

высадимъ дружину свою изъ тюрьмы». Толпа раздѣлилась на двое: одни пошли къ тюрьмѣ, а другіе по мосту, на княжескій дворъ. Изяславъ сидѣлъ тогда на сѣняхъ съ дружиною и началъ спорить съ народомъ: народъ стоялъ внизу, а князь смотрѣлъ изъ окошка, съ дружиною. Тогда одинъ изъ бояръ сказалъ Изяславу: «видишь, князь, народъ такъ и взвылъ, пошли постеречь Всеслава, а то долго ль до бѣды». Не успѣлъ онъ еще договорить, какъ другая половина народа пришла отъ тюрьмы, отворивши ее; тогда дружина начала говорить князю: «бѣда теперь! пошли кого-нибудь къ Всеславу, чтобъ хитростью приманилъ его къ окну и пронзилъ мечомъ». Князь не послушался. Тогда въ толпѣ народа раздался крикъ, и всѣ двинулись къ темницѣ Всеслава. Изяславъ, увидавъ это, побѣжалъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, а народъ выпустилъ Всеслава изъ темницы и поставилъ его среди княжескаго двора; имѣніе Изяслава было разграблено, онъ убѣжалъ въ Польшу. Между тѣмъ Половцы воевали по Русской землѣ; когда они стали опустошать окрестности Чернигова, то Святославъ собралъ нѣсколько дружинъ и вышелъ противъ нихъ. Увидавъ множество Половцевъ, выстроившись на битву, Святославъ сказалъ дружинѣ: «станемъ крѣпко, вѣдь намъ теперь некуда дѣться, и русскіе поскакали на враговъ; Святославъ одолѣлъ съ своими тремя тысячами, тогда какъ Половцевъ было двѣнадцать тысячъ; одни изъ нихъ были побиты, другіе потонули въ рѣкѣ, а князя ихъ поймали руками живого. Такимъ образомъ Святославъ возвратился съ побѣдою въ свой городъ.

Въ 1068 году пошелъ Изяславъ съ Болеславомъ, королемъ Польскимъ, на Всеслава; тотъ вышелъ противъ нихъ; но когда прибылъ въ Бѣлгородъ, то ночью, тайкомъ отъ Кіевлянъ,

бѣжалъ въ Полоцкъ. Кіевляне, увидавъ на другой день, что князь убѣжалъ, возвратились въ Кіевъ, собрали вѣче и послали сказать Святославу и Всеволоду: «мы сдѣлали дурно, что прогнали своего князя; но вотъ онъ ведетъ теперь на насъ Поляковъ; ступайте въ городъ отца вашего; если же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ свой городъ, да и уйдемъ въ греческую землю». Святославъ отвѣчалъ имъ: «мы пошлемъ къ брату; если онъ пойдетъ съ Поляками губить васъ, то мы выступимъ противъ него ратью, не дадимъ изгубить отцовскаго города; если же онъ захочетъ мира, то придетъ съ малою дружиною». Этими словами князья утѣшили Кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: «Всеславъ убѣжалъ; не води Поляковъ въ Кіевъ: тамъ тебѣ не будутъ противиться; если же ты все еще сердишься и хочешь изгубить городъ, то знай, что мы пожалѣемъ отцовскаго стола». Услыхавъ это, Изяславъ оставилъ Поляковъ и пошелъ съ Болеславомъ, взявши только маленькій отрядъ войска; но напередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава. Мстиславъ, пришедши въ городъ, умертвилъ тѣхъ, которые освободили Всеслава, числомъ 70 человѣкъ, другихъ ослѣпилъ, иныхъ погубилъ и безъ вины, не изслѣдовавъ дѣла. Когда самъ Изяславъ приблизился къ городу, то Кіевляне вышли къ нему навстрѣчу съ поклономъ и съ честью приняли своего князя.

Въ 1073 году встала распря между братьями Ярославичами: Святославъ соединился со Всеволодомъ на Изяслава; послѣдній принужденъ былъ выйти изъ Кіева, и младшіе братья вошли туда, нарушивъ завѣщаніе отцовское. Святославъ былъ всему виною: желая имѣть больше власти, онъ сталъ говорить Всеволоду: «Изяславъ сносится со Всесла-

вомъ, мысля на насъ зло; если не предупредимъ его, то прогонитъ онъ насъ». Такими рѣчами возбудилъ Святославъ Всеволода на Изяслава. Послѣднiй отправился, какъ и прежде, въ Польшу, взявши съ собою большiя сокровища. Онъ говорилъ: «съ деньгами я найду себѣ войско»; но ошибся: Поляки обобрали у него имѣнiя и показали путь отъ себя. Въ 1076 году умеръ Святославъ Ярославичъ, и его мѣсто занялъ Всеволодъ; но въ слѣдующемъ же году явился Изяславъ съ Поляками; Всеволодъ пошелъ къ нему навстрѣчу на Волынь: здѣсь братья заключили миръ, и Изяславъ сѣлъ опять въ Кiевѣ. Скоро однако племянники его, которымъ онъ не далъ областей—Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ—привели Половцевъ на Русскую землю, и пошли на Всеволода; тотъ вышелъ противъ нихъ и былъ побѣжденъ. Олегъ и Борисъ пришли въ Черниговъ, думая, что одолѣли дядю, и начали дѣлать много зла Русской землѣ, проливая кровь христiанскую. Разбитый Всеволодъ пришелъ къ брату Изяславу, въ Кiевъ; когда братья поздоровались и сѣли, то Всеволодъ разсказалъ все, что съ нимъ случилось. Изяславъ отвѣчалъ ему на это: «не тужи, братъ! ты знаешь сколько и со мною самимъ случалось бѣдъ: прежде всего не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имѣнiе? и потомъ въ чемъ я провинился, а между тѣмъ былъ-таки изгнанъ вами! не скитался ли я по чужимъ землямъ, лишенный всего имущества? а видитъ Богъ, что я зла не сдѣлалъ никакого; и теперь, братъ, не будемъ тужить; если остались въ Русской землѣ, то оба останемся; если же лишатъ насъ ея, то обоихъ вмѣстѣ: я сложу за тебя свою голову». Сказавши это, онъ утѣшилъ Всеволода и велѣлъ сбирать войско, отъ мала до велика; послѣ чего выступили въ походъ—Изяславъ съ сыномъ

своимъ Ярополкомъ и Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ. Когда племянники услыхали, что дяди идутъ на нихъ, то Олегъ сказалъ Борису: «намъ нельзя къ нимъ идти навстрѣчу, нельзя стать противъ четырехъ князей, пошлемъ лучше къ дядямъ просить мира». Борисъ отвѣчалъ: «ты только смотри, а я одинъ пойду на нихъ всѣхъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: у села Нежатина Нива сошлись дядья съ племянниками, и была сѣча злая: сперва убили Бориса, сына Вячеслава, который такъ много прежде хвалился, потомъ убитъ былъ и великій князь Изяславъ; несмотря на то, однако, братъ его Всеволодъ остался побѣдителемъ, и Олегъ едва успѣлъ убѣжать въ Тмутаракань. Когда тѣло Изяслава привезено было въ лодкѣ, то вышелъ къ нему навстрѣчу весь Кіевъ; священники и монахи съ пѣснями понесли его въ городъ, но пѣсней было не слыхать отъ плача и отъ воплей, потому что плакалъ по немъ весь Кіевъ; сынъ его Ярополкъ шелъ позади его тѣла, плакалъ съ дружиною и приговаривалъ: «батюшка, батюшка! много ли пожилъ ты безъ печали на свѣтѣ? много напасти принялъ ты отъ людей своихъ и отъ братьевъ своихъ; но вотъ теперь погибъ ты не отъ брата, а за брата положилъ голову свою». Изяславъ былъ взраченъ и высокъ ростомъ; нравомъ незлобивъ, коварство ненавидѣлъ, любилъ правду, лести въ немъ не было, умъ имѣлъ простой и не платилъ зломъ за зло. Какъ съ нимъ поступили Кіевляне! самого выгнали, домъ разграбили, однако онъ не отплатилъ имъ зломъ за зло. Если кто скажетъ: «а какъ же онъ перебилъ тѣхъ, которые освободили Всеслава изъ темницы?»—Но вѣдь то не самъ онъ сдѣлалъ, а сынъ его. Потомъ прогнали его родные братья, и онъ скитался по чужой землѣ; когда же снова сѣлъ на столѣ своемъ, и

побѣжденный Всеволодъ пришелъ къ нему, то Изяславъ не сказалъ брату: «а я сколько отъ васъ натерпѣлся?» не отплатилъ зломъ за зло, но утѣшилъ, говоря: «какъ ты, братъ, показалъ ко мнѣ любовь, ввелъ меня на столъ мой и назвалъ старшимъ, такъ и я теперь не помяну перваго зла; мы братья родные, и положу голову свою за тебя», что и случилось на самомъ дѣлѣ; не сказалъ онъ ему: «сколько зла надѣлали вы мнѣ, и вотъ теперь съ тобою то же случилось»; не сказалъ: «ступай отъ меня, ищи помощи, гдѣ хочешь», но взялъ на себя печаль братнюю, и великую показалъ любовь, поступилъ по апостолу, который велитъ утѣшать печальныхъ.

Глава VII.

О княженіи Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича.

По смерти Изяслава Всеволодъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отца своего и брата своего, взявъ одинъ всѣ владѣнія русскія. Въ 1093 году онъ умеръ. Этотъ князь изъ дѣтства былъ боголюбивъ, любилъ правду, раздавалъ большую милостыню нищимъ, чтилъ духовенство, особенно же любилъ монаховъ, былъ очень воздержанъ, за что отецъ любилъ его больше всѣхъ другихъ сыновей, и обыкновенно говаривалъ ему: «радуюсь, слыша о твоей кротости и видя, какъ ты покоишь мою старость; если, Богъ дастъ, сядешь на моемъ столѣ, послѣ братьевъ своихъ, какъ слѣдуетъ по порядку, а не насиліемъ, и когда Богъ пошлетъ тебѣ кончину, то ляжешь тамъ же, гдѣ и я, у моего гроба, потому что люблю

тебя больше всѣхъ другихъ твоихъ братьевъ». Когда Всеволодъ началъ княжить въ Кіевѣ, то заботъ стало у него больше, чѣмъ когда онъ княжилъ въ Переяславлѣ, потому что племянники безпрестанно докучали ему, все просили областей, тотъ ту, другой другую; великій князь только и зналъ, что мирилъ ихъ да раздавалъ волости; а тутъ начались болѣзни разныя, къ нимъ приспѣла и старость. Всеволодъ началъ любить молодую дружину и съ нею обо всемъ совѣтоваться, а молодые стали отводить его отъ старой дружины и наговаривать ему на нее; въ судахъ пошли притѣсненія; намѣстники стали грабить людей, брать съ нихъ взятки, а великій князь ничего объ этомъ не зналъ въ своихъ болѣзняхъ.

По смерти Всеволода сынъ его Владиміръ Мономахъ сталъ думать: «если сяду на престолѣ отца своего, то будетъ у меня непремѣнно война съ Святополкомъ, потому что Кіевъ прежде принадлежалъ отцу его». Размысливъ такимъ образомъ, онъ послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, а самъ пошелъ въ Черниговъ. Послѣ Свѣтлаго Воскресенья пришелъ Святополкъ въ Кіевъ; Кіевляне вышли къ нему навстрѣчу съ поклономъ и приняли его съ радостью. Въ это время пошли Половцы на Русскую землю, и, услыхавъ, что Всеволодъ умеръ, отправили пословъ къ Святополку просить мира. Святополкъ не посовѣтовался съ старшею дружиною отцовскою и дядиною, а только съ дружиною, которая пришла съ нимъ изъ Турова, и по совѣту послѣдней, схвативъ половецкихъ пословъ, посадилъ ихъ подъ стражу: это раздражило Половцевъ и они разсѣялись всюду для войны и грабежа. Тогда Святополкъ испугался и выпустилъ пословъ, желая мира, но уже теперь Половцы не хотѣли мириться и продол-

жали опустошать Русь. Святополкъ началъ собирать войско, думая идти на враговъ: тогда умные бояре сказали ему: «куда тебѣ противъ нихъ! посмотри, какъ у тебя мало войска». Святополкъ отвѣчалъ: «у меня 800 отроковъ, довольно будетъ: могутъ стать противъ Половцевъ», и несмысленные совѣтники также подстрекали его: «ступай, князь, нечего бояться». Но благоразумные бояре твердили свое: «если бы ты собралъ 8.000,—говорили они,—и то было бы мало: наша земля оскудѣла отъ войны и отъ налоговъ; пошли лучше къ брату своему Владиміру за помощью». На этотъ разъ Святополкъ послушался ихъ, послалъ къ Владиміру за помощью, и тотъ немедленно собралъ войско. Когда онъ пришелъ въ Кіевъ и соединился съ Святополкомъ, то между князьями начались распри; тогда умные бояре стали говорить имъ: «что вы тутъ ссоритесь, а враги между тѣмъ губятъ Русскую землю; послѣ уладитесь, а теперь ступайте противъ Половцевъ, либо съ миромъ, либо съ войною». Владиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ войны; когда русскіе полки пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, то и тутъ Владиміръ говорилъ, что надобно мириться, съ нимъ согласны были всѣ умные и опытные мужи, но Кіевляне не захотѣли мира и перешли Стугну въ самое половодье. Вотъ и Половцы показались со стрѣльцами напереди, они напали прежде всего на Святополка и стѣснили отрядъ его; самъ Святополкъ стоялъ крѣпко, но люди его побѣжали и увлекли князя. Потомъ враги наступили на Владиміра; брань была лютая; побѣжалъ и Владиміръ съ братомъ Ростиславомъ. Когда оба брата стали переправляться черезъ рѣку Стугну, то Ростиславъ началъ утопать передъ глазами Владиміра, тотъ ринулся подхватить брата и едва самъ не утонулъ, а Ростислава не спасъ. Съ малою дружиною перепра-

вился Владиміръ черезъ рѣку, потому что много простыхъ людей и бояръ потерялъ онъ въ битвѣ; переправившись на ту сторону Днѣпра, горько плакалъ онъ по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, и печаленъ возвратился въ Черниговъ; а Половцы, видя, что одолѣли, пустились воевать по всей землѣ. Много христіанъ пострадали въ то время: печальные, истерзанные, въ страшный холодъ, въ оковахъ, томимые голодомъ и жаждою, съ блѣдными лицами, шли русскіе плѣнники неизвѣстною страною, наги и босы, ноги ихъ были исколоты терніемъ; со слезами и вздохами несчастные спрашивали другъ друга о родной странѣ: одинъ говорилъ: я изъ такого-то города, а другой: я изъ такой-то веси.

Въ 1094 году Святополкъ заключилъ миръ съ Половцами и взялъ за себя дочь ихъ князя Тугоркана. Въ тотъ же годъ пришелъ къ Чернигову Олегъ Святославичъ съ Половцами изъ Тмутараканя; Владиміръ затворился въ городѣ; непріятели выжгли окрестности и монастыри; и наконецъ Владиміръ заключилъ миръ съ Олегомъ, и пошелъ въ отцовскій городъ Переяславъ, а Олегъ сталъ княжить въ Черниговѣ. Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали сказать Олегу: «пріѣзжай въ Кіевъ; тамъ мы урядимся о русской землѣ передъ епископами, игуменами, передъ боярами отцовъ нашихъ и передъ людьми городскими; пора намъ приняться всѣмъ сообща оборонять Русскую землю отъ поганыхъ». Но Олегъ загордился и отвѣчалъ: «неприлично мнѣ стать на судъ передъ епископами и чернію», и не захотѣлъ идти къ братьямъ своимъ, послушавшись злыхъ совѣтниковъ. Тогда Святополкъ и Владиміръ послали сказать ему: «вотъ ты не идешь на враговъ и не ѣдешь къ намъ на совѣтъ: ты мыслишь на насъ зло и хочешь помогать Половцамъ: Богъ

разсудитъ между нами». Оба князя пошли къ Чернигову, откуда Олегъ бѣжалъ въ Стародубъ: осажденный и здѣсь двоюродными братьями и доведенный до изнеможенія, Святославичъ запросилъ мира; Святополкъ и Владиміръ отвѣчали ему: «ступай къ брату своему Давиду и приходите оба въ Кіевъ, стольный городъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ нашихъ; это старѣйшій городъ во всей землѣ; здѣсь должно намъ сойтись и урядиться обо всемъ».

Въ 1097 году съѣхались въ Любечѣ Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давидъ Святославичъ и братъ его Олегъ; князья говорили другъ другу: «Зачѣмъ губимъ русскую землю, сами поднимая вражду другъ на друга? а Половцы несутъ нашу землю розно, и рады, что между нами идутъ войны; отнынѣ будемъ сообща, однимъ сердцемъ охранять русскую землю, и пусть каждый изъ насъ держитъ свою отчизну». Князья цѣловали крестъ на томъ, что если кто-нибудь изъ нихъ вооружится на другого, то всѣ должны возстать на зачинщика. Изъ Любеча Святополкъ съ Давидомъ возвратились въ Кіевъ; тогда нѣкоторые мужи изъ дружины Давида стали говорить своему князю: «Владиміръ соединился съ Василькомъ на тебя и на Святополка». Давидъ повѣрилъ лживымъ словамъ, пошелъ къ Святополку и началъ наговаривать ему на Василька: «Вспомни,—говорилъ онъ великому князю,—кто убилъ брата твоего Ярополка, развѣ не Ростиславичи, Василько съ братьями? а теперь Василько мыслитъ на тебя и на меня, соединившись съ Владиміромъ, промышляй о своей головѣ!» Святополкъ сильно смутился отъ этихъ рѣчей: «какъ узнать,—думалъ онъ,—правда это, или ложь? вспомнилъ онъ о братѣ Ярополкѣ, и жаль стало ему брата; потомъ сталъ думать и о себѣ: «ну какъ въ самомъ

дѣлѣ это правда, что говоритъ Давидъ?» Кончилось тѣмъ, что онъ повѣрилъ наговору. Тогда Давидъ началъ опять говорить ему: «если не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ». Святополкъ согласился, что надобно схватить Василька. Въ это самое время пріѣхалъ Василько въ Кіевъ; помолившись и поужинавши въ Выдобичьскомъ монастырѣ, онъ хотѣлъ было уже на другой день отправиться въ свою область, какъ Святополкъ прислалъ сказать ему: «не ходи отъ моихъ именинъ». Василько отказался, говоря: «нельзя мнѣ медлить, неравно дома начнется война». И Давидъ отъ себя прислалъ упрашивать его остаться: «не ходи, братъ, не ослушайся брата старшаго»; но Василько и тутъ не послушался. Тогда Давидъ сказалъ Святополку: «видишь, теперь онъ въ твоемъ городѣ и знать тебя не хочетъ; что же будетъ, какъ уѣдетъ въ свою область? Увидишь, какъ займетъ всѣ твои города; тогда помянешь меня,—призови Кіевлянъ, вели схватить его и отдай мнѣ». Святополкъ послушался и послалъ сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именинъ моихъ, то зайди хоть нынче повидаться со мною, и посидимъ всѣ вмѣстѣ съ Давидомъ». Василько обѣщался придти, не подозрѣвая дурного умысла; онъ уже сѣлъ на коня и поѣхалъ, какъ вдругъ на дорогѣ встрѣтился ему одинъ изъ молодыхъ его дружинниковъ и сказалъ: «не ѣзди, князь, хотятъ тебя схватить». Василько не послушался его, подумавъ: «какъ имъ меня схватить! развѣ они не цѣловали креста, что если кто вооружится на брата, то всѣ будутъ на зачинщика». Помысливъ такимъ образомъ, Василько перекрестился и сказалъ: «воля Господня да будетъ». Когда онъ пріѣхалъ съ малою дружиною на княжескій дворъ, то Святополкъ вышелъ къ нему навстрѣчу,

и вмѣстѣ вошли въ комнату, куда пришелъ скоро и Давидъ. Святополкъ началъ опять уговаривать Василька остаться на праздникъ; тотъ отвѣчалъ попрежнему: «не могу остаться: я уже велѣлъ обозу моему идти впередъ». Между тѣмъ Давидъ сидѣлъ, какъ нѣмой. Святополкъ снова обратился къ Васильку и просилъ его, по крайней мѣрѣ, позавтракать у него. Василько согласился. Тогда Святополкъ сказалъ: «посидите вы здѣсь вдвоемъ, а я пойду, распоряжусь завтракомъ», и вышелъ вонъ, а Давидъ съ Василькомъ сѣли. Василько началъ было разговоръ, но у Давида точно не было ни ушей, ни языка: такъ онъ перепугался своего нечистаго замысла. Посидѣвши немного, Давидъ спросилъ: «гдѣ братъ?» Ему отвѣчали: «тамъ стоитъ въ сѣняхъ». Тогда онъ сказалъ Васильку: «я пойду за нимъ, а ты, братецъ, посиди», и вышелъ. Какъ скоро Давидъ вышелъ, Василька заперли, заковали въ двойные оковы и приставили стражу на ночь. На другое утро Святополкъ созвалъ бояръ и Кіевлянъ и объявилъ имъ, что сказалъ ему Давидъ, будто Василько убилъ его брата и сговорился на него съ Владиміромъ, хотѣлъ убить его и овладѣть его городами. Бояре и граждане отвѣчали: «тебѣ, князь, должно беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду, то пусть Василько приметъ казнь; если же Давидъ оклеветалъ его, то пусть клеветникъ приметъ месть отъ Бога и отвѣчаетъ передъ Нимъ». Но игумены, узнавъ, что случилось на княжескомъ дворѣ, стали просить Святополка за Василька; великій князь отвѣчалъ имъ: «это все Давидъ надѣлалъ». А Давидъ, узнавъ о расположеніи духовенства и гражданъ, началъ подущать Святополка на ослѣпленіе: «если ты этого не сдѣлаешь,—говорилъ онъ,—а отпустишь Василька, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ». Свято-

полкъ хотѣлъ отпустить плѣнника, но Давидъ никакъ не хотѣлъ этого, потому что сильно боялся Василька. Въ ту же ночь послѣдняго повезли въ Бѣлгородъ и тамъ ослѣпили. Владиміръ Мономахъ, услыхавъ, что Василько схваченъ и ослѣпленъ, ужаснулся, горько заплакалъ и сказалъ: «никогда еще такого зла не бывало въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ». Онъ тотчасъ велѣлъ повѣстить Давиду и Олегу Святославичамъ: «Ступайте къ Городцу, чтобъ поскорѣе поправить зло, которое случилось въ Русской землѣ: ножъ ввергнутъ среди братій; если мы не исправимъ этого зла, то еще больше встанетъ среди насъ: начнетъ братъ убивать брата, и погибнетъ Русская земля; враги наши, Половцы, придутъ и возьмутъ родную страну нашу». Давидъ и Олегъ также сильно опечалились и горько плакали о несчастіи Василька: «не было еще такого злодѣйства въ родѣ нашемъ», говорили они, собрали войско и пришли къ Кіеву. Трое князей, Владиміръ, Давидъ и Олегъ, послали сказать Святополку: «Для чего сдѣлалъ ты такое зло въ Русской землѣ и ввергнулъ ножъ среди насъ? за что ослѣпилъ брата своего? если бъ онъ былъ виноватъ въ чемъ-нибудь, то ты бы обличилъ его передъ нами и, доказавъ вину, поступилъ бы съ нимъ какъ слѣдовало, а теперь объяви намъ его преступленіе, за которое онъ потерпѣлъ такую ужасную казнь?» Святополкъ отвѣчалъ: «мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ, что Василько убилъ брата моего Ярополка, да и меня хотѣлъ убить и занять волость мою, и что будто они уговорились съ Владиміромъ: Владиміру сѣсть въ Кіевѣ, а Васильку на Волыни: мнѣ вѣдь надобно беречь свою голову, да и не я же ослѣпилъ Василька, а Давидъ,—онъ повелъ его къ себѣ». Послы союзныхъ князей сказали на это Свя-

тополку: «ты этимъ не оправдывайся, что Давидъ ослѣпилъ его: не въ Давидовомъ городѣ онъ былъ схваченъ и ослѣпленъ, а въ твоемъ». На другое утро союзники намѣревались уже переправиться за Днѣпръ на Святополка, и тотъ хотѣлъ уже бѣжать изъ Кіева, но Кіевляне не пустили его и послали жену покойнаго великаго князя Всеволода, да митрополита Николая къ Владиміру съ такими рѣчами: «князь, молимъ тебя и братьевъ твоихъ, не погубите Русской земли; если начнете рать между собою, то Половцы будутъ радоваться и возьмутъ землю нашу, которую отцы наши и дѣды стяжали трудомъ великимъ и храбростію, поборая по Русской землѣ; они пріискивали чужія земли, а вы хотите погубить и Русскую». Услыхавъ это, Владиміръ расплакался и сказалъ: «въ самомъ дѣлѣ отцы наши и дѣды сберегали Русскую землю, а мы хотимъ погубить ее»; союзные князья преклонились на просьбу княгини и митрополита и заключили миръ съ Святополкомъ на томъ условіи, чтобы послѣдній шелъ съ войскомъ на Давида и либо взялъ его въ плѣнъ, либо выгналъ изъ Русской земли. Между тѣмъ Василько содержался въ плѣну во Владимірѣ-Волынскомъ; Давидъ услыхавъ, что князья поднялись на него за Василька, послалъ уговаривать слѣпца, чтобы тотъ примирилъ его съ разсерженными родственниками, обѣщая дать ему за это любой городъ. Василько попросилъ посланнаго остаться у себя и, выславъ вонъ слугу, началъ говорить ему: «слышу, что Давидъ хочетъ выдать меня Полякамъ; видно мало еще онъ напился моей крови, когда хочетъ выдать меня имъ, потому что я много надѣлалъ зла Полякамъ и еще больше хотѣлъ сдѣлать, мстя за Русскую землю. Если онъ выдастъ меня Ляхамъ, то не боюсь смерти; но вотъ что скажу тебѣ: поисти-

нѣ наказалъ меня Богъ за мою гордость; какъ пришла вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендеи, Печенѣги и Торки, то я и началъ думать: вотъ какъ будутъ у меня Берендеи, Печенѣги и Торки, то скажу братьямъ своимъ Володарю и Давиду: дайте мнѣ дружину свою младшую, а сами пейте себѣ и веселитесь спокойно; я думалъ: наступлю зимою на землю Польскую, а на лѣто повоюю ее всю, и отомщу за Русскую землю; потомъ хотѣлъ я покорить Болгаръ дунайскихъ и поселить ихъ у себя; затѣмъ хотѣлъ проситься у Святополка и Владиміра идти на Половцевъ, чтобъ сыскать себѣ славу, либо сложить голову за Русскую землю. Но клянусь Богомъ и его пришествіемъ, что у меня не было никакого умысла на Святополка и Давида, а низложилъ меня Богъ и смирилъ за мою гордость».

Послѣ долгой войны за Василька въ 1100 году, князья Святополкъ, Владиміръ, Давидъ и Олегъ снова съѣхались вмѣстѣ: пришелъ къ нимъ и Давидъ Игоревичъ и сказалъ: «зачѣмъ меня призвали? вотъ я пришелъ; у кого на меня жалоба?» Владиміръ отвѣчалъ ему: «ты самъ прислалъ намъ сказать: «хочу, братья, придти къ вамъ и пожаловаться на свои обиды, вотъ теперь ты пришелъ и сидишь съ братьями своими на одномъ коврѣ: что жъ не жалуешься, кто изъ насъ тебя обидѣлъ?» Давидъ не отвѣчалъ ни слова. Тогда всѣ братья встали, сѣли на коней, разъѣхались, и каждый сталъ совѣтоваться о Давидѣ съ своею дружиною; а Давидъ Игоревичъ сидѣлъ особо вдали, и никто не допускалъ его къ себѣ. Посовѣтовавшись, князья послали мужей своихъ сказать Давиду: «вотъ что говорятъ тебѣ братья: не хотимъ дать тебѣ стола Владимірскаго на Волыни, потому что ты ввергнулъ среди насъ ножъ, чего прежде не бывало въ Рус-

ской землѣ; мы не хотимъ тебя схватить, не хотимъ сдѣлать тебѣ никакого зла; но вотъ Святополкъ даетъ тебѣ четыре города, а Владиміръ отъ себя 200 гривенъ, да Давидъ и Олегъ Святославичи также 200 гривенъ». Тѣмъ и покончили дѣло.

Въ 1111 году вложилъ Богъ Владиміру въ сердце пойти на Половцевъ. Онъ объявилъ о своемъ намѣреніи Святополку, тотъ сказалъ дружинѣ; дружина отвѣчала: «не время весною идти въ походъ: отнимешь только земледѣльцевъ отъ работъ». Тогда Святополкъ послалъ сказать Владиміру: «надобно намъ съѣхаться вмѣстѣ и подумать съ дружиною». Владиміръ пріѣхалъ и сѣли въ одномъ шатрѣ: Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею, и всѣ молчали; наконецъ Владиміръ сказалъ: «братъ, ты старшій, начни говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ». Святополкъ отвѣчалъ: «лучше ты начни говорить, братецъ». Владиміръ сказалъ: «что мнѣ говорить: противъ меня будетъ и твоя и моя дружина; они скажутъ, что я хочу погубить земледѣльцевъ, оторвать отъ работъ; но удивляюсь я тому, что земледѣльцевъ жалѣете и ихъ лошадей, а того не подумаете, что на весну начнетъ земледѣлецъ пахать съ лошадью, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ мужика стрѣлою, лошадь его и жену, и дѣтей возьметъ, и гумно запалитъ, объ этомъ вы не думаете!» Вся дружина отвѣчала: «и въ самомъ дѣлѣ такъ!» Святополкъ сказалъ: «я готовъ съ тобою, братецъ!» Во вторую недѣлю поста двинулись князья въ походъ, и на шестой недѣлѣ, во вторникъ, пришли къ Дону; здѣсь они исполчились и пошли къ городу Шаруканю; жители вышли изъ города, поклонились русскимъ князьямъ, вынесли имъ рыбы и вино. На другой день, въ среду, пошли къ городу Сургову и

зажгли его; въ четвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу, 24 марта, собрались Половцы, изрядили полки свои и пошли на бой. Князья наши, положивъ надежду на Бога, сказали: «умремъ здѣсь, но станемъ крѣпко!» и простились другъ съ другомъ. Бой былъ крѣпкій, и Богъ помогъ русскимъ князьямъ: иноплеменники были побѣждены. Въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ опять собралось множество Половцевъ, и выступили они, какъ боровы великіе, и тьмами темъ обступили русскіе полки. Но и тутъ Господь Богъ послалъ ангела на помощь русскимъ князьямъ, и попадали Половцы передъ полкомъ Владиміровымъ. Князья взяли большую добычу и возвратились домой съ великою славою; молва о походѣ ихъ прошла и въ дальнія страны: къ Грекамъ, Венграмъ, Полякамъ и Чехамъ, и даже достигла Рима.

Глава VIII.

О княженіи Владиміра Мономаха и сыновей его Мстислава и Ярополка.

Въ 1113 году умеръ великій князь Святополкъ; княгиня его раздала по монастырямъ, священникамъ и нищимъ большое богатство, на диво всѣмъ: еще никто не раздавалъ такой милостыни. На другой день Кіевляне собрались на вѣче и послали сказать Владиміру: «Ступай, князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій». Услыхавъ о смерти Святополка, Владиміръ горько заплакалъ и не пошелъ въ Кіевъ, жалѣя о смерти брата. Тогда Кіевляне разграбили дворъ тысяцкаго Путяты; потомъ пошли на жидовъ, и ихъ пограбили, и по-

слали опять къ Владиміру сказать ему: «ступай, князь, въ Кіевъ; если же не пойдешь, то знай, что много зла будетъ: разграбятъ не одинъ Путятинъ дворъ, соцкихъ и жидовъ, достанется и вдовѣ покойнаго князя, боярамъ и монастырямъ, и ты, князь, дашь отвѣтъ, если монастыри пограбятъ». Услыхавъ это, Владиміръ пошелъ въ Кіевъ; митрополитъ Никифоръ, епископы и всѣ Кіевляне встрѣтили его съ великою честью; Мономахъ сѣлъ на столѣ отца своего и дѣдовъ своихъ, и всѣ люди были рады, и мятежъ утихъ. Въ 1126 году преставился благовѣрный, христолюбивый и великій князь всея Россіи Владиміръ Мономахъ, братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю; онъ просвѣтилъ ее, подобно солнцу, испускающему лучи свои; слава его пронеслась по всѣмъ странамъ, особенно былъ онъ страшенъ Половцамъ. Тѣло его положили у св. Софіи, подлѣ отца, Всеволода; святители плакали по святомъ и добромъ князѣ, плакалъ весь народъ, всѣ люди какъ дѣти по отцѣ или по матери.

По смерти Мономаха Мстиславъ, старшій сынъ его, сѣлъ на столѣ Кіевскомъ. Въ его княженіе Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій захватилъ врасплохъ дядю своего Ярослава въ Черниговѣ, а дружину его ограбилъ и перебилъ; но когда услыхалъ, что великій князь Мстиславъ съ братомъ Ярополкомъ сбираются идти на него войною, то испугался, послалъ къ Половцамъ за помощію, а Ярослава отпустилъ въ Муромъ. Половцы пришли, стали за рѣкою Выремъ и отправили пословъ къ Всеволоду; но посадники Ярополковы перехватили пословъ. Тогда Половцы, не получая никакихъ вѣстей отъ Ольговичей, бѣжали къ себѣ домой. Мстиславъ началъ сильно наступать на Всеволода, попрекая ему: «ты привелъ По-

ловцевъ, да что взялъ?» Всеволодъ, видя бѣду, сталъ упрашивать великаго князя, чтобы помирился съ нимъ; въ то же время подучивалъ и бояръ Мстиславовыхъ, давалъ имъ большіе дары, и своими происками дотянулъ время до зимы. Тогда пришелъ и Ярославъ изъ Мурома въ Кіевъ; онъ кланялся Мстиславу и упрашивалъ его: «вѣдь ты далъ мнѣ слово,—говорилъ онъ ему,—пойти на Всеволода: поди же теперь». Но Всеволодъ также не переставалъ упрашивать Мстислава о мирѣ. Въ это время былъ игуменъ въ монастырѣ у св. Андрея Григорій, котораго прежде любилъ Владиміръ Мономахъ, да и Мстиславъ и всѣ люди очень уважали его. Этотъ Григорій никакъ не давалъ великому князю встать ратью на Всеволода за Ярослава; онъ говорилъ ему: «Меньше тебѣ будетъ грѣха нарушить крестное цѣлованіе и не встать ратью, чѣмъ пролить христіанскую кровь». Созвали и соборъ изъ всѣхъ священниковъ (митрополита въ это время не было), и всѣ сказали Мстиславу: «На насъ будетъ твой грѣхъ, если преступишь клятву: не начинай войны!» Мстиславъ послушалъ, сдѣлалъ по ихъ, но послѣ плакалъ объ этомъ всю жизнь. Ярославу нечего было больше дѣлать: онъ пошелъ назадъ въ Муромъ, гдѣ скоро умеръ.

Въ 1132 году умеръ и великій князь Мстиславъ, оставивъ княженіе брату своему Ярополку, которому поручилъ и дѣтей своихъ. Въ княженіе Ярополка началась страшная война между потомками Владиміра Мономаха и князьями Черниговскими, потомками Святослава Ярославича. Черниговскіе начали просить у Ярополка: «Что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отцѣ, того же и мы хотимъ; если вы не отдадите намъ этихъ городовъ, то не жалуйтесь послѣ, а на себя пеняйте: сами будете виноваты, на васъ будетъ кровь». Все

дѣло пошло изъ того, что Юрій Владиміровичъ Долгорукій, князь Ростовскій, выгналъ племянника своего, Всеволода Мстиславича изъ Переяславля; потомъ братъ Юрія, Вячеславъ Владиміровичъ, выгналъ изъ того же Переяславля другого Мстиславича, Изяслава, и наконецъ выгналъ его и изъ Турова. Озлобленные племянники вооружились противъ дядей и пристали къ Ольговичамъ Черниговскимъ. Ольговичи обрадовались, и встали противъ Мономаховичей: «Вы первые начали насъ губить», говорили они имъ. Въ 1135 году пришелъ Всеволодъ Ольговичъ со своей братіею къ Переяславлю, и стояли подъ городомъ три дня, все бились у воротъ; но услыхавъ, что Ярополкъ идетъ на нихъ, отошли къ верховью рѣки Супуя и тамъ пристроились къ битвѣ, дожидаясь полковъ великокняжескихъ. Ярополкъ наскоро явился съ дружиною своею и братьями; увидѣвъ Черниговское войско, онъ не хотѣлъ дожидаться остальныхъ полковъ своихъ, даже не позаботился хорошенько устроить войско и устремился на битву, думая: «не устоять Ольговичамъ противъ нашей силы!» Полки сошлись, бились крѣпко, и Ольговичи побѣдили: много кіевскихъ бояръ попались къ нимъ въ руки. Тогда Ярополкъ долженъ былъ уступить и отдать Черниговскимъ князьямъ все, чего они хотѣли.

Глава IX.

О княженіи Всеволода Ольговича.

Въ 1139 году умеръ великій князь Ярополкъ. Мѣсто его въ Кіевѣ занялъ родной братъ его, Вячеславъ; но не про-

шло мѣсяца, какъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій явился съ братьями подъ Кіевомъ и началъ зажигать дворы въ предмѣстьи. Вячеславъ не вышелъ противъ него, боясь кровопролитія, но уступилъ и выслалъ къ Черниговскому князю митрополита, велѣвъ такъ сказать ему: «Отступи на время къ Вышгороду, а я нынче же пойду въ свою волость, и Кіевъ будетъ твой». Такимъ образомъ Ольговичу удалось достать себѣ Кіевъ. Сначала онъ хотѣлъ мира съ Мономаховичами и разослалъ къ нимъ пословъ; но потомъ, видя, что они не хотятъ мира, но ссылаются другъ съ другомъ, мысля идти на него, поспѣшилъ предупредить враговъ и вышелъ съ войскомъ къ Переяславлю, гдѣ жилъ теперь Мономаховъ сынъ, Андрей. Надѣясь на свою силу, Всеволодъ послалъ сказать Андрею: «Ступай въ Курскъ изъ Переяславля». Андрей, подумавъ съ дружиною, велѣлъ отвѣчать ему: «Лучше мнѣ умереть съ дружиною въ Переяславлѣ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ взять Курское княженіе; отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ, и я хочу умереть на своей отчинѣ; если же тебѣ мало всей Русской земли, а хочешь еще и мою волость взять, то прежде убей меня, а потомъ и возьми, въ нашемъ роду это уже не новость: не въ первый разъ братьямъ убивать братьевъ; Святополкъ развѣ не убилъ Бориса и Глѣба за волость? Но самъ долго ли пожилъ? и здѣсь жизни лишенъ, да и на томъ свѣтѣ будетъ мучиться вѣчно». Богъ помогъ Андрею: дружина его разбила полки Святослава, Всеволодова брата, послѣ чего Всеволодъ, заключивъ миръ, оставилъ его спокойно княжить въ Переяславлѣ. Въ это время въ Новгородѣ княжилъ братъ Всеволодовъ, Святославъ. Не взлюбили его Новгородцы за его злость и начали вставать на вѣчахъ. Святославъ, уви-

давъ, что народъ поднимается, послалъ сказать брату Всеволоду: «Братъ! мнѣ мочи нѣтъ съ этими людьми; не хочу жить съ ними; кого хочешь пошли сюда». А между тѣмъ Новгородцы начали уже убивать на вѣчахъ пріятелей Святославовыхъ за ихъ насилія. Тысяцкій, который былъ кумъ князю, уберегъ его отъ бѣды, пославъ сказать ему: «Князь! хотятъ тебя схватить». Святославъ испугался и убѣжалъ съ женою и дружиною въ Смоленскъ. Тогда Новгородцы отправили епископа и лучшихъ гражданъ къ Всеволоду сказать ему: «Дай намъ сына твоего, а Святослава, брата твоего, не хотимъ». Всеволодъ исполнилъ ихъ желаніе, послалъ къ нимъ сына; но когда тотъ доѣхалъ только еще до Чернигова, Новгородцы уже перемѣнили мысли и прислали сказать Всеволоду: «Не хотимъ ни сына твоего, ни брата; не хотимъ вовсе вашего племени, хотимъ племени Владимірова: дай намъ одного изъ шурьевъ своихъ, Мстиславичей». Всеволоду не хотѣлось уступить Новгорода Владимірову племени, и потому онъ, призвавъ Мстиславичей, далъ имъ Брестъ и сказалъ: «Не думайте о Новгородѣ; пусть ихъ тамъ посидятъ одни, пусть сыщутъ себѣ князя, гдѣ хотятъ». Но Новгородцы не могли сидѣть безъ князя, и послали къ Юрію Ростовскому за сыномъ. Тогда Всеволодъ увидалъ, что дѣло идетъ дурно,—Новгородъ отходитъ къ Владимірову племени, да къ тому же и жена его просила за своихъ братьевъ: вотъ почему онъ согласился лучше видѣть въ Новгородѣ брата жены своей, Мстиславича, чѣмъ сына Юрьева, и послалъ въ Новгородъ Святополка Мстиславича, котораго Новгородцы и приняли съ радостію, а Юрьевича отослали назадъ къ отцу. — Въ 1145 году послалъ Всеволодъ за братьями своими, за Игоремъ и Святославомъ, да за двою-

родными братьями, Давидовичами Владиміромъ и Изяславомъ, послалъ также и за Изяславомъ Мстиславичемъ, княземъ Переяславскимъ, внукомъ Мономаха. Когда всѣ князья съѣхались, то Всеволодъ началъ говорить имъ: «Владиміръ Мономахъ посадилъ послѣ себя въ Кіевѣ сына своего Мстислава, а Мстиславъ брата своего Ярополка; такъ и я хочу сдѣлать то же: отдаю Кіевъ послѣ своей смерти Игорю». Изяславъ Мстиславичъ много тому противился, да дѣлать нечего, принужденъ былъ цѣловать крестъ, что исполнитъ волю Всеволода. Когда послѣ того всѣ братья великаго князя усѣлись въ сѣняхъ, то Всеволодъ началъ говорить имъ: «Игорь! клянись, что будешь любить братьевъ; а вы, Владиміръ, Святославъ и Изяславъ, клянитесь быть довольны тѣмъ, что будетъ вамъ давать Игорь». Братья поцѣловали крестъ.—Въ слѣдующемъ году, возвратясь изъ похода противъ Поляковъ, Всеволодъ разболѣлся, созвалъ Кіевлянъ и началъ говорить имъ: «Я сильно боленъ, а вотъ вамъ братъ мой, Игорь, возьмите его себѣ въ князья». Кіевляне согласились, но притворно. На другой день Игорь выѣхалъ въ Вышгородъ, и Вышегородцы также присягнули ему. Всеволодъ послалъ къ Изяславу Мстиславичу и къ Давидовичамъ спросить у нихъ: «Стоите ли въ крестномъ цѣлованіи, какъ присягали брату Игорю?» И тѣ отвѣчали: «Стоимъ». На другой день скончался Всеволодъ.

Глава X.

О томъ, какъ Изяславъ Мстиславичъ воевалъ съ князьями черниговскими.

Тотчасъ по смерти Всеволода Игорь поѣхалъ въ Кіевъ и созвалъ всѣхъ Кіевлянъ на гору, на дворъ Ярослава, и тутъ Кіевляне въ другой разъ цѣловали ему крестъ; но тотчасъ же послѣ того двинулись всѣ толпами къ Туровой божницѣ и послали сказать Игорю: «Князь! пріѣзжай къ намъ!» Игорь, взявъ брата Святослава, поѣхалъ, но остановился съ дружиной недалеко отъ вѣча, а Святослава послалъ съ гражданами узнать, чего хотятъ они. Кіевляне начали обвинять тіуна Всеволодова, Ратшу, да другого еще тіуна Вышгородскаго, Тудора, говоря: «Ратша погубилъ у насъ Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ; теперь, князь Святославъ, цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ твоимъ, что если кому изъ насъ будетъ обида, то вы сами будете судить». Святославъ отвѣчалъ: «цѣлую крестъ за себя и за брата, что не будетъ вамъ насилія никакого, и тіуна вамъ дадутъ по вашей волѣ, кого хотите». Послѣ этихъ словъ Святославъ сошелъ съ коня и поцѣловалъ крестъ. Кіевляне тоже всѣ сошли съ коней и говорили: «коли такъ, то братъ твой—нашъ князь и ты», послѣ чего цѣловали всѣ крестъ и съ дѣтьми, что не измѣнятъ Игорю и Святославу. Послѣдній, взявъ лучшихъ гражданъ, поѣхалъ съ ними къ брату Игорю и сказалъ ему: «Братъ, я присягалъ, что ты будешь держать Кіевлянъ какъ слѣдуетъ и любить ихъ». Игорь, услыхавъ это, сошелъ съ коня и поцѣловалъ крестъ на всей волѣ гражданъ, послѣ чего поѣхалъ домой обѣдать; но Кіевляне устремились на

Ратшинъ дворъ грабить. Игорь выслалъ къ нимъ брата Святослава съ дружиною, и тотъ едва успѣлъ утишить ихъ. Въ то же время Игорь послалъ къ Изяславу Мстиславичу сказать ему: «Богъ взялъ нашего брата, а ты стоишь ли въ крестномъ цѣлованіи?» Изяславъ не далъ никакого отвѣта, и самого посла задержалъ: онъ надѣялся, что Кіевляне не долго уживутся въ мірѣ съ Игоремъ. Въ самомъ дѣлѣ, скоро они прислали къ Изяславу звать его въ Кіевъ на столъ: «Пойди, князь, къ намъ; хотимъ тебя», говорили они. Изяславъ собралъ полки, выступилъ изъ Переяславля и перешелъ Днѣпръ у Заруба. Тутъ прислали къ нему Черные Клобуки *) и все Поросье **) сказать ему: «Ты нашъ князь; Ольговичей не хотимъ; ступай поскорѣе, а мы всѣ съ тобою». Изяславъ двинулся къ Дерновому, и тутъ собрались къ нему всѣ Черные Клобуки и Поршане; тутъ же прислали Бѣлгородцы и Василевцы пословъ; всѣ говорили одно и то же: «Ступай! ты нашъ князь; Ольговичей не хотимъ». Вслѣдъ за Бѣлгородцами и Василевцами пріѣхали и отъ Кіевлянъ послы; они тоже говорили: «Ты нашъ князь, ступай; Ольговичей не хотимъ; какъ только завидимъ твое знамя, такъ всѣ и бросимся къ тебѣ». Изяславъ, собравъ на поле весь народъ, и христіанъ и поганыхъ, сказалъ имъ: «Братья! Всеволода признавалъ я старшимъ братомъ, потому что старшій братъ и старшій зять намъ вмѣсто отца; но съ этими, съ Игоремъ и Святославомъ, хочу управиться, какъ мнѣ Богъ дастъ и сила крестная: либо голову свою сложу передъ вами, либо добуду столъ отцовскій и дѣдов-

*) Пограничный степной народъ, служившій въ войскахъ русскихъ князей, какъ теперь казаки.

**) Жители городовъ, построенныхъ на рѣкѣ Рси.

скій». Сказавъ это, Мстиславичъ пошелъ въ походъ. Между тѣмъ Игорь послалъ къ двоюроднымъ братьямъ, Владиміру и Изяславу, спрашивая: «Стоите ли вы, братья, въ крестномъ цѣлованіи?» Тѣ стали съ нимъ торговаться и запросили множество волостей. Игорю дѣлать было нечего, на все согласился. Тогда Давидовичи тронулись къ Кіеву. Игорь призвалъ къ себѣ и бояръ — Глѣба и Ивана Войтишича и Лазаря Саковскаго, и сказалъ имъ: «Какъ были вы у брата моего, такъ будете и у меня»; а Глѣбу сказалъ: «Ты держи тысячу *), какъ у брата моего держалъ». Несмотря однако на то, что эти вельможи были въ большой чести у Всеволода и у брата его, они вздумали вмѣстѣ съ Кіевлянами отложиться отъ послѣдняго и послали сказать Изяславу Мстиславичу: «Ступай, князь, поскорѣй: идутъ Давидовичи Игорю на помощь». И точно, Изяславъ Давидовичъ пріѣхалъ очень скоро, поцѣловавъ прежде крестъ у св. Спаса вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, что имъ не отступать отъ Игоря и брата его Святослава, при чемъ Черниговскій епископъ Онуфрій сказалъ бывшимъ тутъ священникамъ: «Кто эту присягу нарушитъ, тотъ будетъ проклятъ двѣнадцатью Господними праздниками». Но угроза епископа мало помогла: нѣсколько дней спустя Давидовичи забыли свое крестное цѣлованіе и отступили отъ Игоря. Заводчиками всего дѣла были названные прежде Глѣбъ тысяцкій, Иванъ Войтишичъ, Лазарь Саковскій, да въ Святославовомъ полку двое бояръ: они собрали около себя Кіевлянъ и начали совѣтоваться, какъ бы имъ перемѣстить своего князя, а къ Изяславу послали сказать: «Ступай, князь! мы уговорились съ Кіевлянами; хотимъ

*) Т.-е. будь тысяцкимъ.

бросить знамя Ольговичей и бѣжать съ полками своими въ Кіевъ»; а между тѣмъ Игоря и Святослава обманывали, говоря имъ: «Ступайте противъ Изяслава». Ольговичи взглянули на небо и сказали: «Изяславъ цѣловалъ крестъ не думать о Кіевѣ». Въ это время пришелъ Изяславъ къ валу, гдѣ Надово озеро, и сталъ тамъ съ полками и съ сыномъ своимъ Мстиславомъ; а Кіевляне стояли особо у Ольговой могилы; множество ихъ было тамъ. Когда еще полки стояли другъ противъ друга, то Игорь увидалъ, что Кіевляне послали къ Изяславу, и взяли у него тысяцкаго съ знаменемъ и привели къ себѣ, а потомъ и Берендѣи переѣхали рѣку Лыбедь и захватили шатры Игоревы. Когда Игорь увидалъ все это, то сказалъ брату своему, Святославу, и племяннику, Святославу Всеволодовичу: «Ступайте въ свои полки, а тамъ какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ», и Глѣбу, тысяцкому своему, и Ивану Войтишичу велѣлъ также ѣхать въ свои полки. Но Глѣбъ и Иванъ, пріѣхавъ въ свои полки, кинули знамена и бросились бѣжать къ Жидовскимъ воротамъ. Ольговичи, увидавъ это, не оробѣли, и пошли противъ Изяслава, но попали въ другое мѣсто, были захвачены въ тылъ Берендѣями и принуждены бѣжать. Тутъ Изяславъ съ сыномъ Мстиславомъ заѣхалъ имъ сбоку и заставилъ Игоря разлучиться съ Святославомъ. Послѣдній бѣжалъ къ устью Десны за Днѣпръ, но Игорь заѣхалъ въ болото, увязилъ коня и былъ схваченъ; Святославъ же Всеволодовичъ прибѣжалъ въ Кіевъ, въ монастырь св. Ирины, гдѣ его и поймали.

Изяславъ, восхваля Бога за такую помощь, съ великою славою и честію въѣхалъ въ Кіевъ; навстрѣчу къ нему вышло множество народа,—игумены съ монахами и священ-

ники со всего города, въ ризахъ. Князь поѣхалъ ко св. Софіи, поклонился Богородицѣ и сѣлъ на столъ дѣда и отца своего; потомъ призвалъ Святослава Всеволодовича и сказалъ ему: «Ты мнѣ племянникъ, сынъ родной сестры моей», и началъ водить его подлѣ себя. Между тѣмъ схватили многихъ бояръ въ Кіевѣ, служившихъ Ольговичамъ, и заставили ихъ откупиться деньгами. Спустя четыре дня привели къ Изяславу Игоря, схваченнаго въ болотѣ; сперва отвели плѣнника въ монастырь Выдубецкій, потомъ, сковавши, отослали въ Переяславль и посадили тамъ въ тюрьму, въ монастырѣ св. Іоанна; послѣ чего Кіевляне съ Изяславомъ разграбили домы дружины Игоревой и Всеволодовой, села и скотъ, много взяли всякаго имѣнья въ домахъ и по монастырямъ. Братъ Игоря, Святославъ Ольговичъ, прибѣжалъ въ Черниговъ съ малою дружиной, послалъ къ двоюроднымъ братьямъ, Владиміру и Изяславу; онъ спрашивалъ у нихъ: «Стоите ли, братья, въ крестномъ цѣлованіи, что цѣловали мнѣ пять дней тому назадъ?» Тѣ отвѣчали: «Стоимъ». Тогда Святославъ велѣлъ сказать имъ: «Вотъ я вамъ оставляю здѣсь боярина своего Константина, неравно понадобится вамъ на что-нибудь»; а самъ поѣхалъ въ Курскъ утверждать жителей его въ вѣрности, и оттуда въ Новгородъ-Сѣверскій. Между тѣмъ Давидовичи стали совѣщаться другъ съ другомъ тайкомъ отъ Святославова боярина; однако имъ не удалось утаиться; Константину дали знать, что Давидовичи думаютъ схватить брата своего Святослава; Константинъ тотчасъ же послалъ сказать князю своему: «Князь! объ тебѣ идетъ дѣло: хотятъ тебя схватить; если братья пришлютъ за тобою, не ѣзди къ нимъ». Въ самомъ дѣлѣ, Давидовичи нарушили крестное цѣлованіе

забыли страхъ Божій, и послали въ Кіевъ сказать Изяславу: «Игорь какъ тебѣ злодѣй, такъ и намъ; смотри же, держи его крѣпко»; а къ Святославу послали сказать: «Ступай изъ Новгорода въ Путивль, и отъ брата Игоря отступись». Святославъ отвѣчалъ имъ: «Не хочу ни волости, ни чего другого, только отпустите мнѣ брата». Давидовичи велѣли сказать ему на это: «Цѣлуй къ намъ крестъ, что не будешь требовать брата, не будешь искать его освобожденія: въ такомъ случаѣ мы оставимъ тебя жить спокойно въ своей волости». Святославъ заплакалъ и послалъ въ Суздаль, къ князю Юрію, велѣвъ сказать ему: «Брата моего Всеволода Богъ взялъ, а Игоря Изяславъ плѣнилъ: помилосердуй, пойди на Русскую землю, въ Кіевъ, и сыщи мнѣ брата, а я здѣсь, въ надеждѣ на Бога, буду тебѣ помощникомъ!» Узнавъ, что Святославъ не хочетъ исполнить ихъ волю, Давидовичи сказали: «Вотъ мы уже начали злое дѣло, такъ докончимъ братоубійствомъ; пойдемъ, искоренимъ Святослава и переймемъ волость его!» Согласившись между собою, Давидовичи послали къ Изяславу проситься у него идти на Святослава къ Новгороду-Сѣверскому. Изяславъ пришелъ къ нимъ на сходку и сказалъ: «Возьмите съ собою сына моего Мстислава съ Переяславцами и Берендѣями, да и ступайте на Ольговича на Святослава, ступайте поскорѣе, чтобъ онъ не убѣжалъ отъ васъ, и станьте около него! Когда вы утомитесь отъ войны, то я самъ приду къ вамъ на смѣну и стану около Святослава, а вы пойдете домой». Урядившись такимъ образомъ, Давидовичи пошли къ Новгороду-Сѣверскому; прибывъ туда, они пустили стрѣльцовъ своихъ къ городу, а сами стали полками и начали биться съ горожанами. Послѣднимъ пришлось очень тѣсно отъ вра-

говъ: ихъ притиснули къ острожнымъ воротамъ, и много было у нихъ убитыхъ и раненыхъ. Въ то же время Святославъ опять послалъ къ Юрію Ростовскому; Юрій поцѣловалъ крестъ, что будетъ искать ему Игоря, и точно собрался въ походъ. Изяславъ, узнавъ, что Юрій идетъ на помощь къ Изяславу, сѣлъ на коня и пошелъ самъ къ Новгороду-Сѣверскому, а къ Ростиславу Рязанскому послалъ сказать, чтобъ воевалъ волость Юрія и не пускалъ его на югъ. Тогда Ростовскій князь, услыхавъ, что Рязанцы воюютъ его землю, отпустилъ къ Святославу сына Ивана, а самъ воротился назадъ. Давидовичи и Мстиславъ Изяславичъ, посовѣтовавшись, пошли и приступили къ Путивлю. Но Путивляне не сдались имъ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ Изяславъ Мстиславичъ съ силою Кіевскою. Граждане крѣпко билися со стѣнъ; Давидовичи подъѣхали къ нимъ и сказали: «Не бейтесь! клянемся св. Богородицѣ, что не дадимъ васъ въ полонъ!» Но граждане и тутъ не сдались имъ. Когда же пришелъ Изяславъ Мстиславичъ съ полками, то Путивляне вышли къ нему, поклонились и сказали: «Мы тебя только и ждали, князь! Цѣлуй къ намъ крестъ». Изяславъ цѣловалъ къ нимъ крестъ и вывелъ прежняго посадника, а своего посадилъ. Дворъ Святославовъ раздѣлили на четыре части, скотъ, медъ и всякую рухлядь: въ погребахъ было пятьсотъ берковцевъ меду, да вина восемьдесятъ корчагъ; и церковь св. Вознесенія всю облупили, взяли сосуды серебряные, ризы, пелены, все шитыя золотомъ, кадило, евангелія, книги, колокола; не оставили ничего, но все раздѣлили по себѣ, между прочимъ и семьсотъ рабовъ. Когда Святославъ узналъ, что Изяславъ Мстиславичъ городъ его взялъ, все имѣніе, и собирается идти далѣе, осадить его въ

Новгородѣ-Сѣверскомъ, то созвалъ союзныхъ князей, половецкихъ хановъ, всю дружину и сказалъ: «Вотъ идетъ на меня Изяславъ Мстиславичъ: надобно какъ-нибудь промышлять о себѣ». Ему отвѣчали: «Князь! ступай отсюда не мѣшкая; здѣсь тебѣ не зачѣмъ больше оставаться, нѣтъ ни хлѣба, ничего; ступай въ лѣсную землю: оттуда тебѣ удобнѣе будетъ ссылаться съ Юрьемъ». Святославъ послушалъ и побѣжалъ изъ Новгорода въ Карачевъ; дружина же его — одни пошли за нимъ, другіе оставили его, а жена и дѣти съ нимъ пошли. Когда Изяславъ Давидовичъ услыхалъ, что Святославъ ушелъ изъ Новгорода, то сильно разсердился и сталъ говорить братьямъ: «Пустите меня за нимъ; хоть самъ уйдетъ отъ меня, такъ жену и дѣтей у него я отниму и имѣніе его захвачу. Выпросившись у Изяслава Мстиславича и у Владиміра брата своего, онъ поѣхалъ къ Карачеву; Святославу дали знать, что Изяславъ пришелъ на него съ 3.000 дружины: ему не оставалось теперь ничего болѣе дѣлать, какъ либо отдать жену и дѣтей и дружину въ полонъ, либо сложить свою голову, и потому, подумавши съ братьями и съ Половцами, и съ дружиною, положился на Бога и вышелъ навстрѣчу Давидовичу, и Богъ помогъ ему. Когда Изяславъ Мстиславичъ съ Владиміромъ Давидовичемъ остановился въ лѣсу обѣдать, вдругъ прибѣжалъ къ нимъ бояринъ и объявилъ, что Изяславъ Давидовичъ разбитъ Святославомъ. Сильно разсердился Изяславъ Мстиславичъ, узнавъ объ томъ, потому что былъ храбръ и крѣпокъ на рать; онъ тотчасъ исполчилъ свое войско и пошелъ къ Карачеву на Святослава; бѣжавшая дружина встрѣчала его на дорогѣ и снова возвращалась съ нимъ къ Карачеву; Изяслава же Давидовича долго не было, только къ полудню

пришелъ онъ въ Кіевскіе полки. Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давидовичъ шли цѣлый день до самой ночи къ Карачеву и остановились, не дошедши до города; и Святославъ, узнавъ, что на него идутъ, бѣжалъ за лѣсъ къ Вятичамъ. Тогда Изяславъ сказалъ Давидовичамъ: «Какихъ волостей вы хотѣли, то я вамъ сыскалъ; вотъ вамъ Новгородъ и Святославовы волости; что тамъ будетъ въ тѣхъ волостяхъ Игорева имѣнья, рабы ли, рухлядь ли какая, то все мое, а что будетъ Святославовыхъ рабовъ и рухляди, то раздѣлимъ на части». Такъ и сдѣлали. Когда Изяславъ возвратился въ Кіевъ, то плѣнникъ его, Игорь Ольговичъ, прислалъ къ нему съ просьбою: «Братъ!» велѣлъ онъ сказать ему: «я сильно разболѣлся и прошу у тебя позволенія постричься; у меня была мысль о постриженіи, когда я еще владѣлъ княжествомъ, а теперь я очень разнемогся и не думаю, что останусь въ живыхъ». Изяславъ сжалился и велѣлъ отвѣчать ему: «Если у тебя была мысль о постриженіи, то теперь ты воленъ исполнить ее; но я выпускаю тебя и безъ того, для твоей болѣзни». Больного Игоря вынесли изъ темницы и перенесли въ келью: онъ не былъ въ состояніи ни пить, ни ѣсть и просилъ епископа постричь его; потомъ, когда Богъ возвратилъ ему здоровье, его перевели въ Кіевъ, въ монастырь св. Ѳеодора, гдѣ онъ принялъ схиму.

Въ 1147 году пошелъ Юрій Ростовскій воевать Новгородскую волость: взялъ Торжокъ, да и всю Мсту побралъ, а къ Святославу прислалъ сказать, чтобы воевалъ Смоленскую волость; Святославъ пошелъ и обогатилъ плѣнниками дружину свою. Послѣ этого Юрій опять послалъ сказать Святославу: «Пріѣзжай ко мнѣ, братъ, въ Москву». Святославъ поѣхалъ и съ сыномъ своимъ Олегомъ; послѣдній пріѣхалъ

прежде отца къ Юрію и подарилъ ему пардуса *). За нимъ пріѣхалъ и Святославъ и принятъ былъ Юріемъ очень любезно; на другой день Ростовскій князь велѣлъ устроить большой обѣдъ и оказалъ большую честь гостямъ своимъ, богато одарилъ Святослава и сына его, не забылъ и мужей Святославовыхъ, и отпустилъ ихъ, обѣщаясь непремѣнно прислать сына на помощь, что и сдѣлалъ. Святославъ, ободренный союзомъ съ Юріемъ, началъ войну, побралъ всѣхъ Вятичей и, соединившись съ Глѣбомъ, сыномъ Ростовскаго князя, и съ Половцами, шелъ далѣе. Тогда двоюродные братья его, Давидовичи Черниговскіе, и родной племянникъ, Святославъ Всеволодовичъ, послали сказать ему: «Не жалуйся на насъ, но будемъ лучше заодно. Забудь наши обиды, возьми свою отчину, а что мы захватили твоего, то тебѣ назадъ отдадимъ»; а между тѣмъ послали сказать Изяславу, князю Кіевскому: «Братъ! вотъ Святославъ Ольговичъ занялъ нашу волость—Вятичи; пойдемъ на него; когда его прогонимъ, то пойдемъ на Юрія въ Суздаль, и тамъ либо съ нимъ миръ заключимъ, либо станемъ биться». Изяславъ, ничего не зная, согласился идти съ нимъ на Юрія и Святослава. Тогда же и Святославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ къ Изяславу въ Кіевъ и началъ у него проситься, говоря: «Батюшка! пусти меня въ Черниговъ, тамъ у меня вся жизнь: хочу просить волости у братьевъ, у Владиміра и у Изяслава». Великій князь отвѣчалъ ему: «И давно бы тебѣ такъ сдѣлать, сынокъ! ступай, готовься въ путь». Святославъ отправился въ Черниговъ. Тогда всѣ Черниговскіе князья, собравшись вмѣстѣ и посовѣтовавшись, послали сказать

Т.-е. барса или, вѣрнѣе, кожу барсовую.

Изяславу: «Земля наша погибаетъ, а ты не трогаешься къ намъ на помощь». Изяславъ созвалъ бояръ своихъ, всю дружину, Кіевлянъ и сказалъ имъ: «Я сговорился съ братьями своими, Давидовичами, и съ Святославомъ Всеволодовичемъ; хотимъ идти на дядю Юрія и на Святослава къ Суздалю за то, что Юрій принялъ врага моего, Святослава Ольговича, а тамъ мой Ростиславъ сойдется съ нами; онъ идетъ ко мнѣ съ Смольнянами и съ Новгородцами». Кіевляне, выслушавъ это, сказали: «Князь, не ходи съ Ростиславомъ на дядю; лучше какъ-нибудь съ ними уладься; не вѣрь Ольговичамъ и не ходи съ ними вмѣстѣ въ путь». Изяславъ отвѣчалъ: «Они цѣловали крестъ мнѣ, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, и потому мнѣ нельзя отложить похода». Кіевляне сказали на это: «Князь, ты на насъ не сердись, а на Владимірово племя мы рукъ поднять не можемъ, хочешь ли на Ольговичей, то пойдемъ и съ малыми дѣтьми». Изяславъ отвѣчалъ: «Кто меня любитъ, тотъ пойдетъ за мной». Изяслава любили, и потому у него набралось множество войска, съ которымъ онъ и выступилъ въ походъ; но на дорогѣ пришла къ нему вѣсть отъ пріятелей его изъ Чернигова: «Князь,—велѣно было ему сказать,—не ходи дальше, ведутъ тебя лестію, хотятъ убить, либо взять въ плѣнъ на мѣсто Игоря; крестъ цѣловали Святославу Ольговичу, потомъ послали и къ Юрію со крестомъ; съ нимъ вмѣстѣ сговорились на тебя». Изяславъ, услыхавъ это, возвратился назадъ и отправилъ пословъ въ Черниговъ къ Владиміру и Изяславу сказать имъ: «Вотъ мы замыслили великій путь, и крестъ цѣловали, какъ дѣды наши и отцы всегда утверждались; но утвердимся еще, поцѣлуемъ крестъ въ другой разъ, чтобы на пути не было никакой распри и розни». Давидовичи от-

вѣчали: «Къ чему намъ это безъ нужды еще крестъ цѣловать! уже цѣловали разъ, а какая наша вина, что еще заставлять присягать?» Такъ и не согласились присягнуть вторично. Посолъ Изяслава говорилъ имъ: «Какой тутъ грѣхъ на любви крестъ цѣловать! то намъ на спасеніе». Но князья никакъ не согласились. Изяславъ наказалъ своему послу: «Если Давидовичи не станутъ цѣловать креста, то объяви имъ все, что мы про нихъ слышали». Посолъ такъ и сдѣлалъ; онъ сказалъ князьямъ: «Великій князь вотъ что велѣлъ вамъ сказать: объявляю вамъ, братья, до меня дошла вѣсть, что ведете меня лестью и Святославу Ольговичу крестъ цѣловали, что вамъ либо схватить меня на этомъ пути, либо убить вмѣсто Игоря; правда ли это, братья, или нѣтъ?» Давидовичи не могли ничего отвѣчать, только посматривали другъ на друга, и, долго молчали, сказали послу Изяславову: «Выйди вонъ, посиди въ сѣняхъ, а тамъ опять позовемъ». Долго они думали вмѣстѣ, потомъ позвали Изяславова посла и сказали: «Скажи отъ насъ своему князю такъ: братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу, потому что намъ жаль брата своего Игоря; держишь ты его въ плѣну, онъ уже чернецъ и схимникъ, отпусти нашего брата, и мы будемъ подлѣ тебя ѣздить; вѣдь и тебѣ не было бы любо, если бы мы брата твоего держали». Итакъ, посолъ пріѣхалъ назадъ и объявилъ Изяславу, что Давидовичи отступили отъ него; тогда великій князь отправилъ къ нимъ снова посла съ крестными грамотами и велѣлъ сказать имъ: «Вы присягнули быть со мною въ союзѣ до самой смерти; я отдалъ вамъ волости Святославовы и Игоревы: я же съ вами и Святослава прогналъ, и волость его для васъ завоевалъ, отдалъ вамъ Новгородъ-Сѣверскій и Путивль; имѣ-

ніе его раздѣлили мы на части, а Игорево взялъ я себѣ; а вотъ теперь, братья, крестное цѣлованіе вы преступили, повели меня лестью на войну, хотѣли убить меня; но да будетъ со мною Богъ и сила крестная, а съ вами какъ мнѣ Богъ дастъ». Посолъ, проговоривши это, бросилъ имъ крестныя грамоты. Въ то же время Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу, князю Смоленскому: «Братъ! вотъ Давидовичи крестъ къ намъ цѣловали и думали пойти съ нами вмѣстѣ на дядю; но все это они дѣлали, замышляя коварство, желая убить меня. Богъ и сила крестная обнаружили ихъ замыселъ. Такъ теперь, братъ, гдѣ было мы думали идти на дядю, уже не ходи туда, но ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смольнянъ, пусть удержатъ Юрія, и къ присяжникамъ своимъ пошли, въ Рязань, и всюду». Тогда же Изяславъ отправилъ посла въ Кіевъ, къ брату своему Владиміру (потому что онъ его оставилъ въ городѣ вмѣсто себя), также къ митрополиту Климу и къ тысяцкому Лазарю, велѣлъ сказать имъ: «Созовите Кіевлянъ на дворъ къ св. Софіи, пусть мой посолъ скажетъ имъ рѣчь мою и объявитъ о коварствѣ князей Черниговскихъ». Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика къ св. Софіи, и когда стали на вѣчѣ, то посолъ Изяслава началъ говорить имъ: «Князь вамъ кланяется и говоритъ: я объявлялъ вамъ, что сговорился съ братомъ Ростиславомъ и съ Давидовичами идти на дядю Юрія, и васъ взялъ съ собою; но вы мнѣ отвѣчали, что не можете поднять рукъ на Владимірово племя, на Юрія, а если на Ольговича, то пойдете охотно и съ малыми дѣтьми; такъ вотъ я вамъ объявляю: Давидовичи и съ ними Святославъ Всеволодовичъ, которому я сдѣлалъ такъ много добра, присягнувши прежде мнѣ, теперь тайкомъ отъ меня цѣло-

вали крестъ Святославу Ольговичу; послали и къ Юрію, а надо мною замыслили предательство, хотѣли либо схватить меня, либо убить за Игоря; но Богъ заступилъ меня и крестъ честной, который они мнѣ цѣловали; теперь же, братья Кіевляне, чего вамъ хотѣлось, что обѣщали мнѣ, то исполните: пойдите за мною къ Чернигову на Ольговичей; собирайтесь всѣ отъ мала до велика—у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ, тотъ въ лодкѣ: вѣдь Ольговичи не одного меня хотѣли убить, и васъ думали искоренить». Кіевляне отвѣчали: «Рады мы, что Богъ избавилъ насъ и братью нашу отъ такого коварства; идемъ за тобою и съ дѣтьми, какъ того желаешь». Но въ это время одинъ человѣкъ сказалъ: «за княземъ своимъ мы рады идти, но прежде о томъ подумаемъ, не случилось бы и теперь того же, что тогда при Изяславѣ Ярославичѣ, какъ злые люди высвободили Всеслава изъ тюрьмы и поставили себѣ княземъ, и много зла было отъ того нашему городу; а вотъ Игорь врагъ князю нашему и намъ, и не въ тюрьмѣ сидитъ, а въ монастырѣ св. Ѳеодора: убьемъ его прежде, а потомъ и пойдемъ къ Чернигову за нашимъ княземъ; покончимъ съ этими Ольговичами». Народъ согласился, и всѣ пошли на Игоря въ монастырь Ѳедоровскій. Тогда князь Владиміръ Мстиславичъ началъ говорить народу: «братъ мой не приказывалъ вамъ этого дѣлать; Игоря стерегутъ сторожа крѣпко, братъ вамъ велѣлъ къ нему идти, а не Игоря убивать». Кіевляне отвѣчали: «знаемъ мы, намъ не кончить добромъ съ этимъ племенемъ, ни намъ, ни вамъ». Митрополитъ также запрещалъ имъ; и Лазарь тысяцкій, и Рачуйко Владиміровъ говорили имъ, чтобъ не убивали Игоря. Но толпа не слушала; раздался крикъ, и всѣ двинулись на убійство. Владиміръ сѣлъ

на коня и хотѣлъ обогнать народъ; но на мосту не могъ проѣхать сквозь густыя толпы, принужденъ былъ поворотить направо, мимо двора Глѣба, и такимъ образомъ Кіевляне опередили его. Игорь, услыхавъ, что народъ идетъ на него, пошелъ въ церковь и сталъ молиться со слезами; убійцы устремились на него, какъ звѣри свирѣпые, схватили во время обѣдни и разорвали на немъ мантію. Игорь началъ говорить имъ: «законопреступные враги! зачѣмъ пришли убить меня, какъ разбойника? развѣ вы не присягали мнѣ въ вѣрности? но теперь я уже объ этомъ позабылъ, потому что Богъ сподобилъ меня принять чинъ монашескій». Въ толпѣ кричали: «бейте, бейте!» Игоря раздѣли и поволокли изъ монастыря; тутъ въ воротахъ встрѣтилъ его Владиміръ; Игорь взглянулъ на него и сказалъ: «охъ, братецъ, куда это меня ведутъ?» Владиміръ соскочилъ съ коня и, прикрывъ Игоря, сказалъ Кіевлянамъ: «братья мои! ради Бога не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря»; и довелъ его уже до воротъ матери своей; но тутъ начали бить Игоря, ударили и Владиміра, который защищалъ его. Наконецъ Владиміру удалось было ввести Игоря на дворъ къ матери своей и захлопнуть ворота; но убійцы выломали ихъ и повергли Игоря на землю, потомъ поволокли за ноги, ругаясь царскому и священному тѣлу, и волокли со Мстиславова двора чрезъ Бабинъ Торжекъ до княжескаго двора, гдѣ его и прикончили; потомъ, положивъ трупъ на дроги, повезли на Подоль, на Торговище, и кинули на поруганье; благочестивые люди прикрыли наготу его своими одеждами. Когда Владиміру сказали, что убитый Игорь лежитъ на Торговищѣ, то онъ послалъ туда тысяцкаго; тысяцкій пріѣхалъ и сказалъ народу: «вотъ уже Игорь убитъ, такъ по крайней мѣрѣ похоронимъ тѣло его». Кіев-

ляне отвѣчали: «не мы его убили, но Ольговичи и Всеволодичъ, которые мыслили на нашего князя зло, хотѣли погубить его коварствомъ, но Богъ за нашимъ княземъ и св. Софія». Тысяцкій велѣлъ взять Игоря и положить пока въ церкви св. Михаила, а въ субботу, на разсвѣтѣ, погребли его въ монастырѣ св. Симеона.

Въ это время Изяславъ стоялъ съ войскомъ у верховья рѣки Супоя; сюда прислалъ къ нему Владиміръ съ вѣстью объ убійствѣ Игоря. Изяславъ заплакалъ, когда услыхалъ объ этомъ, и сказалъ: «если бъ я зналъ, что случится, то отослалъ бы Игоря подальше, тогда можно было бы его уберечь», и потомъ, обратившись къ дружинѣ, промолвилъ: «теперь мнѣ не уйти отъ людскихъ рѣчей, всѣ будутъ говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и не научалъ, такъ ужъ пусть Богъ разсудитъ это дѣло». Дружина отвѣчала ему: «нечего тебѣ, князь, жалѣть объ Игорѣ, что тебѣ людскія рѣчи! Богъ и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а убили его братья родные: цѣловали къ тебѣ крестъ, и не сдержали клятву, лестью хотѣли убить тебя». Изяславъ отвѣчалъ: «ну уже коли такъ случилось, дѣлать нечего, а вѣдь намъ всѣмъ тамъ быть, и Богъ разсудитъ между нами». Послѣ этого Изяславъ послалъ въ Смоленскъ за братомъ своимъ Ростиславомъ, и когда шелъ съ полками къ Переяславлю, пришла къ нему вѣсть, что уже Ростиславъ идетъ; посолъ смоленскаго князя говорилъ Изяславу: «братъ велѣлъ тебѣ сказать: подожди меня, я здѣсь Любечъ пожегъ, и много воевалъ, и зла Ольговичамъ много надѣлалъ; а потомъ оба вмѣстѣ посмотримъ, что намъ Богъ явитъ». Услыхавъ это, Изяславъ пошелъ потихоньку, поджидая брата, и сталъ на Черной Могилѣ; здѣсь

пришелъ къ нему братъ Ростиславъ съ Смольнянами и со множествомъ войска. Изяславъ очень обрадовался братнему приходу, поблагодарилъ Бога и началъ думать съ Ростиславомъ, съ дружиною и Черными Клобуками, какъ имъ идти противъ Ольговичей къ рѣкѣ Сулѣ, гдѣ стояли враги. Ростиславъ сказалъ: «Богъ насъ свелъ вмѣстѣ, а тебя, братъ, избавилъ отъ великой бѣды, что хотѣли тебя либо взять, либо убить, а теперь, братъ, мѣшкать нечего, пойдемъ на волю Божію, какъ Онъ насъ съ ними разсудитъ». Всѣ согласились съ нимъ и двинулись на Сулу. Половцы, услыхавъ, что Мстиславичи соединились и вмѣстѣ идутъ на нихъ, бросили Ольговичей и ушли къ себѣ домой; Ольговичи поспѣшили къ Чернигову, за ними пошли туда же Мстиславичи, пожгли по дорогѣ четыре города, но до Чернигова не дошли, а воротились въ Кіевъ, сказавши дружинѣ: «приготовляйтесь всѣ къ той порѣ, какъ рѣки установятся, а тамъ пойдемъ къ Чернигову, и какъ насъ Богъ съ ними управитъ, такъ и будетъ».

Возвратившись въ Кіевъ, поклонившись святымъ церквамъ и попировавши, Изяславъ сказалъ Ростиславу: «братъ! тебѣ Богъ далъ верхнюю землю, и ты поди туда противъ Юрія Ростовскаго, тамъ у тебя Смольняне и Новгородцы и другіе присяжники, съ ними и удерживай Юрія; а я здѣсь останусь, буду, съ Божіею помощію, управляться съ Ольговичами и Давидовичами». Ростиславъ пошелъ къ Смоленску, а Изяславъ, въ 1148 году, двинулся къ Чернигову, совокупивъ всю свою силу, и, пришедши, сталъ на Ольговѣ полѣ. Прошло уже три дня, какъ князь стоялъ тутъ, и Черниговскіе князья не смѣли сдѣлать вылазку изъ города, смотря спокойно, какъ Изяславъ жегъ ихъ села; наконецъ онъ сказалъ

дружинѣ: «вотъ мы пожгли ихъ села, а они все къ намъ не выходятъ; пойдемъ къ Любечу, гдѣ у нихъ всѣ животы». Пошли кіевскіе полки къ Любечу, шли пять дней и стали у города. Тогда Ольговичи и Давидовичи вышли изъ Чернигова, соединились съ Рязанскими князьями и Половцами и стали за рѣкой, что течетъ у Любеча. Въ воскресенье Изяславъ, исполчивъ своихъ воиновъ, пошелъ противъ нихъ, но полкамъ его нельзя было перебраться на другой берегъ рѣки, и только стрѣлки могли имѣть дѣло съ непріятелемъ. Ночью пошелъ сильный дождь, и на другой день утромъ Изяславъ, видя что Днѣпръ вздулся, сказалъ своимъ мужамъ и союзнымъ Венграмъ: «здѣсь намъ нельзя биться: рѣка мѣшаетъ; а тамъ за нами Днѣпръ расплывается, такъ пойдемъ лучше за Днѣпръ». Сказавши это, Изяславъ пошелъ за Днѣпръ въ понедѣльникъ, а на другой день тронулся ледъ на рѣкѣ, тогда какъ Изяславъ по той сторонѣ благополучно шелъ въ Кіевъ; только одни Венгры въѣхали на озеро, обломились на льду, и нѣсколько человѣкъ утонуло. Изяславъ воротился въ Кіевъ, хваля Бога и силу животворящаго Креста, потомъ послалъ къ брату Ростиславу съ такими рѣчами: «братъ, было бы тебѣ вѣдомо: ходили мы на Ольговичей къ Чернигову, и я на Ольговѣ полѣ стоялъ, и много имъ зла надѣлалъ, землю ихъ повоевалъ, а они не посмѣли ко мнѣ выйти биться полкомъ; оттуда пошли мы къ Любечу, и туда они къ намъ пріѣхали, да рѣка развела, нельзя было биться черезъ рѣку; ночью пошелъ сильный дождь, а на Днѣпрѣ былъ ледъ лихъ, такъ мы и пошли на другую сторону; итакъ Богъ и святая Богородица, и сила животворящаго Креста привели насъ къ Кіеву поздорову; а тебя, братъ, спрашиваю: здоровъ ли ты, и какъ тебѣ тамъ Богъ помогаетъ?»

Между тѣмъ Ольговичи и Давидовичи послали сказать союзнику своему Юрію, князю Ростовскому: «ты намъ крестъ цѣловалъ, что пойдешь вмѣстѣ съ нами на Изяслава, и не пошелъ; а Изяславъ пожегъ наши города за Десною, и землю нашу повоевалъ; а потомъ опять пришелъ въ другой разъ къ Чернигову и сталъ на Ольговѣ полѣ: тутъ пожегъ наши села до самаго Любеча и всѣ наши животы повоевалъ, а ты ни къ намъ не пошелъ, и на Ростислава не наступилъ; теперь, если хочешь пойти на Изяслава, такъ ступай, и мы съ тобою, а нейдешь, то мы правы въ крестномъ цѣлованіи: однимъ намъ не погибать-стать на войнѣ». Объявивши это Юрію, они отправили пословъ къ Изяславу Мстиславичу съ просьбою о мирѣ; послы говорили ему: «Такъ бывало прежде, при дѣдахъ и отцахъ нашихъ, миръ стоялъ до рати, а рать до мира; а теперь на насъ не жалуйся, что мы встали на тебя войною: вѣдь намъ жаль было брата своего Игоря; мы добивались одного, чтобы ты выпустилъ нашего брата; но теперь братъ нашъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ намъ и всѣмъ быть, такъ ужъ то дѣло Богу судить; а намъ до какихъ поръ губить русскую землю! пора улаживаться». Изяславъ отвѣчалъ: «Братья! доброе дѣло христіанъ беречь; вы уже были на совѣтѣ между собою: такъ и я пошлю къ брату Ростиславу, подумаемъ съ нимъ и пришлемъ къ вамъ сказать». Отпустивъ Черниговскихъ пословъ, Изяславъ послалъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу: «Прислали ко мнѣ черниговскіе мира просить; а я хочу съ тобою посовѣтоваться: какъ будетъ намъ обоимъ годно; годенъ ли тебѣ миръ? хотя они намъ и зла надѣлали, но вотъ теперь у насъ же ищутъ мира; впрочемъ, какъ тебѣ угодно, быть можетъ ты хочешь войны: я во всемъ на тебя полагаюсь».—

Ростиславъ отвѣчалъ брату: «Братъ, кланяюсь тебѣ: ты старше меня, и на чемъ ты положишь, на то я и согласенъ; если же ты, братъ, меня хочешь почтить, то я бы, братъ, такъ сказалъ: ради русской земли и христіанства по-моему лучше взять миръ; они встали на рать, да что взяли? а теперь, братъ, ради христіанства и всей русской земли, помирись, если оба отложатъ вражду за Игоря и не сдѣлаютъ того, что хотѣли сдѣлать; если же они не перестанутъ враждовать за Игоря, то лучше намъ съ ними воевать, положась на волю Божію». Изяславъ, узнавъ братнюю мысль, послалъ въ Черниговъ къ тамошнимъ князьямъ Бѣлогородскаго епископа Θеодора и Печерскаго игумена Θеодосія, и съ ними мужей своихъ съ такими словами: «Вы мнѣ крестъ цѣловали на томъ, что вамъ брата своего Игоря не искать; но клятву свою преступили и надѣлали мнѣ много зла; но я теперь не хочу ничего этого вспоминать, ради русской земли и христіанства; если вы ко мнѣ прислали за миромъ и раскаиваетесь въ томъ, что хотѣли сдѣлать, то цѣлуйте крестъ, что вамъ за Игоря вражды не имѣть и не дѣлать того, что прежде хотѣли». Черниговскіе согласились и поклялись въ церкви св. Спаса вражду за Игоря отложить, русскую землю блюсти и быть всѣмъ за одинъ братъ.

Въ томъ же году на осень съѣхались на сеймъ у Городка Изяславъ Мстиславичъ, Владиміръ Давидовичъ и братъ его Изяславъ. Въ это самое время пришелъ къ великому князю старшій сынъ Юрія Ростовскаго, Ростиславъ, разссорившійся съ отцомъ за то, что тотъ не далъ ему волости въ Суздальской землѣ. Пришедши въ Кіевъ, онъ поклонился Изяславу и сказалъ: «Отецъ меня обидѣлъ и волости мнѣ не далъ, я пришелъ сюда въ надеждѣ на Бога да на тебя,

потому что ты старшій изъ насъ во Владиміровыхъ внукахъ: хочу за русскую землю потрудиться и подлѣ тебя ѣздить». Изяславъ отвѣчалъ ему: «Всѣхъ насъ старше отецъ твой, но съ нами не умѣетъ жить, а мнѣ дай Богъ имѣть всѣхъ васъ, братью свою, и весь свой родъ, какъ душу свою; теперь же, если отецъ не далъ тебѣ волости, то я даю»; и въ самомъ дѣлѣ далъ ему пять городовъ, и взялъ его съ собою на сеймъ къ Городку. Когда они пріѣхали на сеймъ, то великій князь сказалъ Давидовичамъ: «Братъ Святославъ и племянникъ мой ко мнѣ не пришли, а вы всѣ крестъ цѣловали на томъ, что кто будетъ мнѣ врагомъ, на того вамъ быть вмѣстѣ со мною; такъ я, братья, вотъ что думаю: дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, дани у новгородцевъ отнялъ, на путяхъ имъ всякія пакости дѣлаетъ; за это хочу пойти и управиться съ нимъ либо миромъ, либо ратью, а вы крестъ цѣловали быть со мною».— Владиміръ отвѣчалъ: «Хотя братъ Святославъ и племянникъ твой и не пріѣхали, но зато мы тутъ, и крестное цѣлованье свое помнимъ, что гдѣ тебѣ обида будетъ, то намъ быть съ тобою». Послѣ этого уладились такъ: какъ ледъ станетъ, пойти на Юрія; Давидовичамъ и Святославу Ольговичу идти на Вятичи къ Ростову; а Изяславу идти къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Послѣ сейма Изяславъ Мстиславичъ позвалъ къ себѣ обѣдать Владиміра Давидовича и брата его Изяслава: обѣдали весело и дружно, и разъѣхались—Изяславъ поѣхалъ въ Кіевъ, а Давидовичи въ Черниговъ. На возвратномъ пути Изяславъ сказалъ Ростиславу Юрьевичу: «Иди въ Бужскъ, побудь тамъ, пока я схожу на отца твоего, возьму ли съ нимъ миръ, или какъ тамъ съ нимъ улажусь; а ты постереги русскую землю».

Глава XI.

О томъ, какъ Изяславъ Мстиславичъ воевалъ съ дядею Юріемъ.

Изяславъ по уговору пошелъ на дядю Юрія; но прежде хотѣлъ повидаться съ братомъ своимъ Ростиславомъ, и потому велѣлъ полкамъ слѣдовать за собою въ Смоленскъ. Когда пришелъ Изяславъ къ Ростиславу, то оба брата похвалили Бога, что привелъ ихъ увидѣться въ добромъ здоровьи, и жили князья въ великой любви и весельи съ мужами своими и Смольнянами; дарили они другъ друга богатыми подарками: Изяславъ дарилъ Ростислава товарами, которые изъ Русской земли *) и изъ Греческой, а Ростиславъ дарилъ Изяслава товарами нѣмецкими. Потомъ Изяславъ пошелъ съ малою дружиною къ Новгороду. Когда новгородцы услыхали, что Изяславъ идетъ къ нимъ, то сильно обрадовались, и вышли къ нему навстрѣчу дня за три пути, а другіе за день, и такимъ образомъ великій князь вошелъ въ Новгородъ съ великою честію. Въ воскресенье вышелъ къ нему навстрѣчу сынъ его Ярославъ съ боярами новгородскими, и всѣ пошли въ церковь св. Софіи къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни Изяславъ съ сыномъ Ярославомъ послали по всѣмъ улицамъ звать народъ къ князю на обѣдъ отъ мала до велика, и обѣдали всѣ весело и съ большою честью. На другой день послалъ великій князь на Ярославовъ дворъ и велѣлъ звонить къ вѣчу; когда народъ собрался, онъ сказалъ ему: «Братья! сынъ мой и вы прислали ко мнѣ съ

*) Т.-е. изъ Южной Руси.

жалобою, что дядя нашъ Юрій обижаетъ васъ; и вотъ я пришелъ сюда, оставя русскую землю для васъ и для вашихъ обидъ; думайте же теперь, братья, что дѣлать: мириться ли съ Юріемъ, или покончить съ нимъ ратью?» Новгородцы отвѣчали: «Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! рады идти съ тобою мстить за свои обиды». Сказавши это, всѣ разошлись съ вѣча по домамъ; потомъ скоро опять собрались и сказали: «Князь! мы всѣ идемъ, всякая душа пойдетъ, только духовные останутся Бога молить». И пошли Новгородцы съ Изяславомъ всѣми своими силами, пошли и Псковитяне, и Корела. Пришедши на Волгу, на устье Медвѣдицы, великій князь остановился тутъ и четыре дня ждалъ брата своего Ростислава, который пришелъ со всѣми Русскими и Смоленскими полками, послѣ чего всѣ вмѣстѣ пошли внизъ по Волгѣ. Оба князя еще прежде изъ Смоленска отправили пословъ къ дядѣ Юрію: но тотъ ни ихъ посла не отпустилъ назадъ, ни своего не прислалъ. Не получая такимъ образомъ никакой вѣсти отъ Юрія, Мстиславичи начали воевать всю его землю по обоимъ берегамъ Волги, потомъ пошли къ Угличу и оттуда на устье Мологи. Здѣсь пришла къ нимъ вѣсть, что Черниговскіе стоятъ въ своихъ Вятичахъ, дожидаясь, чѣмъ кончится дѣло между дядею и племянниками, а къ нимъ нейдутъ по обѣщанію. Тогда Изяславъ сказалъ брату: «Хотя они къ намъ и нейдутъ, да не велика бѣда, лишь бы Богъ былъ за насъ». Новгородцы и Русь пустились отъ Мологи воевать къ Ярославлю; но въ это время стало уже тепло, была Вербная недѣля, и вода на Волгѣ поднялась лошадямъ по брюхо. Изяславъ съ Ростиславомъ, видя, что ледъ уже трогается на рѣкахъ, рѣшились идти розно: Ростиславъ пошелъ со своими полками къ Смо-

ленску, а Изяславъ къ Новгороду, дружина же русская— одни пошли съ Ростиславомъ, а другіе куда кому угодно.

Въ 1149 году пришелъ Изяславъ изъ Новгорода въ Кіевъ и начали ему наговаривать на Ростислава Юрьевича, будто бы онъ много зла замыслилъ, подмолвилъ на великаго князя Берендѣевъ и Кіевлянъ; только бы Богъ отцу его помогъ, и онъ хотѣлъ выѣхать въ Кіевъ и захватить Изяславовъ домъ и всю его семью: «Отпусти его скорѣе къ отцу,—говорили великому князю,—онъ тебѣ врагъ, держишь его у себя на свою голову». Услыхавъ это, Изяславъ послалъ за Ростиславомъ, и когда тотъ пришелъ, то великій князь велѣлъ сказать ему: «Ты, братъ, ко мнѣ пришелъ отъ отца, потому что отецъ тебя обидѣлъ, волости не далъ; я тебя принялъ, какъ достойнаго брата своего, и волости тебѣ далъ, какой отецъ тебѣ не далъ, и еще русскую землю велѣлъ тебѣ стеречь; а ты, братъ, вздумалъ, если бы твоему отцу Богъ помогъ, въѣхать въ Кіевъ, схватить моего брата, сына и жену и домъ мой взять». Ростиславъ отвѣчалъ ему на это: «Братъ и отецъ! ни на умѣ, ни на сердцѣ у меня того не бывало; если же кто на меня наговорилъ тебѣ, князь ли который, то я готовъ съ нимъ перевѣдаться; мужъ ли какой изъ христіанъ или изъ поганыхъ, то ты старше меня, такъ и суди меня съ нимъ».—Изяславъ сказалъ ему: «Этого ты у меня не проси, я вижу, ты хочешь меня поссорить съ христіанами или съ погаными; ступай-ка лучше къ своему отцу».—Ростислава посадили въ барку съ четырьмя отроками, а дружину его и все имущество перехватали. Пришедши къ отцу своему въ Суздаль, Ростиславъ ударилъ передъ нимъ челомъ и сказалъ: «Живя на Руси, я слышалъ, что хочетъ тебя вся русская земля и Черные Клобуки, го-

ворятъ: «Изяславъ и насъ обезчестилъ; ступай на него». Юрій сжалился надъ позоромъ своего сына и сказалъ: «такъ и мнѣ нѣтъ части въ русской землѣ, да и дѣтямъ моимъ тоже». Собравши всю свою силу и Половцевъ, онъ выступилъ по дорогѣ къ землѣ Вятичей; Владиміръ Давидовичъ послалъ сказать великому князю: «Юрій, дядя твой, идетъ на тебя, и уже вошелъ въ наши Вятичи, а мы къ тебѣ крестъ цѣловали быть съ тобою; объявляю тебѣ, пристроивайся». Изяславъ сталъ вооружаться, а ко Владиміру послалъ сказать: «Братъ! помоги тебѣ Богъ за то, что самъ говоришь: мы крестъ цѣловали быть всѣмъ намъ за одинъ; теперь же, братъ, возьми моего мужа и съ нимъ пошли своего къ Святославу Ольговичу». Владиміръ отвѣчалъ послу Изяславову: «Мы съ братомъ готовы и будемъ стоять въ крестномъ цѣлованіи, но не знаемъ, сдержитъ ли слово братъ нашъ Святославъ». Оба посла отправились къ Святославу, и мужъ Изяславовъ сказалъ ему: «Изяславъ, братъ твой велѣлъ тебѣ сказать: вы крестъ цѣловали на томъ, что вамъ быть со мною; а вотъ дядя мой идетъ на меня, такъ приготовляйся, братъ, какъ Владиміръ приготовляется съ братомъ своимъ Изяславомъ». Послы Давидовичей сказали ему то же самое; Святославъ ничего не отвѣчалъ имъ на ихъ рѣчи, только сказалъ: «Ступайте въ свой обозъ, я васъ позову»—и держалъ ихъ цѣлую недѣлю, приставилъ сторожей къ обозамъ, чтобъ никто къ нимъ не приходилъ, а самъ въ то время послалъ сказать Юрію: «въ правду ли ты идешь на племянника? скажи мнѣ, чтобъ тебѣ не погубить моей волости и не ввести меня въ напасть». Услыхавъ прямой отвѣтъ Юрія, Святославъ призвалъ пословъ и велѣлъ сказать Изяславу: «Отдай мнѣ имѣніе брата моего,

тогда буду съ тобой». Въ то же самое время Давидовичи послали сказать Изяславу: «Святославъ посылалъ къ Юрію спрашивать: въ правду ли онъ идетъ на тебя»; Юрій отвѣчалъ ему: «Какъ мнѣ нейти въ правду? племянникъ мой Изяславъ идетъ на меня, волость мою повоевалъ и пожогъ, да еще сына моего выгналъ изъ русской земли, волости ему не далъ, позоръ на меня положилъ; такъ я либо позоръ свой сложу съ себя и землю свою отомщу и честь свою возвращу, либо голову сложу». Изяславъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ опять сказать Святославу: «Братъ! крестъ честный цѣловалъ ты ко мнѣ, что быть со мною, и вражду за Игоря отложить и объ имѣніи его не думать; а теперь ты вспомнилъ объ нихъ, когда дядя идетъ на меня ратью? такъ пусть ужъ крестъ честной управитъ между нами; будь со мною; если же не хочешь быть, то ты уже преступилъ крестное цѣлованіе, а я безъ тебя и на Волгу ходилъ, да Богъ помиловалъ, ничего не случилось; и теперь былъ бы со мною Богъ, да крестная сила». Святославъ соединился съ Юріемъ; оба князя послали сказать Давидовичамъ: «Братья, пойдемте съ нами на Изяслава». Давидовичи отвѣчали Юрію: «Ты крестъ цѣловалъ быть съ нами, и ничего не помогъ; а Изяславъ пришелъ и землю нашу повоевалъ; за Десною города пожегъ; теперь же мы цѣловали крестъ къ Изяславу Мстиславичу и хотимъ съ нимъ быть, и душою не можемъ играть». Юрій пошелъ къ Переяславлю; Изяславъ, услыхавъ объ этомъ, сказалъ: «Если бы онъ пришелъ одинъ съ дѣтьми, то получилъ бы отъ меня любую волость; но когда привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то хочу съ нимъ биться». Кіевлянамъ сперва не хотѣлось идти за Изяславомъ на Юрія; они го-

ворили ему: «Мирись, князь, мы нейдемъ»; но потомъ пошли, и сошлись съ полками Юріевыми у Переяславля. Въ ночь Юрій прислалъ къ Изяславу съ такими словами: «Братъ! ты на меня приходилъ и землю мою повоевалъ и старшинство съ меня снялъ, теперь же, братъ и сынъ, для русской земли и христіанства, не прольемъ христіанской крови, но дай мнѣ Переяславль, я посажу тамъ сына своего, а ты сиди себѣ, царствуя въ Кіевѣ; если же не хочешь такъ сдѣлать, то Богъ тебѣ судья». Изяславу не понравилось дядино предложеніе; онъ задержалъ его посла и выбрался съ полками изъ города. На другой день, когда Изяславъ, отслуживъ обѣдню у св. Михаила, выходилъ изъ церкви, епископъ со слезами на глазахъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Князь! помирись съ дядею: много спасенія примешь отъ Бога и землю свою избавишь отъ великой бѣды». Но Изяславъ не послушалъ епископа, надѣясь на множество войска; онъ сказалъ: «Я головою добылъ Кіева и Переяславля», и пошелъ противъ Юрія. Отъ полудня до вечера стрѣльцы бились съ обѣихъ сторонъ; когда Юрій оборотилъ свои полки назадъ къ стану, Изяславъ двинулся за нимъ; увидавъ это, Юрій воротился опять, и началась злая битва; Изяславъ былъ побѣжденъ и прискакалъ въ Кіевъ самъ-третей 23 августа. А на другой день Юрій, хваля и славя Бога, вошелъ въ Переяславль и пробылъ тамъ три дня; оттуда пошелъ къ Кіеву и сталъ противъ св. Михаила, на лугу. Изяславъ, посовѣтовавшись съ братомъ своимъ Ростиславомъ, вышелъ на вѣче къ Кіевлянамъ и сказалъ имъ: «Дядя пришелъ, можете ли за насъ биться?» Они отвѣчали: «Господа наши князья, не погубите насъ до конца; отцы наши и братья и сыновья на полку, одни въ плѣну,

другіе побиты и оружіе снято; а теперь насъ возьмутъ въ полонъ; поѣзжайте лучше въ свои волости; вѣдь вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; послѣ, гдѣ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы за васъ биться». Князья, услыхавъ такой отвѣтъ, разъѣхались: Изяславъ во Владиміръ-Волынскій, а Ростиславъ въ Смоленскъ.

Юрій въѣхалъ въ Кіевъ; множество народа вышло къ нему навстрѣчу съ радостью великою, и сѣлъ онъ на столѣ отца своего, хваля и славя Бога. Изяславъ же, пришедъ во Владиміръ, началъ слать въ Венгрію, въ Польшу и въ Богемію, къ тамошнимъ владѣльцамъ, своимъ родственникамъ, прося у нихъ помощи, чтобы они садились на коней и шли съ полками своими къ Кіеву; если же самимъ нельзя будетъ идти, то пусть пошлютъ полки свои либо съ меньшими братьями, либо съ воеводами. Король Венгерскій отрекся помогать ему, сказавши: «У меня рать съ царемъ греческимъ; когда управлюсь съ нимъ, то либо самъ къ тебѣ пойду, либо полки свои отпущу». Польскіе князья отвѣчали: «Мы отъ тебя недалеко; одного изъ насъ оставимъ стеречь землю, а вдвоемъ пойдемъ къ тебѣ». Чешскій (Богемскій) князь отвѣчалъ: «Я самъ готовъ идти съ своими полками». Тогда Изяславъ опять отправилъ пословъ въ Венгрію и въ Польшу, и въ Богемію съ дарами великими къ тамошнимъ владѣльцамъ и велѣлъ сказать имъ: «Богъ не оставитъ васъ, что вы взялись мнѣ помогать; а я вамъ скажу: братья! съ Рождества Христова садитесь-ка на коней»; они исполнили его просьбу. Королю Венгерскому самому нельзя было идти; онъ отправилъ къ Изяславу десять тысячъ войска и велѣлъ сказать ему: «Отпускаю къ тебѣ свои полки, а самъ хочу подступить подъ горы Галицкаго князя и не дать ему

на тебя двинуться, а ты управляйся самъ съ тѣми, кто тебя обидѣлъ; если мои полки истомятся, то я пошлю къ тебѣ новые или самъ сяду на коня». Болеславъ Польскій самъ поѣхалъ съ братомъ своимъ Генрихомъ, а Межку оставилъ стеречь землю свою отъ Пруссаковъ. Вячеславъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ сказать Юрію: «Вотъ уже Венгры идутъ и Польскіе князья сѣли уже на коней, и самъ Изяславъ выступилъ въ походъ: такъ пойди сюда съ полками, заступись за мою волость; Изяславъ мнѣ говоритъ: будь мнѣ вмѣсто отца, ступай садись въ Кіевѣ, а съ Юріемъ не могу жить; если же не хочешь принять меня въ любовь и въ Кіевъ не пойдешь на столъ, то я волость твою пожгу; такъ ступай же теперь, братъ, сюда, и увидимъ на мѣстѣ, что намъ Богъ дастъ, добро или худо; если же, братъ, не поѣдешь, то ужъ на меня не жалуйся, если мою волость пожгутъ». Юрій, услыхавъ это, собралъ силу свою и пошелъ изъ Кіева съ дикими Половцами, а къ Изяславу пришли на помощь Венгры и Поляки; но вдругъ къ Полякамъ пришла вѣсть, что Пруссаки идутъ на ихъ землю; Болеславъ и Генрихъ, князья польскіе, сказали объ этомъ Изяславу, и тому было очень нелюбо. Стали думать, какъ быть, и придумали послать къ Вячеславу и къ Юрію съ мирными предложеніями. Послы отъ имени Венгерскаго короля и польскихъ князей говорили такъ Вячеславу и Юрію: «Вы намъ вмѣсто отцовъ; вотъ вы теперь воюете съ братомъ и сыномъ вашимъ Изяславомъ; но вѣдь мы по Богѣ всѣ христіане, всѣ мы братья, и потому всѣмъ намъ слѣдуетъ жить мирно; намъ бы хотѣлось, чтобы вы уладились съ братомъ и сыномъ вашимъ Изяславомъ, вы бы сидѣли въ Кіевѣ, рѣшивши между собою, кому изъ васъ онъ приходитъ, а у Изяслава пусть остается Владиміръ,

Луцкъ, и что у него еще городовъ, пусть и сидитъ въ нихъ, да пусть Юрій воротитъ Новгородцамъ всѣ ихъ дани». Вячеславъ и Юрій отвѣчали на это посламъ: «Помоги Богъ зятю нашему королю и брату нашему Болеславу и сыну нашему Генриху, что между нами добра хотятъ; но если вамъ хочется, чтобы мы помирились, то не стойте на нашей землѣ, не губите нашего имѣнья и селъ; но пусть Изяславъ идетъ въ свой Владиміръ, вы въ свою землю, а мы съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ сами одни будемъ вѣдаться». Услыхавъ этотъ отвѣтъ, Изяславъ съ союзниками разошлись по своимъ землямъ, и дядя съ племянникомъ начали улаживаться, пересылаясь другъ съ другомъ: Изяславъ хотѣлъ всѣхъ даней новгородскихъ, какъ и прежде требовалъ, но Юрій никакъ не согласился; онъ обрадовался, что Венгры и Поляки возвратились домой и племянникъ остался одинъ безъ союзниковъ: «Выгоню Изяслава, — говорилъ Юрій,—и волость его всю возьму». Въ это время Владиміръ, князь Галицкій, выступилъ съ своими полками и сталъ между Изяславомъ и Юріемъ; по просьбѣ перваго онъ началъ стараться о мирѣ; о томъ же старался и сынъ Юріевъ, Андрей; Вячеславъ также не переставалъ твердить Юрію: «Братъ! мирись; если же ты уйдешь прочь, не уладившиісь, то Изяславъ пожжетъ мою волость». Юрій наконецъ согласился на миръ и возвратилъ Изяславу всѣ дани новгородскія. Изяславъ обрадовался миру и пріѣхалъ къ дядьямъ въ Пересопницу; здѣсь положили: что послѣ Переяславскаго сраженія было пограблено, то съ обѣихъ сторонъ возвратить тѣмъ, кому прежде принадлежало. Изяславъ послалъ мужей своихъ и тіуновъ къ Юрію, чтобы отыскивать свое; они отыскали, но Юрій ничего не отдалъ.

Въ 1150 году Изяславъ объявилъ, что не можетъ быть въ обидѣ, и выступилъ въ походъ къ Пересопницѣ; Глѣбъ, сынъ Юріевъ, стоялъ станомъ выше этого города, на рѣкѣ Стублѣ; при приближеніи Изяслава онъ самъ едва могъ спастись бѣгствомъ въ городъ; станъ, дружину и коней побрали непріятели. Въ такомъ положеніи Глѣбъ послалъ сказать Изяславу: «Какъ мнѣ Юрій отецъ, такъ мнѣ и ты отецъ, и я тебѣ кланяюсь; ты съ моимъ отцомъ самъ вѣдаешься; а меня отпусти къ отцу и клянись Богородицею, что не возьмешь меня въ плѣнъ, а отпустишь къ отцу; тогда и къ тебѣ выйду самъ съ поклономъ». Изяславъ поклялся святою Богородицею и сказалъ ему: «Вы мнѣ братья свои, и я на васъ не держу вражды; но обижаетъ меня твой отецъ и съ нами не умѣетъ жить». Послѣ этого Изяславъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ: тѣ приняли его съ большою радостью. Юрій ничего не зналъ о движеніи Изяслава; свѣдавъ, что послѣдній уже въ Черныхъ Клобукахъ, онъ побоялся оставаться далѣе въ Кіевѣ, перебѣжалъ съ сыновьями за Днѣпръ и скрылся въ Городкѣ. Изяславъ пришелъ къ Кіеву; но дядя Вячеславъ опередилъ его, вошелъ въ городъ и сѣлъ на дворѣ Ярославовомъ. Кіевляне, услыхавъ, что Изяславъ идетъ, толпами вышли къ нему навстрѣчу и сказали: «Юрій вышелъ изъ Кіева, но Вячеславъ сидитъ тамъ на его мѣстѣ; а мы его не хотимъ». Изяславъ, услыхалъ это, послалъ сказать Вячеславу: «Я звалъ тебя сидѣть въ Кіевъ, но ты не захотѣлъ; а теперь какъ увидалъ, что братъ выѣхалъ, такъ ты садишься въ Кіевѣ; ступай-ка въ свой Вышгородъ». Кіевляне сказали Изяславу: «Ты, нашъ князь, ступай ко св. Софіи, сядь на столѣ отца твоего и дѣда своего». Но Вячеславъ, съ своей стороны, послалъ сказать племяннику: «Хоть

убей на этомъ мѣстѣ, а не выѣду». Изяславъ, поклонившись св. Софіи, въѣхалъ на дворъ Ярославовъ со всѣмъ своимъ полкомъ, и Кіевлянъ пришло съ нимъ множество. Въ это время Вячеславъ сидѣлъ на сѣнницѣ, и многіе стали говорить Изяславу: «Князь! возьми его вмѣстѣ и съ дружиною»; другіе же говорили: «Хочешь подсѣчемъ подъ нимъ сѣни?» Но Изяславъ отвѣчалъ: «Сохрани меня Богъ! я не убійца братьи своей, а дядя мнѣ вмѣсто отца; я самъ пойду къ нему». Взявъ съ собою немного дружины, Изяславъ пошелъ къ дядѣ и поклонился ему. Вячеславъ увидалъ его, всталъ и поцѣловался; когда оба сѣли, Изяславъ началъ говорить: «Клянусь тебѣ, батюшка! нельзя мнѣ съ тобою рядиться; видишь ли, какая сила народу стоитъ, и много тебѣ лиха замышляютъ; такъ поѣзжай лучше въ свой Вышгородъ, оттуда буду съ тобой рядиться». Вячеславъ отвѣтилъ: «Ты меня самъ, сынокъ, звалъ въ Кіевъ, но я тогда цѣловалъ крестъ къ брату своему Юрію; но если ужъ теперь такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я поѣду въ свой Вышгородъ». Между тѣмъ Юрій послалъ сказать Давидовичамъ и Ольговичамъ: «Изяславъ выгналъ меня изъ Кіева и самъ сѣлъ тамъ; помогите мнѣ». Въ то же время Владиміръ Галицкій пошелъ на помощь свату своему Юрію противъ Изяслава; этотъ, взявъ своихъ бояръ, поѣхалъ съ ними къ Вячеславу въ Вышгородъ и сказалъ ему: «Ты мнѣ отецъ, а вотъ тебѣ Кіевъ, и другую волость, какую хочешь, возьми, а остальное мнѣ отдай». Старикъ отвѣчалъ съ сердцемъ: «А для чего ты мнѣ не далъ Кіева тогда и заставилъ выѣхать изъ города съ большимъ стыдомъ? Теперь же, когда одна рать идетъ изъ Галича, а другая изъ Чернигова, то ты мнѣ Кіевъ даешь!» Изяславъ отвѣчалъ дядѣ: «Я къ тебѣ посылалъ и Кіевъ давалъ, объ-

являя, что съ тобою могу жить, а съ братомъ твоимъ Юріемъ мнѣ нельзя ладить; тебя люблю, какъ отца, и теперь скажу: ты мнѣ отецъ, и Кіевъ твой, ступай въ него». Вячеславу стало любо отъ такихъ словъ, и оба князя цѣловали крестъ на томъ, чтобы Изяславу имѣть Вячеслава отцомъ, а Вячеславу имѣть Изяслава сыномъ: тутъ же и мужи ихъ клялись хотѣть между князьями своими добра, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ. Изяславъ поклонился святымъ мученикамъ и отцу своему Вячеславу и сказалъ ему: «Ты, батюшка, не трудись, я одинъ поѣду къ Звенигороду противъ Владиміра, а ты со мною отпусти полкъ свой, самъ же ступай въ Кіевъ, если тебѣ угодно».—Вячеславъ отвѣчалъ: «Сынъ! что ни есть у меня дружины, всѣхъ съ тобою пускаю». Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, ударилъ въ трубы, созвалъ Кіевлянъ и пошелъ противъ Владиміра, сказавъ: «Кто ко мнѣ ближе, противъ того и пойду прежде». Онъ встрѣтился съ Галицкимъ княземъ на рѣкѣ Ольшаницѣ; Черные Клобуки, видя силу Владиміра, испугались и стали говорить Изяславу: «Князь! сила его велика, а у тебя мало дружины, не погуби насъ, да и самъ не погинь; ты нашъ князь, когда силенъ будешь, и мы тогда съ тобою, а теперь не твое время, ступай прочь». Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Лучше, братья, помремъ здѣсь, чѣмъ такой позоръ возьмемъ на себя». Но Кіевляне начали также приступать къ нему, говоря: «Поѣзжай, князь, прочь», и побѣжали, за ними побѣжали Черные Клобуки къ своимъ вѣжамъ; Изяславъ, видя это, побѣжалъ и самъ. Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ пошелъ къ отцу своему Вячеславу, оба князя подумали, какъ помочь бѣдѣ, и сѣли обѣдать. Въ это время пришелъ Юрій съ сыновьями своими, съ Давидовичами и Ольговичами, и сталъ

на берегу противъ Кіева: тогда много изъ Кіевлянъ поѣхали въ лодкахъ къ Юрію, а другіе начали перевозить его дружину на эту сторону, въ Подолье. Вячеславъ съ Изяславомъ, видя это, сказали: «Теперь не наше время», и отправились—Вячеславъ въ Вышгородъ, а Изяславъ во Владиміръ, а Юрій сѣлъ опять въ Кіевѣ.

Зимою Изяславъ послалъ сказать Андрею, сыну Юріеву: «Братъ! помири меня съ отцомъ своимъ, мнѣ нѣтъ отчины ни у Венгровъ, ни у Ляховъ, а только въ русской землѣ; выпроси мнѣ у отца своего волость по рѣку Горынь». Андрей сталъ просить отца за Изяслава, но тотъ не хотѣлъ ничего слышать; тогда Изяславъ сказалъ: «Дядя не даетъ мнѣ волости, не хочетъ меня терпѣть въ русской землѣ; Владиміръ Галицкій, по его велѣнію, волость мою взялъ да еще опять къ Владиміру моему хочетъ придти на меня». Подумавъ, онъ послалъ брата своего Владиміра въ Венгрію къ королю, зятю своему, съ такими словами: «Ты мнѣ самъ сказалъ, что Владиміръ, боясь тебя, не смѣетъ головы положить на подушку; Юрія я выгналъ изъ Кіева, Юрій передо мною бѣгаетъ; но пришелъ Владиміръ, соединился съ Ольговичами и прогналъ меня изъ Кіева; теперь же, братъ, сдержи свое слово, сядь на коня». Король, услыхавъ это, послалъ сбирать дружину и полки, самъ сѣлъ на коня и надѣлалъ много зла Владиміру и землѣ его. Послѣ этого король прислалъ Изяславу десять тысячъ добрыхъ людей; тогда Изяславъ выступилъ къ Кіеву, потому что Вячеславова дружина, Берендѣи и Кіевляне звали его туда. Когда Изяславъ стоялъ выше Пересопницы, то получилъ вѣсть, что Владиміръ Галицкій идетъ на него; услыхавъ это, онъ созвалъ дружину на думу; дружина сказала: «Князь! самъ вѣдаешь,

что тебѣ не легко теперь: пришелъ ты ратью на Юрія, а за тобою другой врагъ—Владиміръ; ты пойдешь на Юрія, а тамъ соединятся, да ударятъ тебѣ въ тылъ; придется намъ очень трудновато». Изяславъ отвѣчалъ: «Вы за мною вышли изъ русской земли, лишились селъ своихъ и всѣхъ животовъ, да и я отъ своей дѣдины и отчины не могу отказаться: но либо голову свою сложу, либо возвращу свою отчину и ваши всѣ животы; если меня нагонитъ Владиміръ, то отдаюсь на судъ Божій, какъ меня Богъ съ нимъ разсудитъ; если же встрѣтитъ меня Юрій, то и съ этимъ пусть меня Богъ разсудитъ». Сказавъ это, Изяславъ отправился къ Дорогобужу. Дорогобужцы вышли къ нему со крестами и поклонились; Изяславъ сказалъ имъ: «Богъ вамъ помочь, вы люди дѣда моего и отца моего». Дорогобужцы отвѣчали: «Съ тобою, князь, чужеземцы, Венгры: не надѣлали бы они какого зла нашему городу». Изяславъ сказалъ имъ на это: «Я вожу Венгровъ и всѣ другіе народы не на своихъ людей, но кто мнѣ врагъ, на того вожу; а вы не безпокойтесь ни о чемъ». На рѣкѣ Ушѣ встрѣтился Изяславъ съ полками Галицкими и началъ перестрѣлку; стрѣлки его схватили въ плѣнъ одного изъ Галичанъ и представили князю; тотъ спросилъ плѣнника: «Гдѣ твой князь?» Онъ отвѣчалъ: «Вотъ за городомъ первый лѣсъ, тутъ онъ услыхалъ о тебѣ, тутъ же и всталъ, не посмѣвъ идти сквозь лѣсъ, онъ говорилъ: если пойдемъ сквозь лѣсъ, то нападутъ на насъ, а сила наша за нами далеко, лучше подождемъ здѣсь». Изяславъ, услыхавъ это, сказалъ брату своему и сыну и всей дружинѣ: «Пойдемъ на него». Дружина отвѣчала: «Князь! нельзя намъ идти на него; передъ тобою рѣка, и вода въ ней большая, какъ ты хочешь на него ѣхать? да еще онъ стоитъ заложася лѣсомъ; теперь,

князь, не медли, но ступай въ Кіевъ, къ своей дружинѣ; если насъ Владиміръ гдѣ настигнетъ на дорогѣ, то и будемъ съ нимъ биться; вѣдь ты самъ сказалъ: кто насъ встрѣтитъ, съ тѣмъ и бьемся. Теперь же, князь, не медли, поѣзжай; будешь ты на Тетеревѣ, къ тебѣ вся дружина твоя пріѣдетъ, а коли Богъ дастъ до Бѣлгорода дойдешь, то еще больше народа будетъ съ тобою». Изяславъ послушался и пошелъ. Пришедши къ городу Вздвиженю, онъ позвалъ къ себѣ брата, сына и Венгровъ на думу и сказалъ имъ: «Владиміръ идетъ за нами, а мы здѣсь стоимъ; я бы васъ спросилъ, братья, здѣсь ли намъ оставаться, или въ ночь выступить дальше? если мы здѣсь останемся, то Владиміръ за нами, и скоро насъ нагонитъ, а передъ нами еще другая рать, Юрій; дождемся того, будетъ трудно; не лучше ли, положась на Бога и своего труда не жалѣвъ, поѣхать дальше? если намъ удастся въѣхать въ Бѣлгородъ, то Юрій навѣрно побѣжитъ передъ нами, и тогда мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а когда въ сильный полкъ Кіевскій въѣдемъ, то я ужъ знаю, Кіевляне будутъ за меня биться; а нельзя будетъ пробраться къ Бѣлгороду, поѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ; когда къ Чернымъ Клобукамъ пріѣдемъ и съ ними соединимся, то не боимся ни Юрія, ни Владиміра». Венгры отвѣчали: «Мы твои гости, если надѣешься на Кіевлянъ, то тебѣ лучше знать своихъ людей; доброе дѣло, князь, когда другъ прибудетъ; а кони подъ нами еще крѣпки, поѣдемъ, пока въ силахъ».— Изяславъ отпустилъ брата своего Владиміра напередъ къ Бѣлгороду, а самъ пошелъ за нимъ. Борисъ Юрьевичъ, услыхавъ о приближеніи Владиміра, бѣжалъ изъ Бѣлгорода въ Кіевъ къ отцу и сказалъ ему, что Изяславъ идетъ. Юрій поскорѣе сѣлъ въ лодку, переплылъ Днѣпръ и спрятался

въ Городкѣ. Кіевляне, послышавши Изяслава, вышли къ нему навстрѣчу съ радостью, и онъ сѣлъ опять на столѣ дѣда своего и отца съ честью великою, захвативши много Юрьевой дружины по Кіеву. Между тѣмъ Владиміръ Галицкій, слыша, что Изяславъ уже въ Кіевѣ, а Юрій бѣжалъ оттуда, послалъ сказать Андрею Юрьевичу: «Не понимаю, какъ это княжитъ сынъ мой, рать идетъ на него изъ Владиміра, а онъ того и не вѣдаетъ? а вы, сыновья его, одинъ стоитъ въ Персопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ, какъ же вы того не устерегли? если вы такъ княжите съ отцомъ своимъ, то управляйтесь сами, какъ хотите, а я одинъ не могу идти на Изяслава, онъ хотѣлъ вчера со мною биться, идя на вашего отца, а на меня оборачиваясь, ловя случай, какъ бы сразиться со мною; а теперь онъ въѣхалъ во всю Русскую землю, теперь и подавно мнѣ одному нельзя на него идти». Сказавши это, онъ возвратился въ Галичъ, а Изяславъ послалъ въ Вышгородъ къ дядѣ Вячеславу съ такими словами: «Батюшка! кланяюсь тебѣ; если Богъ взялъ у меня отца моего Мстислава, то ты мнѣ вмѣсто его отецъ; теперь кланяюсь тебѣ и прошу прощенія, согрѣшилъ я передъ тобою въ самомъ началѣ; и потомъ, когда Богъ помогъ мнѣ побѣдить Игоря у Кіева, то я на тебѣ чести не положилъ, а потомъ въ другой разъ у Тумаща; теперь же, батюшка, я во всемъ раскаиваюсь предъ Богомъ и передъ тобою: если ты меня простишь, то и Богъ меня проститъ; теперь даю тебѣ Кіевъ, ступай, сядь на столѣ дѣда своего и отца». Вячеславъ отвѣчалъ ему: «Богъ тебѣ помочь, сынокъ, за то, что на меня честь возложилъ; давно бъ тебѣ такъ сдѣлать, воздавши мнѣ честь, ты этимъ самымъ Богу честь воздалъ; ты говоришь, что я твой отецъ, а я тебѣ скажу, что ты мой

сынъ: у тебя отца нѣтъ, а у меня сына нѣтъ, ты мой сынъ, ты мой и братъ». Оба князя цѣловали крестъ на томъ, что не разлучаться имъ ни въ добрѣ, ни въ лихѣ, но всегда быть вмѣстѣ.

Въ 1151 году Изяславъ ввелъ дядю и отца своего Вячеслава въ Кіевъ. Вячеславъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, отправился къ св. Софіи и сѣлъ на столѣ дѣда и отца своего; потомъ позвалъ сына своего Изяслава къ себѣ на обѣдъ, и Кіевлянъ и Венгровъ, и пировали въ большой любви. На другой день Вячеславъ послалъ сказать Изяславу: «Богъ тебѣ помочь, сынокъ, за то, что на меня честь возложилъ, какъ на отца родного; скажу тебѣ вотъ что: я уже старъ, всѣхъ рядовъ не могу рядить, но будемъ оба въ Кіевѣ, и если случится какое дѣло съ христіанами или съ погаными, идемъ оба вмѣстѣ, а дружина и полкъ будутъ у насъ общіе, и ты ряди ихъ; гдѣ можно будетъ намъ обоимъ ѣхать, то оба поѣдемъ, если же нельзя, то ты одинъ ступай съ моимъ полкомъ и съ своимъ». Изяславъ сильно обрадовался этимъ словамъ, съ великою честію поклонился отцу своему и сказалъ: «Кланяюсь тебѣ, батюшка; какъ сказано, такъ пусть Богъ дастъ и будетъ, пока живы». На третій день оба князя позвали къ себѣ Венгровъ, сказали имъ: «поѣзжайте къ своему королю, а къ нашему зятю, а мы вслѣдъ за вами шлемъ сына своего Мстислава». Послѣдній долженъ былъ сказать королю отъ имени отца: «Богъ тебѣ помочь, братъ, за твою помощь намъ; только развѣ братъ родному брату или сынъ отцу можетъ такъ сдѣлать, что ты намъ сдѣлалъ; дай намъ Богъ жить съ тобою нераздѣльно ни въ чемъ, и если кто тебя обидитъ, на того мы сами пойдемъ, или братью свою пошлемъ, или сыновей съ полками; намъ тебѣ нечѣмъ

отблагодарить за все твое добро, развѣ головою своею; но теперь доверши свое доброе дѣло: самого тебя не зовемъ, потому что у тебя война съ царемъ греческимъ; но пришли намъ помощь или такую же, какъ теперь прислалъ, или посильнѣе, съ братомъ своимъ Мстиславомъ, а нашимъ сыномъ, потому что Юрій силенъ, Давидовичи и Ольговичи съ нимъ, а того и гляди, что и Половцевъ дикихъ наймутъ; помоги намъ, братъ, теперь, такъ весною, когда управимся у себя, будемъ къ тебѣ съ своими полками на помощь; если же ты съ царемъ управишься, то будешь намъ помощникъ; твои мужи и братъ твой Мстиславъ разскажутъ тебѣ все, какъ намъ Богъ помогъ, какъ стала за насъ Русская земля и всѣ Черные Клобуки». Отрядивши Мстислава въ Венгрію, князья отрядили пословъ и къ Ростиславу въ Смоленскъ; Вячеславъ велѣлъ сказать ему: «Братъ! Богъ соединилъ насъ съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ: добывъ Русскую землю, онъ на мнѣ честь положилъ, посадилъ меня въ Кіевѣ; я тебѣ скажу вотъ что: и ты мнѣ такой же сынъ, какъ и братъ твой Изяславъ; потрудитесь придти сюда къ намъ, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ втроемъ подумать о нашихъ дѣлахъ». Изяславъ также велѣлъ сказать брату: «Ты меня, братецъ, не одинъ разъ заставлялъ положить честь на дядѣ своемъ и на отцѣ; вотъ теперь Богъ привелъ меня въ Русскую землю, и я отдалъ честь нашему дядѣ для тебя и для всей Русской земли; скажу тебѣ еще: тамъ, въ Новгородѣ, у тебя сынъ мой и твой Ярославъ, тамъ же у тебя Смоленскъ; такъ урядивши все тамъ, пойди къ намъ сюда, вмѣстѣ всѣ втроемъ посовѣтуемся, что намъ Богъ явитъ». Ростиславъ исполнилъ желаніе дяди и брата и пришелъ къ нимъ на помощь со множествомъ войска, а Юрій, набравъ дикихъ

Половцевъ, пришелъ на Изяслава; начали биться по Днѣпру въ лодкахъ; отъ Кіева до устья Десны бились крѣпко, и Юрію не удавалось ничего сдѣлать противъ Кіева. Изяславъ мастерилъ лодки удивительнымъ образомъ: гребцовъ въ нихъ было не видать, только весла наружи, потому что лодки были покрыты досками, наверху стояли борцы въ броняхъ и стрѣляли; кормчихъ было двое, одинъ на носу, другой на кормѣ, и куда хотятъ, туда пойдутъ, не поворачивая лодокъ. Наконецъ Юрій перешелъ Днѣпръ; тогда Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, созвавши братью свою, начали думать: Изяславъ съ Ростиславомъ хотѣли биться, но дружины всѣхъ князей отговорили и Кіевляне, особенно же Черные Клобуки, они говорили: «Князь! нельзя намъ къ нимъ ѣхать, потому что ратники наши всѣ на коняхъ; ты къ нимъ поѣдешь, а онъ передъ тобою пойдетъ по Руси, такъ тебѣ и придется, оставя пѣшихъ, гнаться за нимъ, но мы, князь, вотъ что вамъ скажемъ: не дѣлайте такъ, но ступайте въ свой Кіевъ, а къ намъ приставьте брата своего Владиміра, заберемъ женъ, дѣтей, стада и всѣ свои животы, да и пойдемъ къ Кіеву; вы побудьте тамъ только до вечера, и мы тогда прiѣдемъ; мы хотимъ за отца вашего Вячеслава, за тебя и за брата твоего Владиміра, за всю за братью головы свои положить: либо честь вашу отыщемъ, либо изомремъ всѣ съ вами, а Юрія не хотимъ». Князья сдѣлали по ихъ и расположились около Кіева; скоро пришелъ къ нимъ и Владиміръ со всѣми Черными Клобуками, съ вѣжами и стадами ихъ; князья, дружина, Черные Клобуки и Кіевляне согласились не идти на непріятеля самимъ, но дать ему приблизиться къ себѣ и тогда уже начать битву. Изяславъ сказалъ: «Только бы Богъ намъ помогъ, а мы ужъ отъ нихъ

отобьемся, вѣдь они не съ крыльями: перелетѣвши за Днѣпръ, сядутъ же». Тогда Вячеславъ началъ говорить Изяславу и Ростиславу: «Вотъ мы, братья, приготовились къ битвѣ; но вѣдь Юрій мнѣ братъ, хоть моложе меня; мнѣ бы хотѣлось послать къ нему и свое старшинство оправить, чтобы насъ Богъ съ ними разсудилъ, а Богъ смотритъ на одну правду». Племянники отвѣчали: «Доброе дѣло ты задумалъ, батюшка; сдѣлай такъ». Тогда Вячеславъ сказалъ мужу своему: «Ступай къ брату Юрію, поклонись ему отъ меня, а вы, братья и сыновья мои, Изяславъ и Ростиславъ, слушайте, при васъ я отряжаю посла; скажи брату такъ отъ меня: я, братецъ, и тебѣ, и Изяславу много разъ говорилъ: не проливайте христіанской крови, не губите Русской земли; удерживая васъ, я и на свою обиду не смотрѣлъ, что вы меня два раза обезчестили, а вѣдь у меня полки есть, и силу мнѣ Богъ далъ; но я для Русской земли и для христіанства все то забылъ, какъ Изяславъ, идучи биться съ Игоремъ, говорилъ: я Кіева не себѣ ищу, но отцу моему Вячеславу, тотъ братъ старшій; Богъ ему помогъ, и онъ Кіевъ себѣ взялъ, да еще къ тому Турскъ и Пинскъ у меня отнялъ, и тѣмъ меня сильно разобидѣлъ; а ты тоже, братъ, ѣдучи въ Переяславль биться съ Изяславомъ, говорилъ: я Кіева не себѣ ищу, у меня старшій братъ есть, Вячеславъ, онъ вмѣсто отца, для него ищу Кіева; Богъ тебѣ помогъ, а ты Кіевъ себѣ взялъ, да еще Пересопницу и Дорогобужъ у меня отнялъ, а далъ мнѣ одинъ Вышгородъ; но я во все то не вступился, для Русской земли и для христіанъ, да еще и васъ удерживалъ, но вы меня не слушаете; ты когда-то говорилъ: не могу поклониться младшему; но вотъ Изяславъ, хотя прежде и два раза не сдержалъ своего слова, теперь же, добывъ Кіевъ, поклонился

мнѣ и честь мнѣ воздалъ, въ Кіевѣ меня посадилъ, отцомъ меня назвалъ, а я его сыномъ; ты говорилъ, что младшему не поклонишься, но вѣдь я тебя буду постарше, и не малымъ: я уже былъ бородатъ, когда ты родился; если же хочешь на мое старшинство поѣхать, то Богъ насъ разсудитъ». Юрій прислалъ своего мужа съ такимъ отвѣтомъ: «Я тебѣ, братъ, кланяюсь; твоя правда: ты мнѣ вмѣсто отца, если же хочешь со мною рядиться, то пусть Изяславъ ѣдетъ во Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ, а мы сами между собою урядимся». Вячеславъ велѣлъ сказать ему на это: «У тебя семь сыновей, и я ихъ отъ себя не отгоняю, а у меня только два сына, Изяславъ и Ростиславъ, и другіе младшіе есть же, но я, братъ, тебѣ скажу: для Русской земли и для христіанъ поѣзжай въ свой Переславль и въ Курскъ, съ своими сыновьями, а тамъ у тебя еще Ростовъ Великій; Ольговичей отпусти домой, и сами между собою урядимся, и крови христіанской не будемъ проливать; если же ты своего замысла не отложишь, то Пречистой Богородицѣ съ Сыномъ своимъ и Богомъ нашимъ судить насъ въ сей вѣкъ и въ будущій»; при этихъ словахъ онъ указалъ на образъ Богородицы, что на золотыхъ воротахъ. Юрій не послушался. Тогда Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, поклонившись св. Богородицѣ и св. Софіи, выступили изъ Кіева; Кіевляне сказали имъ: «Всѣ мы должны идти, кто только можетъ; если же кто не пойдетъ, того сами побьемъ», и пошли всѣ съ радостью за своими князьями, конные и пѣшіе, многое множество. Въ то же время пришелъ посолъ изъ Венгріи къ Изяславу отъ сына его Мстислава, который велѣлъ сказать ему: «Король, зять твой, отпустилъ къ тебѣ помощь, какой еще никогда не бывало, многое множество; я уже съ нимъ про-

шелъ Гору; если мы тебѣ понадобимся поскорѣе, то ты пошли къ намъ, мы скорѣе пойдемъ». Изяславъ отвѣчалъ: «Мы уже идемъ на судъ Божій, а вы намъ надобны». Враги сошлись у рѣки Рута: Андрей Юрьевичъ началъ рядить полкъ отца своего, потому что былъ тогда старшій между братьями; Изяславъ и Ростиславъ подъѣхали къ отцу своему Вячеславу и сказали ему: «Ты хотѣлъ добра, но братъ твой не захотѣлъ; теперь же, батюшка, хотимъ головы свои сложить за тебя или отыскать честь твою». Вячеславъ отвѣчалъ имъ: «Братъ и сынъ! отъ рожденья не охотникъ я былъ до кровопролитья; но братъ мой довелъ меня до того, и если уже мы теперь на этомъ мѣстѣ, то Богъ разсудитъ насъ». Племянники поклонились ему и поѣхали въ свои полки. Изяславъ, выѣхавши въ свой полкъ, послалъ повѣстить по всѣмъ полкамъ: «Смотрите на мой полкъ: какъ онъ пойдетъ, такъ и вы ступайте». Полки двинулись; Андрей Юрьевичъ взялъ копье и поѣхалъ напередъ, съѣхался съ непріятелемъ прежде всѣхъ и изломалъ копье: коня его ранили въ ноздри, конь началъ подъ нимъ соваться, шлемъ спалъ съ Андрея и щитъ у него оторвали, но Божіимъ заступленіемъ и молитвою родителей своихъ онъ сохраненъ былъ безъ вреда. Съ другой стороны Изяславъ выѣхалъ одинъ въ полки ратныхъ и изломалъ свое копье; тутъ ранили его въ руку и въ стегно, и онъ слетѣлъ съ коня. Когда полки соступились, была сѣча крѣпкая. Богъ, св. Богородица и сила честнаго животворящаго Креста помогли Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: они побѣдили Юрія. Половцы Юрьевы, не пустивши и по стрѣлѣ, побѣжали; за ними побѣжали Ольговичи и самъ Юрій съ дѣтьми; въ бѣгствѣ ихъ множество дружины потонуло въ Рутѣ, тутъ же убили и Владиміра Давидовича, князя

Черниговскаго, добраго, кроткаго. Когда сошлись полки конные и пѣшіе, Изяславъ лежалъ раненый, и когда хотѣлъ приподняться, то Кіевляне чуть-чуть не убили его, не разглядѣвши и думая, что непріятель. Изяславъ сказалъ имъ: «Я князь», тогда одинъ изъ ратныхъ отвѣчалъ ему: «Ну такъ тебя-то намъ и надобно», вынулъ мечъ и началъ рубить его по шлему; Изяславъ повторилъ: «Я Изяславъ, вашъ князь», и снялъ съ себя шлемъ; тогда узнали его, подняли на руки съ радостью, какъ царя и князя своего, и воскликнули: «Киріе елейсонъ». Изяславъ сильно изнемогъ отъ ранъ, потому что исшелъ кровью, но когда услыхалъ, что Изяславъ Давидовичъ плачется надъ своимъ братомъ Владиміромъ, то позабылъ свою немощь, сѣлъ на коня, поѣхалъ туда и плакался надъ покойнымъ, какъ надъ роднымъ братомъ. Долго плакавши, онъ, наконецъ, сказалъ Изяславу Давидовичу: «Ужъ намъ его не воскресить; но вотъ Богъ и Пречистая враговъ нашихъ побѣдили, и они бѣгаютъ теперь около, такъ тебѣ, братъ, стоять здѣсь теперь нечего: взявши брата, ступай-ка въ Черниговъ, а я тебѣ придамъ помощь; поѣзжай, чтобы до вечера быть въ Вышгородѣ». Давидовичъ отправился въ Черниговъ, а Мстиславовичи съ дядею Вячеславомъ съ честью и похвалою великою вошли въ Кіевъ; къ нимъ навстрѣчу вышли святители съ крестами, митрополитъ Климъ и игумены честные, и попы; князья въѣхали въ городъ съ великою честью, поклонились св. Софіи и св. Богородицѣ Десятинной и начали жить и весело, и дружно. Между тѣмъ Мстиславъ Изяславовичъ велъ Венгровъ на помощь къ отцу, а вслѣдъ за ними шелъ Владиміръ Галицкій. Мстиславъ, ничего не зная, расположился станомъ недалеко отъ Дорогобужа; князь Владиміръ Андреевичъ прислалъ ему много хмельнаго

питья, а между прочимъ велѣлъ сказать, что Владиміръ Галицкій идетъ за нимъ; Мстиславъ объявилъ объ этомъ войску, но пьяные Венгерцы съ хвастовствомъ отвѣчали: «если придетъ на насъ, то мы будемъ биться съ нимъ». Въ полночь сторожа прибѣжали къ князю съ крикомъ: «Владиміръ идетъ!» Мстиславъ съ дружиною вскочилъ на коней и начали будить Венгровъ, но тѣ, напившись, лежали какъ мертвые; на разсвѣтѣ ударилъ на нихъ Владиміръ Галицкій и мало кого взялъ въ плѣнъ, почти всѣхъ перебилъ; Мстиславъ же съ дружиною ушелъ въ Луцкъ. Когда князь Изяславъ услыхалъ, что сынъ его побѣжденъ и Венгры перебиты, то сказалъ свою пословицу: «нейдетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту; но далъ бы Богъ здоровья мнѣ и королю, а месть будетъ». Между тѣмъ Вячеславъ и Изяславъ послали сказать Юрію: «Кланяемся тебѣ: ступай въ Суздаль, а сына посади въ Переяславлѣ, не можемъ съ тобою жить здѣсь, приведешь на насъ опять Половцевъ». У Юрія не было тогда ниоткуда помощи; дружина его — одни были перебиты, другіе захвачены въ плѣнъ; невольно принужденъ онъ былъ цѣловать къ нимъ крестъ за себя и за дѣтей своихъ.

Въ 1152 году король Венгерскій прислалъ сказать Изяславу: «Батюшка! кланяюсь тебѣ; ты прислалъ сказать мнѣ про обиду отъ Галицкаго князя, а я ужъ здѣсь приготовляюсь; и ты приготовляйся». Изяславъ, слыша это, собралъ всю свою дружину и пошелъ, чтобы соединиться съ королемъ; на рѣкѣ Санѣ встрѣтились они съ Владиміромъ Галицкимъ и приготовились къ битвѣ. Изяславъ сказалъ при этомъ дружинѣ своей: «Братья и дружина! Богъ никогда не налагалъ безчестья на Русскую землю и на русскихъ сыновъ,

на всѣхъ мѣстахъ они честь свою брали; теперь же, братья, поревнуемъ тому: въ этой землѣ и передъ чужимъ народомъ дай намъ Богъ честь свою взять». Сказавъ это, Изяславъ бросился со всѣми своими полками въ бродъ; Венгры сдѣлали то же съ своей стороны; Владиміръ былъ сильно пораженъ, и только самъ-другъ убѣжалъ въ городъ Перемышль. И Перемышль тогда же бы взяли, потому что некому было изъ него биться, да не взяли потому, что внѣ города стоялъ дворъ княжій, на лугу, надъ рѣкою Саномъ; на этомъ дворѣ было много всякаго добра: туда-то и ринулись всѣ воины. Изяславъ же и король, собравши всѣхъ своихъ воиновъ и дружину, раскинули тутъ же станъ передъ городомъ, надъ рѣкою Вягромъ. Между тѣмъ Владиміръ началъ слать къ королю, прося мира, на ту же ночь прислалъ къ архіепископу и къ воеводамъ королевскимъ, притворился, что тяжело раненъ, и велѣлъ сказать имъ: «Умоляйте за меня короля; я тяжко раненъ и каюсь предъ королемъ, что прежде его оскорбилъ и сталъ противъ него»; а королю велѣлъ сказать: «Богъ грѣхи отпускаетъ, и ты мнѣ отпусти, а не выдай меня Изяславу, потому что я крѣпко боленъ; если Богъ по душу пошлетъ, то прими къ себѣ сына моего; отецъ твой былъ слѣпъ, а я ему много послужилъ своимъ копьемъ и своими полками; за его обиду съ Ляхами бился; помяни это и отдай мнѣ мои вины». Архіепископу и мужамъ королевскимъ Владиміръ выслалъ множество даровъ, золота и серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и платья; на другой день король, съѣхавшись съ Изяславомъ, пересказалъ ему рѣчи Владиміра; тотъ отвѣчалъ ему: «Сынъ! если Владиміръ умретъ, то Богъ его убилъ, потому что онъ преступилъ крестное цѣлованіе къ намъ обоимъ; исполнилъ ли онъ хоть что-

нибудь, что обѣщалъ тебѣ, да еще и опозорилъ насъ обоихъ; а теперь въ чемъ ты ему будешь вѣрить? Благо намъ Богъ далъ его въ руки, самого возьмемъ и волость его подѣлимъ». Но король не послушалъ его, а послушалъ архіепископа и всѣхъ мужей своихъ, обдаренныхъ Владиміромъ; онъ сказалъ Изяславу: «Не могу убить Владиміра, онъ молится и кланяется, и въ своихъ винахъ кается: но если онъ, поцѣловавши теперь крестъ, не сдержитъ клятвы, тогда уже какъ мнѣ Богъ съ нимъ дастъ, либо я буду въ Венгерской землѣ, либо онъ въ Галицкой». Изяславу сильно не хотѣлось мириться съ Владиміромъ, да дѣлать было нечего; король и мужи его всѣ хотѣли мириться. Король сказалъ Владиміру: «На томъ тебѣ цѣловать крестъ, что всѣ русскіе города возвратить и быть заодно съ Изяславомъ, не отлучаться отъ него ни въ добрѣ, ни въ лихѣ». Владиміръ согласился на все съ радостію, и король послалъ къ нему мужей своихъ съ крестомъ. Изяславъ не хотѣлъ приводить его ко кресту; но король сказалъ: «это тотъ самый крестъ, на которомъ Христосъ Богъ нашъ своею волею восхотѣлъ пригвоздиться и который, по волѣ Божіей, достался святому Стефану *); если Владиміръ, поцѣловавши этотъ крестъ, измѣнитъ клятвѣ и останется живъ, то я тебѣ клянусь, батюшка, что-либо голову свою сложу, либо завоюю Галицкую землю; а теперь не могу его убить». Оба, и король, и Изяславъ, отрядили мужей своихъ съ крестомъ къ Владиміру, при чемъ Мстиславъ Изяславичъ сказалъ отцу своему и королю: «Вы поступаете по-христіански, что честному кресту вѣрите и обиды свои прощаете; но я вамъ скажу передъ

---

*) Св. Стефанъ, король Венгерскій, апостолъ своей страны.

этимъ честнымъ крестомъ, что Владиміръ не сдержитъ своей клятвы; но ты, король, своего слова не забудь: если Владиміръ измѣнитъ, то тебѣ стоять опять у Галича». Владиміръ цѣловалъ крестъ, лежа на постели, притворяясь, что изнемогаетъ отъ ранъ, а ранъ на немъ не было. Когда же Изяславъ, возвратившись во Владиміръ, послалъ своихъ посадниковъ по тѣмъ городамъ, которые Владиміръ поклялся возвратить ему, то онъ не пустилъ ихъ ни въ одинъ. Изяславъ пошелъ въ Кіевъ, и къ королю послалъ сказать: «Тебѣ ужъ теперь не воротиться, ни мнѣ; но я только даю тебѣ знать, что Владиміръ преступилъ крестное цѣлованіе; и ты не забывай своего слова». Къ Владиміру же послалъ Изяславъ Петра Бориславича съ крестными грамотами, потому что этотъ самый Петръ Бориславичъ и приводилъ его къ присягѣ. Изяславъ велѣлъ сказать Галицкому князю: «Ты крестъ къ намъ съ королемъ цѣловалъ на томъ, что возвратишь все, взятое изъ русской волости, и слова своего не сдержалъ; я забуду все, если захочешь обѣщаніе свое исполнить, если же нѣтъ, то ты будешь клятвопреступникъ, и вотъ твои грамоты крестныя, а намъ съ королемъ какъ Богъ дастъ надъ тобою промыслить». Владиміръ отвѣчалъ: скажи своему князю: «Ты напалъ на меня врасплохъ и короля на меня навелъ; но если буду живъ, то либо голову свою сложу, либо отомщу за себя». Петръ сказалъ ему на это: «Князь! ты крестъ къ брату своему Изяславу и къ королю цѣловалъ, что все управишь и будешь съ ними заодно, такъ ты уже измѣнилъ крестному цѣлованію». Владиміръ отвѣчалъ: «Вотъ еще! такой маленькій крестикъ».— «Крестъ-то малъ, возразилъ Петръ, но сила-то его велика на небеси и на землѣ; а вѣдь тебѣ король говорилъ о силѣ его,

что это тотъ самый крестъ, на которомъ Христосъ былъ распятъ, и достался онъ, по Божіей милости, св. Стефану; говорилъ и то, что если поцѣлуешь этотъ крестъ и преступишь клятву, то живъ не будешь; а королевскій посланникъ развѣ не говорилъ тебѣ о томъ честномъ крестѣ?» Владиміръ отвѣчалъ: «Ну ужъ вы тогда досыта наговорились; а теперь ступай вонъ, поѣзжай къ своему князю». Петръ положилъ предъ нимъ крестныя грамоты и пошелъ вонъ: ему не дали ни подводы, ни корма, такъ что онъ поѣхалъ на своихъ коняхъ. Когда Петръ съѣзжалъ съ княжаго двора, въ то время Владиміръ шелъ въ церковь къ св. Спасу, къ вечернѣ; когда онъ взошелъ на переходы, ведущіе къ церкви, и увидалъ ѣдущаго Петра, то сказалъ со смѣхомъ: «Поѣхалъ русскій *) бояринъ, побравши всѣ волости», и сказавши это, пошелъ на полати (хоры) **). Вечерня отошла, Владиміръ пошелъ изъ церкви: и когда былъ на томъ самомъ мѣстѣ на ступени, гдѣ смѣялся надъ Петромъ, то вдругъ закричалъ: «Что это? кто-то меня по плечу ударилъ», и онъ не могъ соступить съ мѣста, чуть было не упалъ, слуги подхватили его подъ руки, понесли въ горенку и уложили; начались разные толки: одни говорили, что такая болѣзнь, другіе—другая, стали прикладывать лѣкарства; но князю становилось все хуже да хуже и къ вечеру Богу душу отдалъ. Между тѣмъ Петръ выѣхалъ изъ Галича и на ночь остановился въ Большевѣ; было такъ на разсвѣтѣ, когда пришелъ къ нему дѣтскій ***) изъ Галича и сказалъ:

---

*) Т.-е. Кіевскій, потому что Русью собственно называли одинъ Кіевъ съ округомъ.

**) Т.-е. на хоры въ церкви.

***) Отрокъ, впослѣдствіи сынъ боярскій, младшій придворный служитель.

«Князь не велѣлъ ѣхать дальше, но ждать здѣсь, пока не пришлетъ за тобою». — Петръ не зналъ еще о княжей смерти, отъ дѣтскаго ничего не слыхалъ объ этомъ, и потому началъ сильно тужить, что ему придется опять ѣхать въ городъ, думалъ, что будетъ ему мука пуще прежней. Еще до обѣда пригнали за Петромъ изъ города звать къ князю. Онъ отправился, и когда пріѣхалъ на княжескій дворъ, то къ нему навстрѣчу вышли изъ саней слуги княжескіе всѣ въ черномъ. Петръ удивился, что это значитъ? Когда онъ вошелъ въ сѣни, то увидалъ, что младшій князь Ярославъ, сынъ Владиміра, сидитъ на отцовскомъ мѣстѣ, тоже въ черномъ платьѣ и черной шапкѣ и всѣ бояре въ черномъ; Петру подставили скамью, онъ сѣлъ. Ярославъ взглянулъ на него и залился слезами; Петръ сидѣлъ, ничего не вѣдая, наконецъ спросилъ: да что же все это значитъ? Ему отвѣчали, что въ эту ночь Богъ послалъ по душу князя Владиміра. «Какъ такъ, — сказалъ Петръ, — въ эту ночь я выѣхалъ отсюда, онъ былъ совершенно здоровъ»; ему отвѣчали, что ударило князя въ плечо, и съ того началъ изнемогать и Богу душу отдалъ; Петръ сказалъ на это: «Воля Божія, и всѣмъ тамъ быть». Тогда Ярославъ началъ говорить: «Мы тебя позвали вотъ для чего: Богъ волею своею, какъ ему было угодно, такъ и сотворилъ; а теперь поѣзжай къ отцу моему Изяславу, отвези ему отъ меня поклонъ и скажи: коли Богъ отца моего взялъ, то ты будь мнѣ вмѣсто отца; ты самъ съ отцомъ моимъ вѣдался, какъ тамъ что между вами было, и то уже Богъ разсудилъ; Богъ отца моего взялъ, а меня оставилъ на его мѣстѣ; полкъ его и дружина его у меня, одно копье только поставлено у гроба его, да и то моей рукѣ; теперь, батюшка, кланяюсь тебѣ, прими меня въ сыновья на ряду съ сыномъ

своимъ Мстиславомъ: пусть Мстиславъ ѣздитъ подлѣ твоего стремени по одной сторонѣ, а я буду ѣздить по другой, со всѣми своими полками». Сказавъ это, онъ отпустилъ Петра.

Несмотря однако на такія обѣщанія, Ярославъ не сдержалъ своего слова относительно Изяслава и въ 1153 году послѣдній принужденъ былъ выступить противъ него въ походъ. У рѣки Серата сошлись враги. Галицкіе мужи начали говорить князю своему Ярославу: «Ты молодъ, такъ отъѣзжай подальше и смотри только на насъ; отецъ твой кормилъ насъ и любилъ, такъ и мы хотимъ за честь отца твоего и за твою головы сложить; ты у насъ одинъ князь: если съ тобою что станется, то что намъ будетъ дѣлать? поѣзжай-ка, князь, въ городъ, а мы останемся биться съ Изяславомъ, и кто изъ насъ будетъ живъ, прибѣжимъ къ тебѣ и затворимся съ тобою». Ярославъ послушался ихъ, полки сошлись, и была сѣча злая, бились отъ полудня до вечера. Вдругъ встало смятеніе въ обѣихъ ратяхъ, не видно было, которая побѣдила. Изяславъ гналъ Галичанъ, а братья его бѣжали отъ нихъ; Изяславъ набралъ въ плѣнъ Галицкихъ бояръ, а Галичане ополонились боярами Кіевскими. Великій князь переночевалъ на побоищѣ и на другое утро, видя, что у него осталось очень мало дружины, пошелъ назадъ въ Кіевъ, а плѣнниковъ Галицкихъ всѣхъ побилъ, потому что ихъ было некому стеречь; и былъ плачъ великій по всей землѣ Галицкой.

Глава XII.

О княженіи Юрія Долгорукаго, Изяслава Давидовича и Ростислава Мстиславича.

Въ 1154 году разболѣлся Великій князь Кіевскій Изяславъ, честный, благовѣрный, христолюбивый и славный внукъ Владиміра Мономаха, и плакалась по немъ вся Русская земля, и всѣ Черные Клобуки, какъ по царѣ и господинѣ своемъ или, лучше сказать, какъ по отцѣ; преставился онъ въ воскресенье, на ночь, на Филипповъ день, и погребли его въ церкви св. Ѳеодора, въ монастырѣ отцовскомъ. Дядя Вячеславъ всѣхъ больше плакалъ по немъ; онъ говорилъ: «сынокъ! то мое было мѣсто; но предъ Богомъ нечего дѣлать». Въ это время Ростиславъ пришелъ изъ Смоленска въ Кіевъ; всѣ Кіевляне вышли съ радостію къ нему навстрѣчу, всѣ были ему рады—и Русская земля вся, и всѣ Черные Клобуки. Ростиславъ вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ поѣхали и поклонились отцу своему Вячеславу. Послѣдній, увидавъ Ростислава, сильно обрадовался и сказалъ ему: «Сынъ! я уже старъ, рядовъ всѣхъ не могу рядить; даю тебѣ ихъ, какъ братъ твой держалъ и рядилъ; ты меня имѣй отцомъ и честь на мнѣ держи, а полкъ мой и дружину мою ты ряди». Ростиславъ поклонился дядѣ и сказалъ: «Очень радъ, господинъ батюшка, буду держать тебя отцомъ господиномъ, какъ и братъ мой Изяславъ держалъ тебя и въ твоей волѣ былъ». Кіевляне, съ своей стороны, посадили Ростислава на столѣ Кіевскомъ и сказали ему: «Какъ братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такъ и ты его чести, а до твоего живота

Кіевъ твой». Скоро пришла вѣсть къ Ростиславу, что Глѣбъ Юрьевичъ со множествомъ Половцевъ идетъ къ Переяславлю; Ростиславъ выступилъ въ походъ; когда же сынъ его Святославъ успѣлъ отпровадить Половцевъ, то онъ началъ гадать съ братьею своею, какъ бы пройти къ Чернигову, на Изяслава Давидовича; послѣ чего, не входя въ Кіевъ, сталъ со всѣми полками у Вышгорода, сказавши дружинѣ своей: «Намъ надобно упредить Юрія: либо прогонимъ его, либо помиримся съ нимъ». На другой день пригнали къ Ростиславу изъ Кіева съ вѣстію: «Отецъ твой Вячеславъ приказалъ долго жить». Ростиславъ удивился: «Какъ,—сказалъ онъ,—мы вчера поѣхали, онъ былъ здоровъ». Ему отвѣчали: «Ночью онъ пировалъ съ дружиною и пошелъ спать здоровъ; но какъ легъ, такъ уже больше не вставалъ, тутъ и Богъ по душу послалъ». Ростиславъ, услыхавъ это, бросилъ полки и погналъ къ Кіеву; тамъ плакался по отцѣ своемъ, и проводилъ его до гроба съ честью великою, со множествомъ народа. Послѣ похоронъ Ростиславъ поѣхалъ на дворъ Ярославовъ, созвалъ бояръ покойнаго князя, тіуновъ его и ключниковъ, и приказалъ принести передъ себя все имѣнье Вячеслава, платье, золото и серебро; когда же все снесли, онъ началъ раздавать по монастырямъ, по церквамъ, по затворамъ и нищимъ, и роздалъ все, а себѣ не взялъ ничего, только крестъ честной взялъ себѣ на благословеніе. Урядивши все, онъ поѣхалъ опять на ту сторону Днѣпра, къ полкамъ своимъ. Пріѣхавши въ полкъ, Ростиславъ началъ думать съ племянниками, Святославомъ Всеволодовичемъ и Мстиславомъ Изяславичемъ и съ боярами своими, какъ бы пойти къ Чернигову. Но бояре отговорили его идти туда, они говорили: «Богъ взялъ дядю твоего Вячеслава, а ты еще съ людьми въ Кіевѣ не утвер-

дился; ступай лучше въ Кіевъ, утвердись съ людьми; тогда если и дядя Юрій придетъ на тебя, то годно тебѣ будетъ съ нимъ мириться—помиришься, а не годно—начнешь войну». Но Ростиславъ не послушался ихъ, а пошелъ на Изяслава Давидовича къ Чернигову. Тотъ призвалъ на помощь Половцевъ; Ростиславъ испугался и побѣжалъ въ Смоленскъ. Кіевляне, оставшись безъ князя, послали епископа Дамьяна Коневскаго сказать Изяславу: «ступай къ намъ въ Кіевъ, чтобъ насъ не взяли Половцы; ты нашъ князь; пріѣзжай скорѣй». Черниговскій князь въѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ. Но между тѣмъ Юрій Ростовскій выступилъ въ походъ на Русь и приближался къ волости Ростиславовой. Смоленскій князь послалъ просить у него мира: «Батюшка! кланяюсь тебѣ, ты и прежде до меня доберъ былъ и я до тебя, а теперь кланяюсь, ты мнѣ дядя вмѣсто отца». Юрій отвѣчалъ: «Правда, сынокъ, съ Изяславомъ не могъ я ужиться, а ты мнѣ свой братъ и сынъ»; и не помянувши злобы брата его, помирился съ нимъ. Потомъ послалъ Юрій сказать Изяславу Давидовичу: «Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ». Изяславъ прислалъ къ нему съ моленіемъ и поклонами: «Развѣ я самъ поѣхалъ въ Кіевъ?—велѣлъ онъ сказать:—Кіевляне посадили меня; не дѣлай мнѣ зла, а Кіевъ твой». Юрій согласился на его просьбу; Изяславъ мирно выѣхалъ изъ Кіева, и Ростовскій князь вступилъ туда съ торжествомъ.

Въ 1158 году Изяславъ Давидовичъ началъ замышлять рать на Юрія, заключивъ союзъ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Мстиславомъ Изяславичемъ; подговорилъ было и Святослава Ольговича встать вмѣстѣ на Юрія; но тотъ отвѣчалъ: «Я крестъ цѣловалъ къ Юрію: не могу безъ причины встать на него». Въ тотъ самый день, какъ Изяславъ

сбирался идти къ Кіеву, пріѣхали къ нему Кіевляне и сказали: «Ступай, князь, въ Кіевъ, Юрій умеръ». Изяславъ прослезился и, поднявъ руки къ небу, сказалъ: «Благословенъ еси, Господи, что разсудилъ меня съ нимъ смертію, а не кровопролитіемъ». Юрій пировалъ у Петрила; въ тотъ же день на ночь разболѣлся и, лежавъ пять дней, умеръ 15 мая, въ среду на ночь, а на другой день, въ четвергъ, похоронили его въ монастырѣ св. Спаса. Много зла сотворилось въ тотъ день: разграбили дворъ его Красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ, который самъ называлъ раемъ, и дворъ Василька, сына его, разграбили также въ городѣ; Суздальцевъ перебили по городамъ и селамъ, имѣнье ихъ разграбили.

Изяславъ Давидовичъ вошелъ въ Кіевъ 19 мая. Въ тотъ же годъ согласились всѣ Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы, взяли Андрея, старшаго сына Юріева, и посадили его на отцовскомъ столѣ, въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ, потому что онъ былъ всѣми любимъ за многія свои добродѣтели. По отцѣ своемъ онъ сотворилъ великую память, церкви украсилъ и монастыри поставилъ.

Въ 1159 году одинъ изъ князей Полоцкихъ Рогволодъ Борисовичъ пошелъ отъ Святослава Ольговича искать себѣ волости съ полками Святославовыми, потому что братья были злы до него, отняли у него волость и все имѣніе. Пріѣхавъ къ Слуцку, онъ началъ пересылаться съ Дричанами. Дричане были рады ему и звали къ себѣ, говоря: «пріѣзжай, князь, не мѣшкай, рады тебѣ: хотя бы пришлось и съ дѣтьми биться за тебя, рады биться». И въ самомъ дѣлѣ выѣхало къ нему навстрѣчу больше трехъ сотъ лодокъ съ Дричанами и Полочанами, и вошелъ онъ въ городъ съ великою

честію; а Глѣба Ростиславича, сына полоцкаго князя, горожане Друцкіе выгнали вмѣстѣ съ дружиною. Глѣбъ пошелъ къ отцу въ Полоцкъ; здѣсь всталъ большой мятежъ; многіе хотѣли Рогволода; едва Ростиславъ успѣлъ установить людей, раздавши имъ много даровъ и приведши ко кресту, а самъ пошелъ со всею братьею на Рогволода къ Друцку. Рогволодъ затворился въ городѣ, бились крѣпко, и много падали съ обѣихъ сторонъ, такъ что Ростиславъ принужденъ былъ помириться съ Рогволодомъ, придалъ ему волости и возвратился домой въ Полоцкъ. Но въ томъ же году Полочане совѣщали злой совѣтъ на князя своего Ростислава Глѣбовича и преступили крестное цѣлованіе, что клялись ему—«ты нашъ князь, и дай намъ Богъ съ тобой пожить»; они послали втайнѣ къ Рогволоду Борисовичу сказать ему: «Князь нашъ! согрѣшили мы предъ Богомъ и предъ тобою, что встали на тебя безъ вины, и имѣніе твое и твоей дружины все разграбили, а самого выдали Глѣбовичамъ на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы сдѣлали тебѣ своимъ безуміемъ, и крестъ къ намъ поцѣлуешь, то мы твои люди, а ты нашъ князь; Ростислава же тебѣ выдадимъ, что хочешь съ нимъ, то и дѣлай». Рогволодъ поклялся имъ, что не будетъ помнить прежняго. Тогда Полочане начали звать Ростислава лестію на братовщину *) къ св. Богородицѣ къ Старой, на Петровъ день, чтобъ тамъ схватить его; онъ поѣхалъ, поддѣвши броню подъ платье, и не посмѣли схватить его. На другой день начали его звать опять: «Князь! пріѣзжай къ намъ, у насъ есть до тебя дѣло;

*) Братовщина — складочный пиръ; обыкновенно складывались всѣ прихожане на храмовые праздники.

ступай къ намъ въ городъ»: потому что князь былъ въ то время въ Бѣльчицѣ. Ростиславъ отвѣчалъ посламъ: «Я у васъ вчера былъ, что жъ вы мнѣ ничего не говорили, какое тамъ у васъ было дѣло до меня?» Несмотря на то, однако, поѣхалъ въ городъ. На дорогѣ попался ему дѣтскій, который гналъ изъ Полоцка: «Не ѣзди, князь, вѣче на тебя въ городѣ, дружину твою бьютъ и тебя хотятъ схватить». Ростиславъ воротился, собралъ дружину на Бѣльчицѣ и пошелъ полкомъ къ брату Володарю въ Минскъ, много надѣлавши зла волости Полоцкой, забирая скотъ и челядь. Полочане же послали за Рогволодомъ въ Друцкъ; и вошелъ Рогволодъ въ Полоцкъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, сѣлъ на столѣ отца и дѣда съ великою честію, и рады были Полочане. Въ томъ же году началъ рать Изяславъ Давидовичъ на Ярослава Галицкаго, ища волости двоюродному брату его, Ивану Ростиславичу, по прозванію Берладнику *): присылали къ Берладнику Галичане, уговаривали его сѣсть на коня и ѣхать къ нимъ; они говорили: «только покажутся твои стяги, и мы отступимъ отъ Ярослава». Изяславъ началъ слать къ брату Святославу Ольговичу и къ Святославу Всеволодовичу, зовя ихъ съ собою на Галичъ; объявлялъ и то, что хотятъ на него самого идти князья изъ Владиміра-Волынскаго. Святославъ Ольговичъ отвѣчалъ ему: «Братъ, кому ищешь волости, брату или сыну? лучше бы тебѣ не начинать первому; а что говоришь: хотятъ на меня поѣхать, такъ если поѣдутъ на тебя съ похвальбою, то и Богъ будетъ за тебя, и я, и мои

*) Отъ города Берлада, въ нынѣшней Бессарабіи, куда стекался всякій сбродъ; тамъ же изгнанные князья находили убѣжище и удалую дружину.

племянники». Изяславъ не послушался брата и пошелъ изъ Кіева. На дорогѣ нагналъ его посланный отъ Святослава опять съ тѣми же рѣчами: «Не велитъ тебѣ братъ начинать рати, велитъ тебѣ воротиться». Изяславъ съ яростью отвѣчалъ ему: «Будь тебѣ вѣдомо, братъ, не ворочусь, ужъ я пошелъ; а когда ты самъ не идешь со мною и сына не пускаешь, то если Богъ дастъ успѣю въ Галичѣ, тогда не жалуйся на меня, если поползешь изъ Чернигова къ Новгороду (Сѣверскому)». Святослава сильно оскорбили такія слова; онъ сказалъ: «Господи! виждь мое смиреніе: я о себѣ не заботился, не желая проливать кровь христіанскую и губить свою отчизну; взялъ я Черниговъ съ семью городами пустыми, сидятъ въ нихъ псари да Половцы; а всю волость Черниговскую Изяславъ держитъ съ своимъ племянникомъ; но и того ему мало, велитъ мнѣ изъ Чернигова выйти, а крестъ ко мнѣ цѣловалъ, что никогда не лишитъ меня этого города; пусть все разсудитъ Богъ и крестъ честной; а я, братъ, для твоего же добра запрещаю тебѣ ходить, и чтобы тишина была въ русской землѣ». Изяславъ былъ побѣжденъ и принужденъ бѣжать. Тогда князь Мстиславъ, Владиміръ и Ярославъ послали въ Смоленскъ къ Ростиславу, зовя его въ Кіевъ на столъ, потому что и прежде цѣловали крестъ искать Кіевъ для него. Ростиславъ отправилъ къ нимъ двоихъ пословъ—отъ Смольнянъ боярина и отъ Новгородцевъ другого, съ такими словами: «Если меня зовете вправду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ на всей своей волѣ, чтобъ вамъ имѣть меня отцомъ себѣ вправду и ходить въ моемъ послушаньи, а напередъ всего объявляю вамъ: не хочу видѣть Клима на столѣ митрополичьемъ, не взялъ онъ благословенье отъ св. Софіи и отъ Патріарха». Но Мстиславъ

крѣпко заступался за Клима и говорилъ: «не бывать Константину на митропольи за то, что проклиналъ моего отца». Долго спорили они между собою, Ростиславъ со Мстиславомъ, и были между ними крупныя рѣчи; наконецъ положили, что ни Климу, ни Константину не сидѣть больше на столѣ митрополичьемъ, а привести новаго митрополита изъ Царь-града.

Въ 1160 году пошелъ Ростиславъ, сынъ Мстиславовъ, изъ Смоленска въ Кіевъ, на столъ; и вошелъ въ Кіевъ 12 апрѣля, на самое Воскресенье Христово; встрѣтили его всѣ люди и приняли съ достохвальною честію; сѣлъ на столѣ дѣда своего и отца благовѣрный князь Ростиславъ, и была людямъ двойная радость—Воскресеніе Господне и княжескій въѣздъ. Въ этомъ же году съѣхались Ростиславъ съ Святославомъ Черниговскимъ въ Моравскѣ, и былъ съѣздъ ихъ на великую любовь. Ростиславъ позвалъ къ себѣ Святослава на обѣдъ, тотъ поѣхалъ къ нему безъ всякаго извѣта; и была въ тотъ день между ними большая радость и дары многіе. Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, бѣлыми волками и рыбьими зубьями. На другой день позвалъ Святославъ Ростислава къ себѣ на обѣдъ, и веселились больше вчерашняго дня; подарилъ Святославъ Ростиславу барса и двухъ коней борзыхъ съ коваными сѣдлами; и такъ попировавши и обдарившись, разъѣхались по домамъ.

Въ 1168 году пошелъ Ростиславъ къ Новгороду потому, что Новгородцы не хорошо жили съ сыномъ его Святославомъ. За 300 верстъ до Смоленска начали встрѣчать его лучшіе мужи Смоленскіе, потомъ встрѣтили его внуки, потомъ сынъ Романъ и епископъ Мануилъ и мало не весь

городъ вышелъ къ нему навстрѣчу: всѣ сильно обрадовались его приходу и поднесли ему множество даровъ. Изъ Смоленска пошелъ онъ въ Торопецъ, оттуда и послалъ къ сыну Святославу въ Новгородъ, веля ему ѣхать къ себѣ навстрѣчу въ Луки, потому что Ростиславъ уже чувствовалъ себя дурно, и потому не поѣхалъ въ Новгородъ, и имѣлъ свиданіе въ Лукахъ съ сыномъ и Новгородцами; Новгородцы цѣловали крестъ Ростиславу на томъ, что имѣть сына его княземъ у себя, а иного князя не искать; и много даровъ взялъ великій князь у сына и у Новгородцевъ. Изъ Лукъ возвратился онъ въ Смоленскъ. Сестра его Рогнѣда, видя, что братъ сильно изнемогаетъ, начала просить его остаться въ Смоленскѣ. Онъ отвѣчалъ ей: «Не могу здѣсь лечь, повезите меня въ Кіевъ; если Богъ возьметъ меня на пути, то положите меня въ отцовскомъ монастырѣ у св. Ѳеодора; если же Богъ возвратитъ мнѣ здоровье, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ». Будучи при послѣднемъ издыханіи, онъ сказалъ своему духовнику, священнику Семену: «ты отдашь отвѣтъ Богу въ томъ, что запретилъ мнѣ постричься». Часто говаривалъ онъ печерскому игумену Поликарпу: «Тогда еще запала мнѣ въ голову мысль о постриженьи, когда пришла изъ Чернигова вѣсть о смерти Святослава Ольговича». Съ тѣхъ поръ онъ всегда, бывало, говаривалъ игумену: «Поставь мнѣ, игуменъ, добрую келью; боюсь напрасной смерти». У Ростислава былъ еще и другой добрый обычай: въ великій постъ каждую субботу и воскресенье сажалъ онъ у себя за обѣдомъ по двѣнадцати чернецовъ, тринадцатый былъ игуменъ Поликарпъ; онъ кормилъ ихъ и домой отпускалъ не съ пустыми руками; самъ же пріобщался каждую недѣлю и тогда, бывало, такъ и заливается слезами,

такъ вздыхаетъ и стонетъ, что и другіе, глядя на него, начнутъ плакать. Великую любовь имѣлъ онъ къ Святой Богородицѣ и къ св. отцу Ѳеодосію, и такъ разговаривалъ часто съ Поликарпомъ: «Хотѣлъ бы я освободиться отъ маловременнаго и суетнаго свѣта сего и мимотекущаго и многомятежнаго житія сего, о чемъ и прежде поминалъ тебѣ». На это Поликарпъ обыкновенно отвѣчалъ ему: «Вамъ Богъ велѣлъ правду творить на этомъ свѣтѣ, въ правду судъ судить и въ крестномъ цѣлованіи стоять». Ростиславъ возражалъ: «Отецъ! княженіе и міръ не можетъ безъ грѣха быть, а я уже пожилъ не мало на этомъ свѣтѣ; а теперь хотѣлось бы мнѣ поревновать правовѣрнымъ царямъ, которые пострадали и приняли возмездіе отъ Господа Бога своего, святымъ мученикамъ, пролившимъ кровь свою и воспріявшимъ вѣнцы нетлѣнные, святымъ отцамъ, удручившимъ тѣло свое постомъ и узкимъ, тѣснымъ путемъ ходившимъ, и принявшимъ царство небесное; слышалъ я слово царя Константина: если бы вѣдалъ, какъ честенъ ликъ иноческій, какъ прямо восходятъ чернецы съ ангелами къ престолу Господню, то снялъ бы вѣнецъ и багряницу». Тогда говорилъ ему игуменъ: «Если хочешь этого, князь, то да будетъ воля Божія». Ростиславъ отвѣчалъ: «Подожду еще немного: у меня есть кое-какія дѣла». На дорогѣ изъ Смоленска, въ селѣ Зарубѣ, преставился Ростиславъ въ молитвѣ и слезахъ и положенъ былъ въ Кіевѣ въ Ѳедоровскомъ монастырѣ.

Глава XIII.

О взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, о войнѣ этого князя съ Ростиславичами и о смерти его.

Въ 1169 году, по смерти Ростислава, послали за Мстиславомъ Изяславичемъ, племянникомъ покойнаго; братья его—Владиміръ Мстиславичъ, Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи, и Кіевляне съ Черными Клобуками отъ себя послали за нимъ же. Урядившись съ братіею, дружиною и Кіевлянами, Мстиславъ сѣлъ на столѣ Кіевскомъ. Въ 1170 году пришла Мстиславу Изяславичу добрая мысль о русской землѣ; хотѣлъ онъ ей добра всѣмъ сердцемъ и, созвавши братью свою на думу, такъ говорилъ имъ: «Братья! пожалѣйте о русской землѣ и о своей отчинѣ и дѣдинѣ, что Половцы каждый годъ уводятъ христіанъ въ свои вѣжи; безпрестанно клянутся намъ въ соблюденіи мира и безпрестанно преступаютъ клятву, а теперь уже отнимаютъ у насъ Греческій путь и Соляной Залозный; хорошо было бы намъ, братья, призвавъ на помощь Бога и святую Богородицу, поискать пути отцовскаго и дѣдовскаго и чести своей». Угодна была рѣчь его и Богу, и всей братьѣ, и дружинамъ ихъ. Они сказали: «Богъ тебѣ помоги, братъ, за такую мысль, а намъ дай Богъ за христіанъ и за русскую землю головы свои сложить и къ мученикамъ быть причтеннымъ». Всѣ князья соединились и выступили изъ Кіева; шли девять дней, взяли половецкія вѣжи по рѣкѣ Углѣ и по Снопороду, а самихъ Половцевъ настигнули у Чернаго Лѣса, притис-

нули къ нему и перебили, а иныхъ руками перехватали, всѣхъ же христіанъ, отполонивши, пустили на свободу. Въ это время въ Суздалѣ княжилъ Андрей Юрьевичъ, и не лежало у него на сердцѣ ко Мстиславу. Тогда же Новгородцы прислали къ Мстиславу, прося у него сына его Рюрика въ князья себѣ; Мстиславъ отпустилъ къ нимъ сына: отсюда пошла вражда на Мстислава отъ всей братьи; всѣ начали сноситься между собою, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ идти на великаго князя. Зимою выслалъ противъ него князь Андрей Юрьевичъ полки Ростовскіе, Владимірскіе и Суздальскіе съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, одиннадцатью другими князьями и воеводою Борисомъ Жидиславичемъ. Они обступили Кіевъ; Мстиславъ затворился въ городѣ, и была брань крѣпкая отовсюду. Три дня уже бились, Мстиславъ началъ изнемогать, Берендѣи и Торки измѣнили ему, дружина начала говорить: «что, князь, стоишь? ступай изъ города, намъ ихъ не перемочь». Мстиславъ выѣхалъ во Владиміръ, и Кіевъ былъ взятъ 8 марта 1171 года. Цѣлые два дня грабили городъ, Подолье и Гору, и монастыри, и св. Софію, и Десятинную Богородицу; не было помилованія никому ниоткуда; церкви горѣли, христіанъ убивали, другихъ вязали, женъ вели въ плѣнъ, разлучая силою отъ мужей, младенцы рыдали, смотря на матерей своихъ; взяли имѣнья множество, изъ церквей побрали иконы, книги, ризы и колокола, все вынесли Смольняне, Суздальцы и Черниговцы; зажженъ былъ монастырь Печерскій погаными, но Богъ молитвами св. Богородицы соблюлъ его отъ такой бѣды; и были въ Кіевѣ у всѣхъ людей стонъ и скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя. Все это случилось грѣхъ ради нашихъ.

Мстиславъ Андреевичъ посадилъ дядю своего Глѣба на

столѣ Кіевскомъ, а самъ пошелъ въ Суздаль къ отцу своему Андрею съ великою честію и славою. Въ 1173 году умеръ Глѣбъ; его мѣсто занялъ Владиміръ Мстиславичъ, но Андрею Суздальскому не любо было это; нѣсколько разъ присылалъ онъ ко Владиміру, веля ему идти изъ Кіева, куда посылалъ Романа Ростиславича изъ Смоленска. Въ слѣдующемъ 1174 году умеръ Владиміръ; Романъ сѣлъ въ Кіевѣ, и была радость всѣмъ людямъ. Но скоро Андрей началъ обвинять Ростиславичей, онъ прислалъ къ нимъ мечника своего Михна съ такими рѣчами: «Выдайте мнѣ Григорья Хотовича, и Степанца, и Алексѣя Святославича; они уморили брата моего Глѣба и враги всѣмъ намъ». Ростиславичи не послушались его и не отпустили отъ себя Григорья. Тогда Андрей велѣлъ сказать Роману: «Ты не ходишь въ моей волѣ съ братьею своею, такъ ступай же изъ Кіева, а Давидъ пусть идетъ изъ Вышгорода, а Мстиславъ изъ Бѣлгорода; у васъ есть Смоленскъ, тѣмъ и дѣлитесь какъ хотите». Ростиславичи сильно опечалились, что Андрей отнимаетъ у нихъ русскую землю, а брату своему Михайлѣ даетъ Кіевъ. Романъ Ростиславичъ выѣхалъ изъ Кіева, но другіе братья его—Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ—послали сказать Андрею: «Братъ! мы назвали тебя отцомъ, крестъ цѣловали тебѣ и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, желая тебѣ добра; но вотъ ты теперь брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, а намъ путь кажешь изъ русской земли безъ нашей вины; но за всѣми Богъ и сила крестная». Андрей не далъ имъ отвѣта; тогда Ростиславичи въѣхали ночью въ Кіевъ, схватили Всеволода Юрьевича, брата Андреева, съ дружиною и отдали городъ брату своему Рюрику. Черниговскіе князья обрадовались враждѣ и начали подучать Ан-

дрея на Ростиславичей; они послали сказать ему: «Кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ, а мы съ тобою готовы». Андрей принялъ совѣтъ ихъ, исполнился высокоумья, разгордѣлся, надѣясь на множество войска, разжегся гнѣвомъ и послалъ опять мечника Михна сказать Ростиславичамъ: «Не ходите въ моей волѣ, такъ ступай ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; а ты Давидъ ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ русской землѣ: а тебѣ, Мстиславъ, также не велю быть въ русской землѣ; отъ тебя-то все и сталось». Мстиславъ отъ юности привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога: онъ велѣлъ остричь Андрееву послу голову и бороду и отослалъ назадъ съ такими словами: «Ступай къ князю своему и скажи ему: до сихъ поръ мы держали тебя какъ отца; но если ты прислалъ ко мнѣ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ сдѣлаетъ по-своему». Андрей, услыхавъ это отъ Михна, поблѣднѣлъ, взострился на рать и скоро былъ готовъ. Онъ послалъ собирать всѣ свои войска: Ростовцевъ, Суздальцевъ, Владимірцевъ, Переяславцевъ, Бѣлозерцевъ, Муромцевъ, Новгородцевъ и Рязанцевъ; начелъ пятьдесятъ тысячъ войска, и послалъ съ нимъ сына своего Юрія да Бориса Жидиславича воеводою, приказавъ имъ: «Рюрика и Давида выгоните изъ отчины ихъ, а Мстиславу не дѣлайте никакого зла, только приведите ко мнѣ». Андрей князь умникъ былъ во всѣхъ дѣлахъ и доблестенъ; но погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ, распалился гнѣвомъ и испустилъ такія похвальбы; а передъ Богомъ гордость постыдна и мерзка: вѣдь она отъ дьявола. Но мы на прежнее возвратимся. Такъ вотъ и пошло войско Андреево; когда шло оно

мимо Смоленска, то Романъ, князь тамошній, отпустилъ съ нимъ сына своего и полки поневолѣ: не хотѣлось ему вооружаться на братью, да дѣлать было нечего: онъ самъ находился тогда въ рукахъ Андрея, который приказалъ и Полоцкимъ князьямъ пойти всѣмъ, и Туровскимъ, и Пинскимъ, и Городенскимъ. Соединившись еще съ Ольговичами и другими разными князьями, войска Андреевы переправились черезъ Днѣпръ и пошли въ Кіевъ. Ростиславичи же не затворились въ Кіевѣ, но пошли въ свои города: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ съ Давидовымъ полкомъ, а самъ Давидъ поѣхалъ въ Галичъ къ Ярославу за помощью. Войска Андреевы приблизились къ Вышгороду; всѣхъ князей было болѣе двадцати; Мстиславъ не испугался, въѣхалъ въ непріятельскіе полки, и потопталъ ихъ; было тогда смятеніе большое, и стоны, и клики, и голоса какіе-то дикіе: слышался ло́мъ копейный, звукъ оружейный; отъ множества пыли не распознать было ни конника, ни пѣшца. Бились крѣпко, и разошлись; много было раненыхъ, мало мертвыхъ. Это былъ одинъ бой на первый день: бился Мстиславъ со Всеволодомъ, съ Игоремъ и съ другими младшими людьми; потомъ пришли всѣ силы, оступили весь городъ, и приступали къ нему всякій день; Мстиславовы полки, выходя изъ города, бились также крѣпко, и много было въ нихъ побито и поранено добрыхъ людей; враги стояли около города девять недѣль. Въ это время пришелъ Ярославъ Луцкій *) на Ростиславичей же со всею Волынскою землею, ища себѣ старшинства у Ольговичей; но Ольговичи не уступили ему Кіева; тогда онъ сослался съ

*) Ярославъ Изяславичъ, сынъ великаго князя Изяслава Мстиславича.

Ростиславичами, урядился съ ними о Кіевѣ, отступилъ отъ Ольговичей и пошелъ на помощь Рюрику къ Бѣлгороду. Князья, союзники Андреевы, видя это,, испугались; они говорили: «Вотъ какъ они совокупятся на насъ съ Галичанами и съ Черными Клобуками, то что намъ будетъ дѣлать?» Въ полкахъ ихъ началось смятеніе, и, не дождавшись совѣта, всѣ ударились бѣжать чрезъ Днѣпръ, и множество перетонуло. Мстиславъ, видя это, похвалилъ Бога и погнался за ними; дружина его ударилась на станъ непріятельскій и набрала множество плѣнныхъ. Мстиславъ много утеръ пота съ дружиною своею и не мало показалъ мужества съ мужами своими. Такъ возвратилась вся сила Андрея, князя Суздальскаго: совокупилъ онъ всю землю, и войску не было числа, пришли съ высокомысліемъ, отошли въ домы свои со смиреніемъ. Ростиславичи положили на Ярославлѣ старшинство и дали ему Кіевъ.

Вошелъ Ярославъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ дѣдовскомъ и отцовскомъ. Тогда Святославъ Черниговскій началъ слать къ нему съ жалобою: «Помяни первый рядъ, на чемъ ты цѣловалъ крестъ; ты говорилъ: сяду ли я въ Кіевѣ, то я тебя надѣлю, а сядешь ты въ Кіевѣ, то ты меня надѣли; теперь ты сѣлъ право ли, криво ли я не разбираю, только надѣли меня». Ярославъ отвѣчалъ ему: «Зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ этой страны не надобно». Святославъ послалъ сказать на это: «Я не Угринъ и не Ляхъ; но мы всѣ одного дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько же и мнѣ; если ты не стоишь въ первомъ ряду, то твоя воля». Сказавъ это, онъ совокупился съ братьею и поѣхалъ врасплохъ къ Кіеву. Ярославъ, не успѣвши соединиться съ братьею и не смѣя затвориться въ Кіевѣ одинъ, бѣжалъ въ Луцкъ, а Свя-

тославъ въѣхалъ въ Кіевъ, захватилъ жену, сына Ярослава, дружину и все имѣніе и отправился съ добычею въ Черниговъ. Ярославъ, слыша, что Кіевъ стоитъ безъ князя, пограбленный Ольговичами, пріѣхалъ опять туда и въ сердцахъ замыслилъ тяготу Кіевлянамъ; онъ сказалъ имъ: «Подвели вы на меня Святослава, такъ теперь промышляйте, чѣмъ выкупить княгиню и сына». Граждане не умѣли ничего отвѣчать ему; тогда онъ наложилъ пеню на весь Кіевъ, на игуменовъ и поповъ, чернецовъ и черницъ, на Латину *) и гостей, даже на затворниковъ,—однимъ словомъ, на всѣхъ Кіевлянъ. Въ то же время Ростиславичи послали къ князю Андрею съ просьбою, чтобъ позволилъ брату ихъ Роману княжить въ Кіевѣ. Андрей отвѣчалъ имъ: «Подождите немного, я послалъ къ своей братьѣ въ Русь; какъ мнѣ будетъ вѣсть отъ нихъ, тогда дамъ отвѣтъ».

Въ 1175 году былъ убитъ великій князь Андрей Суздальскій, сынъ Юрія, внукъ Владиміра Мономаха. Былъ у него любимый тіунъ Якимъ, который, услыхавъ, что князь велѣлъ казнить брата его, началъ совѣтоваться съ подобными себѣ злыми совѣтниками, какъ Іуда съ жидами, и начали говорить: «Нынче того казнилъ, а насъ завтра; такъ промыслимъ-ка надъ этимъ княземъ», и уговорились убить его въ ночь. Когда ночь наступила, они пошли съ оружіемъ къ спальнѣ княжеской; на дорогѣ охватилъ ихъ ужасъ, и они побѣжали назадъ изъ сѣней, зашли въ медушу **) и напились вина; понапившись и поободрившись, пошли опять въ сѣни. Начальниками убійства былъ Петръ, Кучковъ зять, Анбалъ

*) Иностранецъ католическаго исповѣданія.

**) Погребъ собственно для медовъ.

Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучковичъ, а всѣхъ убійцъ числомъ двадцать, которые собирались на совѣтъ въ тотъ день у Петра, Кучкова зятя. Когда они подошли въ другой разъ къ спальнѣ, то одинъ, ставши у дверей, началъ кликать князя. «Господине! Господине!» Князь закричалъ: «Кто тамъ?» Тотъ же самый отвѣчалъ ему: «Прокопій». Князь узналъ по голосу и закричалъ: «Какой Прокопій, вовсе не Прокопій!» Тогда убійцы начали бить въ двери и силою ихъ выломали. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечъ, но меча уже не было: Анбалъ ключникъ днемъ припряталъ его; а мечъ-то былъ св. Бориса. Между тѣмъ двое убійцъ вскочили въ спальню и бросились на князя; тотъ подмялъ одного подъ себя, остальные убійцы подумали въ темнотѣ, что это князь упалъ, и начали добивать своего же брата; потомъ узнали ошибку, и стали бороться съ Андреемъ, который имѣлъ силу необыкновенную: сѣкли его мечами и копьями, а онъ все былъ на ногахъ и кричалъ имъ: «Горе вамъ, нечестивцы! какое я вамъ зло сдѣлалъ; если прольете кровь мою на землѣ, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ». Наконецъ убійцы подумали, что уже покончили съ княземъ и, схвативши своего раненаго, пошли вонъ съ трепетомъ; тогда Андрей опять вскочилъ на ноги и со стономъ и воплями пошелъ подъ сѣни. Убійцы, услыхавъ его голосъ, опять воротились на прежнее мѣсто и, не найдя тамъ князя, перепугались и начали кричать другъ другу: «Давайте искать его поскорѣе; пропали мы, если онъ отъ насъ ускользнетъ». Зажгли свѣчи и отыскали его по кровавому слѣду. Онъ сидѣлъ за всходнымъ столпомъ. Петръ первый бросился на него и отсѣкъ правую руку; князь взглянулъ на небо и сказалъ: «Господи! въ

руце твои предаю духъ мой», и скончался. Это было въ субботу, на ночь. На другой день, въ воскресенье, на память 12 Апостоловъ, убійцы нашли и закололи Прокопья, любимца княжескаго; оттуда пошли на сѣни, вынули золото, каменье дорогое, жемчугъ и всякое узорочье, поклали все на лошадей и отослали еще до разсвѣта; а сами, побравши княжеское оружіе, начали набирать себѣ единомышленниковъ, говоря: «что если да на насъ пріѣдетъ дружина Владимірская?» Собравши полкъ, послали сказать Владимірцамъ: «что вы на насъ замышляете? мы хотимъ съ вами покончить миромъ; вѣдь не наша была одна дума, были въ ней и изъ васъ кой-кто». Владимірцы отвѣчали: «Кто былъ съ вами въ думѣ, тотъ и оставайся съ вами, а намъ не надобно». Тогда злоумышленники разсѣялись на грабежъ, такъ что страшно было смотрѣть. Между тѣмъ пришелъ на мѣсто убійства Кузьма Кіевлянинъ и началъ спрашивать, гдѣ убитъ господинъ. Ему отвѣчали: «Лежитъ тамъ выволоченъ въ огородѣ; только ты не смѣй брать его, всѣ согласились выбросить его псамъ; если кто приметcя за него, тотъ намъ врагъ, и его убьемъ». Тогда Кузьма началъ плакать надъ тѣломъ: «Господинъ мой! Какъ это ты не почуялъ, что идутъ къ тебѣ скверные и нечестивые враги, и какъ тебѣ не удалось побѣдить ихъ, когда прежде побѣждалъ полки поганыхъ Болгаръ?» Увидавъ ключника Анбала, Кузьма обратился къ нему: «Анбалъ, вражій сынъ! сбрось коверъ, либо что-нибудь, чѣмъ прикрыть господина нашего». Анбалъ отвѣчалъ: «ступай прочь, мы хотимъ выбросить его псамъ». «Ахъ ты, еретикъ,—закричалъ Кузьма,—выбросить псамъ? помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ ты платьѣ пришелъ сюда? теперь ты въ бархатѣ стоишь, а князь нагой лежитъ; пожалуйста скинь что-нибудь».

Ключникъ сбросилъ коверъ и сукно, въ которое Кузьма завернулъ тѣло и понесъ въ церковь. Здѣсь на просьбу свою, чтобъ отперли церковныя двери, онъ получилъ отвѣтъ: «Брось его здѣсь въ притворѣ, охота тебѣ съ нимъ носиться». Кузьма опять началъ плакаться: «Уже и рабы тебя, господина своего, знать не хотятъ; бывало придетъ ли гость какой изъ Царяграда, или изъ иныхъ странъ русскихъ, или Латининъ, или какой-нибудь другой христіанинъ, даже поганинъ какой если придетъ, князь сейчасъ скажетъ: поведите его въ церковь, въ ризницу, пусть видятъ истинное христіанство и крестятся; такъ и случалось: Болгары и жиды, и всякая погань, видя славу Божію и украшеніе церковное, крестились и теперь горько плачутъ по тебѣ, а эти и въ церкви не велятъ положить». Поплакавши, положилъ тѣло въ притворѣ, прикрывъ сукномъ; такъ лежало оно два дня и двѣ ночи. На третій день пришелъ Козьмодемьянскій игуменъ Арсеній и сказалъ: «Долго ли намъ смотрѣть на старшихъ игуменовъ, и долго ли этому князю лежать такъ? отомкните божницу, я отпою надъ нимъ, и положимъ его въ гробъ; когда перестанетъ эта злоба, тогда придутъ изъ Владиміра и понесутъ его туда». Такъ и сдѣлалъ Арсеній вмѣстѣ съ крилошанами боголюбскими. Между тѣмъ граждане боголюбскіе пограбили домъ княжескій и работниковъ, пришедшихъ къ дѣлу, золото и серебро, платье и ткани, безчисленное множество всякаго имѣнія; пограбили дома посадниковъ и тіуновъ княжескихъ, дѣтскихъ и мечниковъ перебили, не понимая, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много; грабители приходили и изъ селъ. Начался было грабежъ и во Владимірѣ, но тамъ духовенство начало ходить по городу съ иконою Богородицы, и грабежъ утихъ. На шестой день, въ пятницу,

Владимірцы сказали игумену Θеодулу и Лукѣ Демественнику въ церкви св. Богородицы: «Нарядите носильщиковъ пойти взять князя и господина своего Андрея», а Микулицѣ сказали: «Собери всѣхъ поповъ; облачившись въ ризы, выдьте передъ серебряныя ворота съ иконою Богородицы, тутъ и дождитесь князя». Θеодулъ и сдѣлалъ такъ; взявши крилошанъ соборныхъ и гражданъ, поѣхали они въ Боголюбовъ, взяли тѣло Андреево и повезли во Владиміръ съ честью и плачемъ великимъ. Какъ только завидѣли стягъ *), выступившій отъ Боголюбова, то люди не могли удержаться, всѣ начали вопить, ничего не видали отъ слезъ, и далеко былъ слышенъ вопль ихъ. Всѣ плакали и говорили: «Ужели ты въ Кіевъ поѣхалъ, господинъ нашъ, въ ту церковь, тѣми золотыми воротами, что послалъ дѣлать на великомъ дворѣ Ярославовомъ, говоря: хочу создать церковь такую же, какъ и ворота эти золотыя, да будетъ память всему отечеству моему?» И такъ плакался по немъ весь городъ.

Глава XIV.

О томъ, что случилось въ Ростовской землѣ по смерти Андреевой.

Узнавъ о смерти Андреевой, Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы, и вся дружина, отъ мала и до велика, съѣхались во Владиміръ и разсуждали: «Князь нашъ убитъ, а дѣтей

*) Въ похоронныхъ процессіяхъ княжескихъ передъ гробомъ несли знамя (стягъ) покойнаго и вели коня его.

у него нѣтъ, одинъ только маленькій сынъ въ Новгородѣ, а братья его въ Руси; за какими князьями пошлемъ? сосѣди намъ князья Муромскіе и Рязанскіе, боимся мести ихъ, какъ пойдутъ внезапно на насъ ратью, когда у насъ нѣтъ князя; пошлемъ-ка къ Глѣбу въ Рязань, скажемъ ему: «князь нашего Богъ взялъ, хотимъ на его мѣсто Ростиславичей, Мстислава *) и Ярополка, твоихъ шурьевъ». Забыли они крестное цѣлованье, что клялись князю Юрію держать на столѣ своемъ меньшихъ его сыновей, Михаила и Всеволода; преступили крестное цѣлованіе и прежде, посадивши Андрея и выгнавши меньшихъ его братьевъ; не опомнились и по смерти Андреевой, слушали только Дѣдильца да Бориса, пословъ рязанскихъ. Глѣбъ, князь рязанскій, обрадовался, что на него возлагаютъ честь и хотятъ шурьевъ его въ князья. Послали къ нимъ сказать: «Вашъ отецъ былъ добръ, когда у насъ жилъ, ступайте къ намъ княжить, а другихъ не хотимъ». Ростиславичи отвѣчали: «Помоги Богъ дружинѣ, что не забываютъ любви отца нашего». Въ это время вмѣстѣ съ ними въ Черниговѣ жили и дядья ихъ Юрьевичи—Михаилъ и Всеволодъ; Ростиславичи, подумавши, сказали: «Либо лихо, либо добро всѣмъ намъ, пойдемъ всѣ четверо, двое Юрьевичей, да двое Ростиславичей». Двое поѣхали напередъ: Михайло Юрьевичъ да Ярополкъ Ростиславичъ, давши старшинство Михаилу. Когда Ростовцы узнали, что оба эти князя вмѣстѣ пріѣхали въ Москву, то разсердились и послали сказать Ярополку: «ты ступай сюда къ намъ», а Михаилу велѣли сказать: «Подожди немного въ Москвѣ». Ярополкъ тайно отъ Михаила поѣхалъ съ дружиною въ Переяславль; Михайло, увидавъ, что Ростиславичъ уѣхалъ, отправился и самъ во

*) Сыновей Ростислава Юрьевича старшаго сына Долгорукаго.

Владиміръ и затворился въ городѣ. Ростовцы пріѣхали на него со всею силою земли своей и много надѣлали зла, привели Муромцевъ и Рязанцевъ и все пожгли около города. Владимірцы отбивались цѣлыхъ семь недѣль, наконецъ, не стерпѣвши голода, сказали Михаилу: «Мирись, либо промышляй о себѣ». Онъ отвѣчалъ: «вы правы; не погибать же вамъ для меня!» и поѣхалъ въ Русь; Владимірцы проводили его съ плачемъ великимъ. Потомъ взяли они клятву съ Ростиславичей, что тѣ не сдѣлаютъ никакого зла ихъ городу, и вышли съ крестами навстрѣчу Мстиславу и Ярополку. Князья, вошедши въ городъ, утѣшили Владимірцевъ, потому что раздѣлили волость Ростовскую: во Владимірѣ сѣлъ Ярополкъ, положивши съ гражданами весь порядокъ въ церкви Богородицы. Не противъ Ростиславичей бились Владимірцы, но не хотѣли покориться Ростовцамъ, Суздальцамъ и Муромцамъ, потому что тѣ говорили: «Пожжемъ Владиміръ или посадника въ немъ посадимъ, то наши холопы каменщики». Ростовцы посадили у себя въ Ростовѣ княземъ Мстислава на столѣ дѣдовскомъ и отцовскомъ, съ радостью великою. Ростиславичи, ставши князьями въ Ростовской области, роздали посадничество русскимъ дѣтскимъ *), которые начали дѣлать всякія притѣсненія жителямъ; а сами князья были еще молоды, слушались бояръ, а бояре подучали ихъ на то, какъ бы побольше нажить имѣнія: изъ церкви св. Богородицы Владимірской золото и серебро взяли, въ первый же день отняли ключи отъ церковныхъ полатей **) и городъ ***), и дани

*) Членамъ дружины, которыхъ они привели съ юга изъ собственной Руси.

**) Отъ ризницы.

***) Городъ приписной къ церкви, именно Гороховецъ.

захватили, что далъ той церкви князь Андрей. Тогда Владимірцы начали говорить между собою: «Мы приняли князя на своей волѣ, утвердились съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ; а они смотрятъ на нашу волость, какъ на чужую, будто они у насъ на время сѣли, грабятъ не только всю волость, но и церкви, такъ промышляйте, братья!» Однако сперва они послали къ Ростовцамъ и Суздальцамъ объявить имъ свою обиду. Тѣ на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ далеко не такъ, особенно бояре, которые крѣпко держались Ростиславичей. Тогда Владимірцы, укрѣпившись между собою, послали сказать Михаилу въ Черниговъ: «Ты старше всѣхъ своихъ братьевъ, пріѣзжай къ намъ во Владиміръ; если что замыслятъ на насъ Ростовцы и Суздальцы за тебя, то будемъ съ ними управляться, какъ намъ Богъ дастъ и св. Богородица».

1176 года Михайло съ братомъ своимъ Всеволодомъ пошелъ изъ Чернигова во Владиміръ; Святославъ, князь Черниговскій, далъ ему въ помощь сына своего Владиміра съ полкомъ; на дорогѣ схватила Михаила сильная болѣзнь: его положили на носилки и едва живого донесли до Москвы; здѣсь встрѣтили его Владимірцы съ Юріемъ Андреевичемъ (сыномъ Боголюбскаго), потому что одни Владимірцы были добры до него. За обѣдомъ пришла къ Михаилу вѣсть, что племянникъ его Ярополкъ идетъ на него; тогда онъ тотчасъ же выступилъ изъ Москвы ко Владиміру и въ лѣсу разошелся съ Ярополкомъ. Тотъ уже послалъ сказать брату своему Мстиславу: «Михайло боленъ, несутъ его на носилкахъ, дружины съ нимъ мало, я иду за нимъ по пятамъ; ступай, братъ, поскорѣе, чтобы не пропустить его во Владиміръ». Мстиславъ, получивъ эту вѣсть, рано утромъ помчался изъ

Суздаля, точно будто на заячью охоту, дружина едва успѣвала нагонять его. За пять верстъ до Владиміра встрѣтился онъ съ Михаиломъ, у него было множество войска, но правда и св. Спасъ были съ Михаиломъ. Мстиславовы полки сначала смотрѣли храбро, точно хотѣли пожрать враговъ, но, еще не доѣхавши до послѣднихъ, бросили стягъ и побѣжали, гонимые гнѣвомъ Божіимъ. Михаилъ одержалъ побѣду въ день воскресный и поѣхалъ во Владиміръ съ честью и славою великою, дружина его и Владимірцы вели передъ собою плѣнниковъ; игуменъ и попы, и всѣ люди вышли къ нимъ навстрѣчу съ крестомъ. Михаилъ возвратилъ церкви св. Богородицы города, которые отнялъ Ярополкъ; и была большая радость въ городѣ Владимірѣ; опять онъ увидѣлъ въ себѣ великаго князя всей Ростовской земли. Мы же подивимся чуду новому и великому Божія Матери, какъ она заступила свой градъ и укрѣпила гражданъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись они ни двоихъ князей, ни прещенья боярскаго, семь недѣль просидѣли безъ князя, возложивши всю надежду на св. Богородицу да на свою правду. Потому что Новгородцы изначала, и Смольняне, и Кіевляне, и Полочане, и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на что старшіе согласятся, на томъ и пригороды станутъ, а здѣсь города старые Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не захотѣли правды Божіей исполнить: «Какъ намъ любо, сказали, такъ и сдѣлаемъ, Владиміръ нашъ пригородъ». Не уразумѣли Ростовцы и Суздальцы исправить правды Божіей, загордились своею давностію, старшинствомъ; новые же люди малые Владимірскіе взялись крѣпко стоять за правду и сказали всѣ другъ другу: «Либо Михаила князя себѣ добудемъ, либо головы

свои сложимъ за св. Богородицу и за Михаила». Потомъ прислали къ князю Михаилу Суздальцы съ такими словами: «Мы, князь, на томъ бою со Мстиславомъ не были, были съ нимъ наши бояре; ты на насъ сердца не держи и пріѣзжай къ намъ». Михаилъ поѣхалъ въ Суздаль, а изъ Суздаля—въ Ростовъ, далъ жителямъ весь нарядъ, утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ, взяли много даровъ у Ростовцевъ и, посадивъ брата своего Всеволода въ Переяславлѣ, самъ возвратился во Владиміръ.

Въ 1177 году преставился благовѣрный князь Михаилъ, сынъ Юрьевъ, внукъ Владиміра Мономаха. Владимірцы, вспомнивъ Бога и крестное цѣлованіе къ великому князю Георгію, вышли передъ золотыя ворота и присягнули Всеволоду, брату Михаилову, и дѣтямъ его. Но въ то же время Ростовцы и бояре привели изъ Новгорода опять прежняго своего князя Мстислава Ростиславича. Мстиславъ пріѣхалъ въ Ростовъ, собралъ Ростовцевъ и бояръ, гридьбу, пасынковъ *) и всю дружину и поѣхалъ къ Владиміру; Всеволодъ выѣхалъ противъ него съ Владимірцами, съ своею дружиною и что осталось у него бояръ. Не желая пролитія крови, онъ послалъ сказать Мстиславу: «Братъ! если тебя привела старѣйшая дружина, то ступай въ Ростовъ; тамъ заключимъ миръ; тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ и Владимірцы; Суздаль же пусть будетъ намъ общій; кого хотятъ, тотъ и будетъ имъ князь». Но Мстиславъ слушался больше Ростовцевъ и бояръ, которые въ величаніи своемъ, забывши крестное цѣлованье, говорили ему: «Если ты помиришься со Всеволодомъ, то мы не поми-

*) **Гриди и пасынки, впослѣдствіи дворяне, дѣти боярскія.**

римся». Всеволодъ, пріѣхавъ къ Юрьеву и дождавшись Переяславцевъ, сказалъ имъ, что Мстиславъ не хочетъ мира; Переяславцы отвѣчали: «Ты ему добра хотѣлъ, а онъ головы твоей ловитъ; ступай, князь, на него; побѣдитъ онъ насъ, то ему наши жены и дѣти; брату твоему Михаилу еще девятаго дня нѣтъ, а онъ уже хочетъ кровь проливать». Богъ помогъ князю Всеволоду: Мстиславъ и дружина его побѣжали, а Всеволодъ возвратился во Владиміръ съ честью великою. Мстиславъ изъ Ростова прибѣжалъ въ Новгородъ, но Новгородцы сказали ему: «Ты ударилъ пятою въ Новгородъ, пошелъ на зовъ Ростовцевъ; теперь Богъ разсудилъ тебя съ дядею Всеволодомъ, зачѣмъ же къ намъ идешь?» Новгородцы не приняли его, и онъ поѣхалъ въ Рязань, гдѣ подмолвилъ князя Глѣба идти войною на Всеволода. Глѣбъ на ту же осень пожегъ Москву; зимою пошелъ Всеволодъ на него и встрѣтился на рѣкѣ Колакчѣ: Мстиславъ побѣжалъ первый, за нимъ Глѣбъ; Всеволодъ погнался за ними со своею дружиною, рубя и хватая плѣнниковъ. Захвачены были въ плѣнъ самъ князь Глѣбъ Рязанскій, сынъ его Романъ, шуринъ Мстиславъ Ростиславичъ, вся дружина ихъ и всѣ думцы. Была большая радость во Владимірѣ; но на третій день всталъ въ городѣ мятежъ; бояре и купцы пришли къ князю и сказали: «Князь! мы тебѣ добра хотимъ и за тебя головы свои кладемъ, а ты держишь своихъ враговъ безъ всякой осторожности; а враги твои и наши—Суздальцы и Ростовцы; либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо отдай намъ». Всеволодъ не хотѣлъ сдѣлать этого и велѣлъ посадить плѣнниковъ въ тюрьму, а къ Рязанцамъ послалъ сказать: «У васъ врагъ нашъ Ярополкъ Ростиславичъ, выдайте его или иду на васъ». Рязанцы начали разсуждать: «Князь нашъ и

братья наши погибли изъ-за чужого князя, чтобы и съ нами того же не было»; поѣхали въ Воронежъ, взяли Ярополка и сами привели во Владиміръ; Всеволодъ велѣлъ и его посадить въ тюрьму къ прежнимъ плѣнникамъ. Но чрезъ нѣсколько дней встали опять люди и всѣ бояре, многое множество пришло ихъ на дворъ княжескій съ оружіемъ и съ крикомъ: «До чего ихъ додержишь? хотимъ ослѣпить ихъ». Князь Всеволодъ опечалился, но дѣлать было нечего: Ростиславичей ослѣпили и выпустили; Глѣбъ умеръ въ тюрьмѣ Владимірской, сына его Романа выпустили невредимымъ на крестномъ цѣлованіи.

Глава XV.

О Мстиславѣ Храбромъ и о походѣ Игоря на Половцевъ.

Въ 1178 году Новгородцы прислали звать къ себѣ на столъ Мстислава Ростиславича храбраго *); тотъ не хотѣлъ идти изъ русской земли и отвѣчалъ: «Не могу идти изъ отчины своей и разойтись съ братьею». Потому что онъ всегда горѣлъ желаніемъ отъ всего сердца трудиться за родину свою и стремился всегда на великія дѣла. Но братья и дружина сказали ему: «Братъ! если зовутъ тебя съ честію, то ступай; развѣ тамъ не наша же отчина?» Мстиславъ послушался братьевъ и мужей своихъ и пошелъ съ боярами Новгородскими, но самъ положилъ на умѣ: «Если только Богъ дастъ

---

*) Смоленскаго, который прежде боролся съ Боголюбскимъ, см. выше.

мнѣ здоровье, то никакъ не могу забыть русской земли». Когда пришелъ онъ въ Новгородъ, встрѣтилъ его епископъ съ крестами и съ Новгородцами, и съ игуменами; всѣ вошли во святую Софію, поклонились св. Спасу и св. Богородицѣ; и такъ Мстиславъ сѣлъ на столѣ дѣдовскомъ и отцовскомъ, со славою и честью великою. Скоро Богъ вложилъ ему въ сердце добрую мысль пойти на Чудь; онъ созвалъ мужей Новгородскихъ и сказалъ имъ: «Братья! поганые насъ обижаютъ; что бы намъ, призвавши на помощь Бога и св. Богородицу, да пойти поотомстить за себя и освободить Новгородскую землю отъ поганыхъ?» Люба была эта мысль всѣмъ мужамъ Новгородскимъ; они отвѣчали Мстиславу: «Князь! если Богу любо и тебѣ, то мы готовы». Мстиславъ собралъ всѣхъ ратныхъ людей Новгородскихъ и, сочтя, нашелъ 20.000 числомъ; съ этимъ войскомъ отправился онъ на Чудскую землю, пожегъ ее всю, ополонился рабами и скотомъ и возвратился домой. На весну вздумалъ онъ пойти на Полоцкъ, на зятя своего Всеслава; дѣдъ Всеславовъ приходилъ на Новгородъ, пограбилъ церковь и завелъ одинъ погостъ за Полоцкъ: такъ Мстиславу хотѣлось возвратить Новгородскую волость и отомстить за прежнюю обиду. Уже онъ пришелъ на Луки съ войскомъ Новгородскимъ, какъ братъ его Романъ Смоленскій прислалъ сказать ему: «Всеславъ тебя не обижалъ, но если идешь на него, то прежде ступай на меня». Мстиславъ не захотѣлъ сердить старшаго брата и возвратился въ Новгородъ. Вскорѣ послѣ этого схватила его жестокая болѣзнь, силы начали ослабѣвать, языкъ отниматься, онъ посмотрѣлъ на дружину свою и на княгиню, вздохнулъ глубоко, прослезился и сказалъ: «Приказываю дитя свое Владиміра Борису Захарьичу и отдаю

его братьямъ Рюрику и Давиду вмѣстѣ съ волостью на руки; а обо мнѣ Богъ промыслитъ». Послѣ этихъ словъ онъ преставился 13 іюня, причастившись св. Таинъ; и плакала по немъ вся земля Новгородская, особенно же плакали лучшіе мужи Новгородскіе и говорили: «Уже не можемъ, господинъ нашъ, поѣхать съ тобою на чужую землю, поработить поганыхъ подъ область Новгородскую: ты много говорилъ, господинъ нашъ, собирался идти на всѣ стороны поганыя; лучше бы намъ умирать теперь съ тобою, давшимъ такую свободу Новгородцамъ отъ поганыхъ: какъ и дѣдъ твой Мстиславъ, освободилъ ты насъ отъ всѣхъ обидъ; ты подражалъ ему и преслѣдовалъ путь дѣда своего; теперь уже не можемъ тебя больше видѣть, солнце наше зашло, и остались мы въ обидѣ». Такъ плакался надъ нимъ весь народъ Новгородскій, и сильные, и худые, и нищіе, и черноризцы, потому что былъ милостивъ ко всѣмъ. Этотъ князь Мстиславъ былъ росту средняго, лицомъ красивъ, всякою добродѣтелью украшенъ и благонравенъ: любовь имѣлъ ко всѣмъ, раздавалъ богатую милостыню, снабжалъ монастыри, угощалъ чернецовъ и принималъ ихъ съ любовію, беря у нихъ благословеніе, снабжалъ и мірскія церкви, и поповъ, и весь святительскій чинъ достойною честію почиталъ; былъ крѣпокъ на рати, всегда жаждалъ умереть за Русскую землю и за христіанъ; когда видѣлъ, что поганые плѣнятъ христіанъ, то говаривалъ дружинѣ своей: «Братья! не сомнѣвайтесь: если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ сравнитъ насъ съ мучениками; если Богъ пошлетъ милость, то слава Богу; если же умремъ, то все равно надобно же когда-нибудь умирать». Говоря такъ, онъ вселялъ бодрость въ воиновъ своихъ и бился ото всего

сердца за отчизну свою. Онъ любилъ дружину свою, имѣнья не берегъ, золота и серебра не собиралъ, но раздавалъ дружинѣ своей или по церквамъ, на поминъ души; приложился къ отцамъ и дѣдамъ своимъ, отдавъ общій долгъ, котораго не избѣжать ни одному рожденному; не было той земли на Руси, которая не хотѣла бы его или не любила бы его; всегда стремился онъ на великія дѣла—и умеръ еще очень молодъ. Братья, услыхавъ о смерти его, сильно горевали, плакалась по немъ вся земля Русская, не могши забыть доблести его, и Черные Клобуки всѣ не могутъ забыть приголубленія его.

Въ 1175 году Ярославъ Изяславичъ выѣхалъ изъ Кіева опять въ свой Луцкъ; его мѣсто занялъ Романъ Ростиславовичъ Смоленскій; послѣдняго въ 1177 году выгналъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій и самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Въ 1183 году вложилъ Богъ въ сердце Святославу, князю Кіевскому, и Рюрику Ростиславичу пойти на Половцевъ; они послали за окольными князьями и, соединившись съ ними, побѣдили поганыхъ и возвратилися домой со славою и честію великою. Въ 1184 году пошелъ окаянный и безбожный, и проклятый Кончакъ, со множествомъ Половцевъ, на Русь плѣнить города и жечь ихъ огнемъ: нашелъ онъ какого-то бусурманина, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; были у нихъ луки тугіе, самострѣльные, такіе, что едва 50 человѣкъ могли ихъ натягивать. Половцы пришли и стали на Хоролѣ; Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславовичъ со всѣми своими полками, ни мало не медля, пошли противъ нихъ и обратили въ бѣгство, взяли въ плѣнъ и бусурманина того, что стрѣлялъ живымъ огнемъ, и со всѣмъ снарядомъ. Въ 1185 году Игорь Святославичъ

Сѣверскій, внукъ Олеговъ *), поѣхалъ изъ Новгорода **), взявши съ собою брата Всеволода изъ Трубчевска, племянника Святослава Ольговича изъ Рыльска, сына Владиміра изъ Путивля; шли они тихо, собирая дружину, и когда подходили вечеромъ къ рѣкѣ Донцу, то Игорь, взглянувши на небо, увидалъ, что солнце стоитъ точно мѣсяцъ; онъ сказалъ боярамъ своимъ и дружинѣ: «Смотрите, что это за знаменіе?» Они всѣ посмотрѣли, опустили головы и сказали: «Князь, не къ добру это!» Игорь отвѣчалъ: «Братья и дружина! тайнъ Божіихъ никто не знаетъ, а знаменію творецъ Богъ и всему міру своему; увидимъ, что намъ дастъ Богъ, на добро ли или на зло наше». Сказавши это, онъ переправился черезъ Донецъ и два дня ждалъ въ Осколѣ брата своего Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска. Отъ Оскола пошли дальше и на дорогѣ встрѣтили сторожей, посланныхъ ловить языка; сторожа сказали: «Ступайте скорѣй или возвратитесь домой, потому что теперь не наше время». Игорь сказалъ на это: «Если намъ возвратиться не бившись, то срамъ намъ будетъ хуже смерти; поѣдемъ на волю Божію». Согласившись на этомъ, пустились во всю ночь и утромъ на другой день встрѣтили полки Половецкіе. Князья изрядили шесть полковъ, а напереди поставили стрѣльцовъ. Игорь сказалъ братіи: «Братья! мы искали этого; станемъ же крѣпко». Половцы обратились въ бѣгство, Русскіе захватили ихъ вѣжи и взяли много полону. Послѣ этого Игорь говорилъ, чтобы поѣхать въ ночь; но Святославъ Ольговичъ сказалъ дядьямъ своимъ: «Я далеко гналъ за Полов-

---

*) Внукъ Олега Святославича, чрезъ Святослава Ольговича.

**) Сѣверскаго.

цами и измучилъ коней; если теперь опять ѣхать, то придется мнѣ отстать на дорогѣ». Положили ночевать на мѣстѣ. На другой день, въ субботу, начали выступать полки половецкіе, точно боровья. Изумились русскіе князья, откуда ихъ взялось такое множество; и Игорь сказалъ: «Мы сами нарочно собрали на себя всю землю». Согласились сойти съ коней и пѣшкомъ пробиться къ рѣкѣ Донцу. Князья говорили: «если поѣдемъ, убѣжимъ сами, а черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ, что ихъ выдадимъ; но или умремъ, или живы будемъ всѣ вмѣстѣ». Итакъ, всѣ сошли съ коней и начали пробиваться; Игоря ранили въ руку, и была большая печаль въ полку его. Бились крѣпко до самаго вечера; много было раненыхъ и мертвыхъ въ полкахъ русскихъ; бились потомъ всю ночь; на разсвѣтѣ въ воскресенье возмутились Коуи *) и побѣжали. Игорь сидѣлъ въ то время на конѣ, потому что былъ раненъ; видя бѣгство Коуевъ, онъ поскакалъ къ нимъ, чтобы возвратить, и отъѣхалъ далеко отъ своихъ; понявъ опасность, онъ снялъ шлемъ и погналъ опять къ полкамъ, чтобы узнали князя и возвратились; но никто не возвратился, и онъ попался въ плѣнъ. Будучи схваченъ и увидавъ, что братъ его Всеволодъ крѣпко борется, Игорь просилъ у Бога смерти, лишь бы только не видать паденія брата своего. Игорь послѣ разсказывалъ: «вспомнилъ я тогда грѣхи мои предъ Богомъ, какое кровопролитіе сдѣлалъ я въ землѣ христіанской, когда взялъ приступомъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; теперь вижу месть отъ Бога, говорилъ я самъ себѣ: гдѣ теперь возлюбленный мой братъ, гдѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожде-

*) Степные варвары, служившіе въ полкахъ русскихъ.

нія моего; гдѣ бояре-думцы мои, гдѣ мужи храбрые, гдѣ рядъ полчный, гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? всего лишенъ и связанный переданъ въ руки беззаконниковъ». Изъ такого множества русскихъ ратниковъ мало кто спасся: нельзя было убѣжать, потому что какъ стѣнами сильными огорожены были полками половецкими; ушло только человѣкъ пятнадцать Русскихъ, а Коуевъ еще меньше, прочіе же потонули въ морѣ. Въ то самое время великій князь Святославъ Всеволодовичъ шелъ въ Карачевъ и собиралъ ратниковъ съ верхнихъ земель, хотя идти на Половцевъ къ Дону на все лѣто. На возвратномъ пути, будучи у Новгорода-Сѣверскаго, услыхалъ онъ о братіи своей, что пошла на Половцевъ тайкомъ отъ него: не любо было это ему. Когда уже онъ пришелъ въ Черниговъ, прибѣжалъ Бѣловолодъ Просовичъ и сказалъ ему о пораженіи Игоревомъ. Святославъ вздохнулъ, прослезился и сказалъ: «Любезные мои братья и дѣти и мужи земли Русской! далъ бы мнѣ Богъ, притомилъ бы я поганыхъ, но вы не удержали молодости своей и отворили ворота въ Русскую землю, воля Господня да будетъ; какъ мнѣ досадно было на Игоря, такъ теперь жаль его». Тотчасъ же Святославъ послалъ сыновей своихъ Олега и Владиміра въ Посемье *): смутились города Посемскіе, услыхавши о судьбѣ Игоря: была скорбь лютая, какой прежде никогда не бывало во всемъ Посемьи, и въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, и во всей волости Черниговской: князь въ плѣну, дружина въ плѣну избита! Смятеніе было страшное въ городахъ, не мило тогда было никому свое ближнее, но многіе отреклись тогда отъ душъ своихъ, жа-

*) Города, построенные на рѣкѣ Семи.

лѣя о князьяхъ. Потомъ Святославъ послалъ сказать Давиду въ Смоленскъ: «мы сбирались съ тобою идти на Половцевъ и провести лѣто на Дону; но теперь Половцы побѣдили Игоря; пріѣзжай, братъ, сюда, постереги Русскую землю». Давидъ пришелъ ко Днѣпру и сталъ у Треполя, а Ярославъ стоялъ въ Черниговѣ, собравши войско. Поганые же Половцы, побѣдивши Игоря съ братьею, загородились и собрали весь свой народъ на Русскую землю; и была между ними распря. Кончакъ говорилъ: «Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ избиты наши братья и великій князь нашъ Бонякъ»; а Кза говорилъ: «Пойдемъ лучше на Семь, гдѣ остались однѣ жены да дѣти; полонъ намъ собранъ, готовъ, поберемъ города безо всякаго страха». Такимъ образомъ раздѣлились на двое: Кончакъ пошелъ къ Переславлю, обступилъ городъ, и бились тутъ цѣлый день. Княземъ въ Переяславлѣ сидѣлъ тогда Владиміръ Глѣбовичъ: былъ онъ смѣлъ и крѣпокъ къ рати, выѣхалъ изъ града, бросился на враговъ и бился съ ними крѣпко. Половцы обступили его со всѣхъ сторонъ; тогда граждане, видя, что князь ихъ крѣпко бьется, выринули изъ города и отняли Владиміра, уязвленнаго тремя копьями. Онъ послалъ сказать и Святославу, и Рюрику, и Давиду: «Половцы у меня, помогите». Святославъ слалъ къ Давиду, а Давидъ стоялъ у Треполя съ Смольнянами. Смольняне начали дѣлать вѣча и говорили: «Мы пошли до Кіева; если бы встрѣтили врага, то бились бы; но теперь не искать же намъ другой войны, мы истомились». Святославъ съ Рюрикомъ поплыли по Днѣпру противъ Половцевъ, а Давидъ возвратился домой съ Смольнянами. Услыхавъ объ этомъ, Половцы отступили отъ Переяславля и осадили Римовъ, взяли его, набрали множество

полону и пошли къ себѣ домой. Между тѣмъ Игорь Святославичъ уже годъ жилъ плѣнникомъ въ землѣ Половецкой. Половцы какъ будто стыдились его знаменитости и ничѣмъ его не оскорбляли; приставили къ нему 20 сторожей, но давали ему волю, гдѣ хотѣлъ, тутъ ѣздилъ съ ястребомъ на охоту, и собственныхъ слугъ его ѣздило съ нимъ человѣкъ пять или шесть; сторожа слушались его и почитали, и куда бывало пошлетъ кого, исполняли приказаніе безпрекословно. Игорь привелъ къ себѣ и священника изъ Руси со святою службою: онъ не вѣдалъ Божія промысла, думалъ, что долго еще пробудетъ въ плѣну. Между Половцами нашелся человѣкъ, именемъ Лаворъ, который сталъ говорить Игорю: «Пойду съ тобою въ Русь». Игорь сперва не повѣрилъ ему, но держалъ мысль высокую по своей молодости: ему хотѣлось схватить Лавора и бѣжать въ Русь; онъ говорилъ: «Я для славы не бѣжалъ тогда отъ своей дружины и теперь не пойду безславнымъ путемъ». Съ Игоремъ жилъ въ плѣну сынъ тысяцкаго да конюшій его; тѣ также понуждали его бѣжать, говоря: «Ступай князь, въ Русскую землю, если Богу будетъ угодно избавить тебя»; но онъ никакъ не могъ улучить удобнаго времени для бѣгства. Между тѣмъ пришла вѣсть, что Половцы возвращаются отъ Переяславля; тогда Игоревы думцы сказали ему: «Ты, князь, носишь въ себѣ мысль высокую и неугодную Господу: ищешь схватить Лавора и бѣжать съ нимъ; а объ томъ не подумаешь, что скоро пріѣдутъ Половцы съ войны и хотятъ, какъ слышно, перебить всѣхъ васъ князей и всю Русь; тогда не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни». На этотъ разъ князь Игорь принялъ совѣтъ ихъ и началъ искать случая, какъ бы бѣжать: нельзя было

ему убѣжать ни днемъ, ни ночью, потому что сторожа стерегли его; выискалъ онъ только время въ заходъ солнечный. Онъ посовѣтовался съ Лаворомъ и послалъ сказать ему черезъ конюшаго: «Переѣзжай въ ту сторону Тора съ конемъ поводнымъ». Къ вечеру Половцы напились кумыса; пришелъ конюшій и сказалъ Игорю, что Лаворъ ждетъ его. Игорь всталъ съ ужасомъ и трепетомъ, поклонился образу Божію и кресту честному, надѣлъ на себя крестъ, икону, поднялъ стѣну и вылѣзъ вонъ; пришедши къ рѣкѣ, онъ перешелъ ее въ бродъ, сѣлъ на коня и проѣхалъ сквозь вежи. Потомъ шелъ пѣшкомъ одиннадцать дней до города Донца, оттуда уже отправился въ свой Новгородъ.

Глава XVI.

О томъ, что случилось въ Галичѣ по смерти Ярослава Осьмосмысла, и о войнѣ между Мономаховичами и Ольговичами.

Въ 1187 году преставился галицкій князь Ярославъ, сынъ Владиміровъ; былъ онъ князь мудрый, рѣчистый, богобоязливый, честенъ въ земляхъ и славенъ полками: гдѣ была ему обида, самъ не ходилъ съ полками своими, но посылалъ воеводъ; онъ устроилъ землю свою и милостыню большую раздавалъ, кормилъ нищихъ, любилъ странныхъ и монаховъ и ходилъ во всемъ законѣ Божіемъ. Почувствовавъ приближеніе кончины, созвалъ онъ мужей своихъ и всю Галицкую землю, священниковъ и монаховъ, нищихъ,

сильныхъ и худыхъ, и со слезами говорилъ, обращаясь ко всѣмъ: «Отцы, братья и дѣти! вотъ я уже отхожу отъ сего суетнаго свѣта и иду къ Творцу своему; грѣшенъ я больше всѣхъ, отцы и братья! простите и отдайте». Такъ плакался онъ три дня передъ духовенствомъ и передъ всѣми людьми и приказалъ раздавать имѣніе свое по монастырямъ и нищимъ; три дня раздавали казну княжескую по всему Галичу и не могли раздать. Потому Ярославъ сказалъ мужамъ своимъ: «Вотъ я одною своею худою головою ходя, удержалъ всю Галицкую землю; а теперь приказываю Галичъ своему сыну Олегу, а Владиміру даю Перемышль»; урядивъ такимъ образомъ сыновей, онъ привелъ Владиміра ко кресту вмѣстѣ съ боярами Галицкими, что не искать ему подъ братомъ Галича. Олегъ былъ сынъ наложницы княжеской и былъ Ярославу милъ, а Владиміръ не ходилъ въ волѣ его, потому отецъ и не далъ ему Галича. Но по смерти Ярославовой всталъ сильный мятежъ въ Галицкой землѣ; галицкіе бояре, въ согласіи съ Владиміромъ, преступили крестное цѣлованіе и выгнали Олега изъ Галича, Владиміръ сѣлъ на его мѣсто. Но во время своего княженія онъ только пилъ, думы не любилъ съ мужами своими; отнялъ у попа жену, повѣнчался съ нею. Тогда Романъ Мстиславичъ Волынскій *), узнавъ, что бояре галицкіе дурно живутъ съ княземъ своимъ за его насилія, началъ подучивать ихъ, чтобъ они выгнали Владиміра, а его, Романа, приняли на княженіе. Галицкіе бояре послушались его, собрали полки свои и утвердились крестомъ стоять всѣмъ вмѣстѣ заодно. Однако

---

*) Сынъ Мстислава Изяславича, котораго Боголюбскій выгналъ изъ Кіева.

они не смѣли ни схватить, ни убить Владиміра, потому что не всѣ были въ той думѣ, и заговорщики боялись пріятелей княжескихъ; въ такихъ обстоятельствахъ они придумали послать къ князю съ слѣдующими словами: «Князь! мы не на тебя возстали, но не хотимъ кланяться попадьѣ, хотимъ ее убить, а ты женись на комъ тебѣ угодно». Они знали, что Владиміръ ни за что не отпуститъ попадьи, и потому нарочно пригрозили ему, чтобы прогнать его самого. Такъ и случилось: Владиміръ испугался, забралъ золото и серебро, дружину, жену, двоихъ сыновей и уѣхалъ въ Венгрію къ королю; Галичане же послали за Романомъ: тотъ пріѣхалъ и сѣлъ у нихъ княжить. Но король Венгерскій, взявъ съ собою Владиміра, пошелъ къ Галичу со всѣми своими полками: Романъ, слыша, что король уже за Горою, и не могши стать противъ него, бѣжалъ опять во Владиміръ Волынскій. Король въѣхалъ въ Галичъ, только не посадилъ въ немъ Владиміра, но, давши весь нарядъ Галичанамъ, посадилъ у нихъ княземъ сына своего Андрея; Владиміра же взялъ съ собою назадъ въ Венгрію, отнялъ у него все имѣніе и посадилъ въ башню и съ женою. Между тѣмъ (1189 г.) Мстиславъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: «вонъ иноплеменники отняли вотчину вашу; хорошо было бы вамъ потрудиться и возвратить ее назадъ». Князья согласились идти къ Галичу—Святославъ съ сыновьями и Рюрикъ съ братьями; начали рядиться: Святославъ хотѣлъ отдать Галичъ Рюрику, а себѣ взять всю русскую землю около Кіева; Рюрику же не хотѣлось лишиться своей вотчины; и такъ, не уладившись, возвратились назадъ. Въ томъ же году послали галицкіе мужи къ Ростиславу, сыну Ивана Берладника, зовя его въ Галичъ на

княженіе. Ростиславъ обрадовался зову, выпросился у Давида Смоленскаго, у котораго жилъ, и выѣхалъ поспѣшно изъ Смоленска. Пріѣхавши къ галицкой украйнѣ, взялъ тамъ два города и оттуда пошелъ къ Галичу. Но галицкіе бояре не были всѣ въ одной мысли: чьи сыновья или братья были у короля, тѣ держались крѣпко королевича; въ то же время король прислалъ много Венгерскихъ полковъ сыну на помощь, боясь князей русскихъ. Королевичъ и воеводы венгерскіе, слыша, что Ростиславъ идетъ къ Галичу, по совѣту галицкихъ мужей, начали приводить ихъ къ кресту: правые цѣловали крестъ, ничего не вѣдая, а виновные—изъ страха. Ростиславъ же подошелъ къ галицкимъ полкамъ съ малою дружиною, не зная коварства ихъ, думая, что какъ ему обѣщали, такъ и сдѣлаютъ, — увидѣвши полкъ его, отступятъ отъ королевича; но даже и тѣ галицкіе бояре, которые съ нимъ ѣхали, видя коварство своей братьи, отложились отъ него. Тогда дружина сказала ему: «Князь! ты уже видишь коварство ихъ, поѣзжай прочь». Онъ отвѣчалъ: «Братья, вы знаете, на чемъ они мнѣ крестъ цѣловали; если же они теперь ловятъ головы моей, то Богъ имъ судья и тотъ крестъ, который они мнѣ цѣловали; а я не хочу скитаться въ чужой землѣ, хочу положить голову въ отчинѣ своей». Сказавши это, онъ бросился къ полкамъ галицкимъ: Галичане и Венгры окружили его со всѣхъ сторонъ, сбили съ коня и раненаго, едва дышащаго понесли въ Галичъ. Жители этого города возмутились, желая отнять Ростислава у Венгровъ и принять къ себѣ на княженіе. Венгры, увидавъ это, приложили ядовитое зелье къ ранамъ Ростислава, отъ чего тотъ и умеръ. Послѣ этого, зная, что горожане галицкіе ищутъ себѣ русскаго князя, Венгры на-

чали дѣлать имъ во всемъ насиліе, отнимать женъ и дочерей, ставить лошадей въ церквахъ и домахъ. Галичане же начали сильно тужить и горько раскаивались, что прогнали князя своего.

Въ 1190 году ушелъ Владиміръ изъ Венгріи, изъ каменной башни, гдѣ держалъ его король съ женою и двумя дѣтьми. На башнѣ поставленъ былъ ему шатеръ: онъ изрѣзалъ его, свилъ себѣ веревку и спустился внизъ; двое сторожей ему благопріятствовали, они довели его до нѣмецкой земли, къ императору. Императоръ, узнавъ, что онъ племянникъ великому князю Всеволоду Суздальскому, принялъ его съ любовью и великою честью, приставилъ къ нему бояръ своихъ и послалъ къ Казиміру, князю Польскому, съ тѣмъ, чтобы тотъ добылъ ему Галичъ, а Владиміръ взялся за это давать императору по 2000 серебряныхъ гривенъ ежегодно. Казиміръ приставилъ къ нему своего вельможу Николая и послалъ въ Галичъ. Галичане встрѣтили его съ радостію великою, князя своего и дѣдича, а королевича прогнали. Сѣвши опять на столѣ дѣдовскомъ и отцовскомъ, Владиміръ послалъ къ дядѣ своему Всеволоду въ Суздаль съ такою просьбою: «Отецъ и господинъ! удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ твоей волѣ всегда». Всеволодъ Суздальскій послалъ ко всѣмъ князьямъ и къ королю Польскому и всѣхъ привелъ къ присягѣ не искать никогда Галича подъ его племянникомъ: съ тѣхъ поръ никто не возставалъ на Владиміра, и онъ утвердился въ Галичѣ.

Въ 1194 году умеръ князь Святославъ Кіевскій; Рюрикъ Ростиславичъ заступилъ его мѣсто и въ 1195 году послалъ къ брату своему Давиду въ Смоленскъ съ такими рѣчами:

«Братъ! вотъ мы остались старшими въ русской землѣ, ступай ко мнѣ въ Кіевъ; что будетъ думы о русской землѣ и о братьи, о Владиміровомъ племени, то все покончимъ и повидаемся по добру, по здорову». Давидъ пошелъ изъ Смоленска водою и пришелъ въ Вышгородъ. Рюрикъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ, одарилъ богатыми дарами и отпустилъ. Потомъ позвалъ Давида на обѣдъ племянникъ его Ростиславъ Рюриковичъ въ Бѣлгородъ, и тамъ также пировали очень весело; Ростиславъ богато одарилъ дядю и отпустилъ. Послѣ этого Давидъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ великаго князя Рюрика съ дѣтьми, одарилъ всѣхъ и отпустилъ; потомъ Давидъ же позвалъ монастыри всѣ на обѣдъ, веселился съ ними и роздалъ имъ и нищимъ большую милостыню; потомъ позвалъ Давидъ Черныхъ Клобуковъ всѣхъ, и Черные Клобуки пили у него и получили богатые дары; наконецъ Давидъ угощалъ Кіевлянъ обѣдомъ. Между тѣмъ съ братомъ своимъ Рюрикомъ онъ покончилъ всѣ ряды о русской землѣ и о братіи своей, о Владиміровомъ племени, и отправился назадъ въ свой Смоленскъ. Въ томъ же году Всеволодъ, князь Суздальскій, прислалъ пословъ къ свату своему Рюрику съ такими словами: «Вы назвали меня старшимъ въ своемъ племени Владиміровомъ; а теперь сѣлъ ты въ Кіевѣ и мнѣ части не далъ въ русской землѣ, роздалъ другимъ младшимъ изъ братьи своей; но если мнѣ нѣтъ въ ней части, то блюди и стереги ее съ тѣми, кому въ ней далъ часть; посмотрю, какъ-то вы ее удержите, а мнѣ не надобно». Рюрикъ началъ думать съ мужами своими, какую бы волость дать Всеволоду: тотъ просилъ у него Торческа, Треполя, Корсуня, Богуслава и Канева; но Рюрикъ уже отдалъ эти пять городовъ зятю своему Роману и поклялся не отдавать

ихъ подъ нимъ никому. Онъ не хотѣлъ никакъ нарушить клятвы и потому давалъ Всеволоду другую волость; но тотъ не бралъ и требовалъ именно городовъ Романовыхъ. Была между ними распря большая и крупныя рѣчи, и хотѣли встать между собою на рать. Рюрикъ призвалъ на совѣтъ митрополита Никифора. Митрополитъ сказалъ ему: «Князь! мы приставлены отъ Бога въ русской землѣ удерживать васъ отъ кровопролитія; если должна проливаться кровь христіанская изъ-за того, что ты далъ волость младшему и тѣмъ обидѣлъ старшаго, то я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру на себя; а ты и слушайся меня: возьми-ка волость у зятя своего и дай ее старшему, а Роману дашь другую вмѣсто нея». Рюрикъ послалъ сказать Роману: «Всеволодъ проситъ подъ тобою волости и жалуется на меня изъ-за тебя». Романъ отвѣчалъ ему: «Батюшка! не ссориться же тебѣ съ сватомъ изъ-за меня? а мнѣ все равно: либо дай другую волость вмѣсто той, либо деньгами заплати, чего будетъ стоить». Всеволодъ получилъ пять городовъ, отдалъ изъ нихъ Торческъ зятю своему Ростиславу Рюриковичу, а въ остальные города послалъ посадниковъ. Узнавъ объ этомъ, Романъ началъ слать къ тестю своему съ жалобами, думая, что тотъ, сговорясь со Всеволодомъ, нарочно отнялъ у него волости для сына. Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Вѣдь я прежде всѣхъ далъ тебѣ волость; Всеволодъ прислалъ ко мнѣ съ жалобою, зачѣмъ на немъ чести не положили, я вѣдь объявилъ тебѣ всѣ его рѣчи, ты отступился отъ волости добровольно; а намъ какъ было ее ему не дать, намъ безъ Всеволода нельзя быть, положили мы на немъ старшинство во всемъ Владиміровомъ племени; а ты мнѣ сынъ свой, вотъ тебѣ волость, равная той». Но Романъ не хотѣлъ никакой другой

волости, подыскиваясь подъ тестемъ и не хотя съ нимъ любви; онъ началъ думать съ мужами своими и пересылаться съ Черниговскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, уговариваясь съ нимъ идти на Кіевъ. Узнавъ объ этомъ, Рюрикъ послалъ сказать Всеволоду: «Ты, братъ, старшій во Владиміровомъ племени, такъ думай и гадай о русской землѣ и о своей чести и о нашей», а къ Роману послалъ бояръ своихъ обличить его и бросить ему крестныя грамоты. Романъ испугался и поѣхалъ въ Польшу къ тамошнимъ князьямъ Казиміровичамъ за помощью; тѣ сказали ему: «Мы бы и рады были тебѣ помочь, да насъ самихъ обижаетъ дядя нашъ Межка, ищетъ подъ нами волости; прежде помоги ты намъ, чтобы потомъ всѣ мы Ляхи были не розно, но за однимъ щитомъ съ тобою и мстили бы за твои обиды». Романъ послушался ихъ и поѣхалъ на Межку, думая такъ: «Примучу его, и если Богъ мнѣ пошлетъ, тогда совокуплю всѣхъ Ляховъ воедино и съ ними отомщу свое безчестіе и исполню желаніе свое». Межка прислалъ къ нему съ просьбою, чтобы онъ не бился съ нимъ, а помирилъ бы его съ племянниками, но Романъ не послушался ни его, ни мужей своихъ и вступилъ въ битву: Ляхи ударились съ Русью, и потоптали Ляхи Русь, побѣдилъ Межка Романа, перебилъ много въ полку его Руси и своихъ Ляховъ. Раненаго Романа дружина принесла во Владиміръ Волынскій. Отсюда послалъ онъ къ тестю Рюрику, раскаиваясь въ своей винѣ; послалъ и къ митрополиту Никифору съ просьбою умолить Рюрика о прощеніи. Никифоръ началъ ходатайствовать за Романа, Рюрикъ послушался митрополита и простилъ зятя, сказавъ мужамъ своимъ: «Если онъ умоляетъ меня и кается въ своей винѣ, то я приму его, приведу ко кресту и на-

дѣлю волостью; устоитъ онъ въ своемъ словѣ, станетъ меня держать отцомъ и добра мнѣ хотѣть, то я попрежнему буду держать его сыномъ». Въ тотъ же годъ Рюрикъ, сославшись со сватомъ своимъ Всеволодомъ и съ братомъ Давидомъ, послалъ мужей своихъ къ Ярославу и ко всѣмъ Ольговичамъ сказать имъ: «Цѣлуйте намъ крестъ не искать нашей отчины, Кіева и Смоленска подъ нами и подъ нашими дѣтьми, и подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ: какъ насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кіевъ вамъ не надобенъ». Ольговичи отвѣчали Всеволоду: «Что ты говоришь о Кіевѣ, что блюсти его подъ тобою и подъ твоимъ сватомъ Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; но если велишь отказаться отъ него навсегда, то мы не Венгры и не Ляхи, но одного дѣда внуки; при вашей жизни не ищемъ его, но послѣ васъ кому Богъ дастъ». И были между ними большія распри и крупныя рѣчи, и не уладились. Всеволодъ, желая оправить все племя Владимірово, хотѣлъ въ ту же зиму выступить противъ Ольговичей; тѣ испугались и послали къ нему мужей своихъ кланяться и обѣщаться быть въ его волѣ; онъ повѣрилъ имъ и сошелъ съ коня. Но въ ту же зиму Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій съ братьею своею преступили крестное цѣлованье, начали войну противъ Мстиславичей и взяли въ плѣнъ Мстислава Романовича, племянника Рюрикова.

Въ 1196 году Рюрикъ, подумавши съ мужами своими, послалъ сказать свату своему Всеволоду, князю Суздальскому: «Какъ ты уговорился со мною и братомъ Давидомъ сѣсть на коня о Рождествѣ Христовѣ и сойтись всѣмъ въ Черниговѣ, то я и соединился съ братьею и съ дружиною своею, съ дикими Половцами, и сидѣлъ совсѣмъ готовъ, ожи-

дая отъ тебя вѣсти; ты же ту зиму не сѣлъ на коня, повѣривъ Ольговичамъ, что они будутъ на всей нашей волѣ; я, услыхавъ объ этомъ, что ты не сѣлъ на коня, распустилъ братью и дикихъ Половцевъ, а съ Ярославомъ Черниговскимъ цѣловалъ крестъ на томъ, что не воевать до тѣхъ поръ, пока или уладимся всѣ, или не уладимся всѣ; но теперь братъ мой и твой сынъ Мстиславъ сидитъ плѣнникомъ у Ольговичей; такъ, не мѣшкая, сѣлъ бы на коня и, соединившись гдѣ-нибудь, помстили бы мы за свою обиду и за свой стыдъ, племянника своего выручили бы и правду свою отыскали». Отъ Всеволода не было вѣсти все лѣто. Осенью пришла вѣсть, что Всеволодъ, соединившись съ Давидомъ Смоленскимъ, пожегъ Черниговскія волости. Тогда Ярославъ Всеволодовичъ, собравъ братью свою и подумавъ съ ними, выѣхалъ противъ Всеволода и Давида съ дикими Половцами и сталъ подъ своими лѣсами, поставилъ засѣки отъ Всеволода и Давида, а по рѣкамъ велѣлъ мосты подсѣчь; а между тѣмъ отправилъ ко Всеволоду и Давиду посла съ такими рѣчами: «Братъ и сватъ! отчизну нашу и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если хочешь съ нами ряду праваго и любви, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ, если же ты замыслилъ иное, то и отъ того не бѣгаемъ; какъ насъ Богъ разсудитъ съ вами и святой Спасъ». Всеволодъ началъ думать съ Давидомъ и съ рязанскими князьями и съ мужами своими, желая помириться съ Ольговичами. Давиду же не хотѣлось мира, онъ подучалъ его все пойти къ Чернигову, говоря: «Ты уговорился съ братомъ Рюрикомъ и со мною сойтись всѣмъ у Чернигова, чтобы тамъ и помириться всѣмъ вмѣстѣ на всей своей волѣ; но теперь ты ни мужа своего не послалъ къ брату Рюрику, ни

о походѣ нашемъ не объявилъ ему; онъ же теперь воюетъ съ ними и волость свою пожегъ для тебя, а ты безъ его думы хочешь мириться; такъ скажу тебѣ, что братъ мой Рюрикъ не улюбитъ этого мира». Всеволоду не понравились слова Давидовы: онъ началъ пересылаться съ Ольговичами, и урядился съ ними—Кіева подъ Рюрикомъ не искать, а подъ Давидомъ Смоленска. Рюрикъ, услыхавъ о мирѣ, началъ жаловаться на Всеволода и послалъ сказать ему: «Сватъ! ты мнѣ крестъ цѣловалъ на томъ: кто мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ врагъ, и въ русской землѣ ты части просилъ у меня, я же тебѣ далъ волость самую лучшую, не отъ обилья, но отнявши у братьи своей и у зятя своего Романа, для тебя; онъ же теперь сталъ врагомъ моимъ не за кого другого, какъ все за тебя же; ты мнѣ обѣщалъ потомъ сѣсть на коня и помочь мнѣ, но все лѣто и зиму перевелъ, а теперь и сѣлъ на коня, но какъ помогъ? Свой рядъ взялъ! А мнѣ съ Ольговичами которая обида была? Они подо мною Кіева не искали; но за тебя же я съ ними въ ссорѣ, и воевалъ съ ними и волость свою пожегъ; о чемъ ты со мною ни уговаривался, на чемъ ты мнѣ креста ни цѣловалъ, ничего того не исправилъ!» Въ сердцахъ Рюрикъ отнялъ у Всеволода города, которые было далъ ему въ русской землѣ, и роздалъ опять своей братьѣ.

1199 году умеръ Владиміръ Ярославичъ Галицкій. Романъ Мстиславичъ Волынскій пошелъ въ Польшу и привелъ оттуда короля Лешка къ Галичу, желая съ его помощію сѣсть тамъ на столѣ. Галичане не хотѣли Волынскаго князя и бились крѣпко; однако были побѣждены и принуждены принять Романа. Въ 1202 году всталъ Рюрикъ на Романа, привелъ къ себѣ Ольговичей въ Кіевъ и хотѣлъ идти къ Га-

личу; но Романъ упредилъ его, собралъ полки галицкіе и волынскіе и въѣхалъ въ Русскую землю; князья, Черные Клобуки и города русскіе отложились отъ Рюрика и перешли на сторону Романа, который поспѣшно съ своими полками поѣхалъ къ Кіеву; Кіевляне отворили ему Подольскія ворота, онъ въѣхалъ въ Подолье, послалъ на гору приводить ко кресту Рюрика и Ольговичей: Рюрика отпустилъ въ Овручъ, Ольговичей за Днѣпръ, въ Черниговъ, а въ Кіевъ посадилъ Ингваря Ярославича *). Въ слѣдующемъ году взятъ былъ Кіевъ Рюрикомъ, Ольговичами и всею Половецкою землею: приключилось зло въ Русской землѣ, какого не бывало отъ крещенья ея; были напасти, брали и прежде враги Кіевъ, но все не было того, что теперь: не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли, и церковь св. Софіи, и Десятинную разграбили, и всѣ монастыри, иконы ободрали, другія побрали, также кресты и сосуды, и одежды старыхъ князей, повѣшенныя въ церквахъ на память—все это побрали; стариковъ и старухъ посѣкли, молодыхъ иноплеменники повели къ себѣ въ вѣжи. Къ концу года пришелъ Романъ къ Овручу на Рюрика, чтобы отвести его отъ Ольговичей и отъ Половцевъ; Рюрикъ принужденъ былъ цѣловать крестъ къ великому князю Всеволоду и сыновьямъ его, при чемъ Романъ сказалъ ему: «Ты уже крестъ цѣловалъ, такъ пошли мужа своего къ свату, а я пошлю своего къ отцу и господину Всеволоду, упрашивай ты его, и я буду упрашивать, чтобъ онъ опять далъ тебѣ Кіевъ». Всеволодъ согласился, и Рюрикъ опять сталъ княжить въ Кіевѣ. Потомъ пошли русскіе князья на Половцевъ—Рюрикъ Кіевскій, Романъ Галиц-

*) Сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго, о которомъ см. выше.

кій и другіе. Была тогда зима лютая, и Половцамъ пришлось тяжко; русскіе князья взяли полону много, и была большая радость всѣмъ христіанамъ Русской земли. Одинъ только дьяволъ былъ печаленъ: въ Треполи князья начали рядиться о волостяхъ, поссорились, Романъ схватилъ Рюрика, отослалъ въ Кіевъ и постригъ въ монахи вмѣстѣ съ женою и дочерью. Великій князь Всеволодъ сильно опечалился, услышавъ, что дѣлается въ Русской землѣ. Онъ послалъ мужей своихъ къ Роману въ Галичъ: тотъ послушался его и выпустилъ изъ плѣна зятя его Ростислава, сына Рюрикова, который и сталъ Кіевскимъ княземъ.

Глава XVII.

О томъ, что случилось въ южной Руси по смерти Романа Великаго, и въ сѣверной по смерти Всеволода Великаго.

Въ 1205 году Романъ Галицкій пошелъ на Ляховъ и взялъ у нихъ два города, но когда стоялъ онъ надъ Вислою и отъѣхалъ съ малою дружиною отъ своего полку, Ляхи напали на него и убили. Галичане цѣловали крестъ сыну его Даніилу. Но скоро наступила здѣсь большая смута и войны безпрестанныя. Рюрикъ свергнулъ съ себя монашество и вмѣстѣ съ Ольговичами и Половцами приходилъ добывать Галича; вдова Романа съ двумя малолѣтными сыновьями—Даніиломъ и Василькомъ—принуждена была бѣжать въ Венгрію; Галичъ достался двумъ Ольговичамъ, сыновьямъ Игоря Сѣ-

верскаго, Владиміру и Роману: Владиміръ сѣлъ въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ. Оба Игоревича согласились перебить бояръ Галицкихъ и перебили ихъ человѣкъ съ 500, а другіе разбѣжались. Трое изъ нихъ—Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ—ушли въ Венгрію и просили тамошняго короля: «дай намъ отчича Галицкаго Даніила, пойдемъ съ нимъ и возьмемъ Галичъ отъ Игоревичей». Король съ великою лобовью послалъ войско въ силѣ тяжкой; когда оно пришло подъ Перемышль, то Владиславъ подъѣхалъ къ городу и сказалъ жителямъ: «Братья! что вы смущаетесь? не Игоревичи ли перебили отцовъ вашихъ и братьевъ, имѣнье ваше разграбили, дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ,—пришельцы владѣютъ вашими отчинами? и за такихъ-то князей хотите душу свою положить?» Перемышльцы тронулись его словами и сдали городъ. Князь Владиміръ убѣжалъ изъ Галича, другіе братья его—Романъ, Святославъ и Ростиславъ—попались въ плѣнъ. Тогда бояре Волынскіе и Галицкіе и воеводы Венгерскіе посадили князя Даніила на столѣ отца его Романа. Плѣнныхъ же князей Венгры хотѣли вести къ королю своему, но Галичане умоляли, чтобы дали имъ ихъ повѣсить изъ мести; Венгры за большіе дары исполнили ихъ просьбу, и князья были повѣшены. Даніилъ сталъ княжить, но онъ былъ еще очень молодъ; мать его хотѣла управлять за него, но бояре выгнали ее, изъ нихъ главнымъ былъ Владиславъ. Король Венгерскій привелъ опять въ Галичъ вдову Романа; бояринъ Владиславъ былъ отвезенъ плѣнникомъ въ Венгрію; но братья его бѣжали въ Пересопницу и вооружили тамошняго князя Мстислава противъ Романова семейства; оно должно было опять бѣжать въ Венгрію. Король снова вооружился; но мятежъ помѣшалъ ему идти къ Га-

личу; туда явился выпущенный имъ на свободу бояринъ Владиславъ и сталъ княжить. Тогда Лешко, король Польскій, послалъ сказать Андрею, королю Венгерскому: «не хорошо боярину княжить въ Галичѣ; но возьми лучше дочь мою за сына своего Коломана и посади его въ Галичѣ». Андрею полюбился этотъ совѣтъ: онъ исполнилъ его и посадилъ сына Коломана въ Галичѣ, а Лешку Польскому отдалъ Перемышль; но скоро опять отнялъ. Тогда Лешко, раздосадованный такимъ позоромъ, послалъ сказать Мстиславу Мстиславичу, князю Новгородскому *): «Ты мнѣ братъ, поди и сядь въ Галичѣ». Мстиславъ пошелъ на Галичъ и сѣлъ тамъ, выдавъ дочь свою Анну за Даніила Романовича.

Въ 1212 году умеръ великій князь Всеволодъ, княживъ въ Суздальской землѣ тридцать семь лѣтъ; передъ смертію онъ вызывалъ изъ Ростова старшаго сына своего Константина, желая передать ему стольный городъ Владиміръ вмѣстѣ съ великимъ княженіемъ; но Константинъ не пошелъ во Владиміръ къ отцу, а послалъ сказать ему: «Любезный батюшка! дай мнѣ старый, начальный городъ Ростовъ и къ нему Владиміръ». Великій князь послалъ къ нему во второй разъ звать къ себѣ; тотъ не пошелъ; Всеволодъ послалъ къ нему въ третій разъ; Константинъ не пошелъ и въ третій и все толковалъ: «дай мнѣ и Владиміръ къ Ростову». Всеволодъ разсердился и созвалъ соборъ, и объявилъ великимъ княземъ по себѣ второго сына своего Юрія, далъ ему Владиміръ, со всѣми людьми, укрѣпилъ къ нему всѣхъ крестнымъ цѣлованіемъ и поручилъ ему младшихъ братьевъ. Константинъ сильно разсердился за это на Юрія. Въ годъ смерти Всево-

---

*) Сыну Мстислава Ростиславича Храбраго.

лодовой Юрій вмѣстѣ съ братомъ Ярославомъ приходили на Константина къ Ростову, но помирились и разошлись по домамъ; на слѣдующій годъ приходили въ другой разъ къ Ростову, и въ другой разъ помирились съ Константиномъ и урядились съ нимъ о волостяхъ.

Въ 1214 году Всеволодъ Чермный, князь Черниговскій, сынъ Святославовъ, правнукъ Олеговъ, выгналъ внуковъ Ростиславовыхъ изъ Руси, говоря: «братьевъ моихъ, двоихъ князей, повѣсили вы въ Галичѣ, какъ злодѣевъ, и положили позоръ на всѣхъ насъ; такъ нѣтъ же вамъ части въ русской землѣ»; тогда Ростиславовы внуки послали сказать Мстиславу Мстиславичу въ Новгородъ: «Не даетъ намъ Всеволодъ Святославичъ части въ русской землѣ; поди поищемъ своей отчины». Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и началъ звать Новгородцевъ въ Кіевъ на Всеволода Чермнаго; Новгородцы отвѣчали ему: «Куда, князь, посмотришь, туда мы бросимся головами своими». Вотъ и пошелъ князь Мстиславъ съ Новгородцами въ Кіевъ; но какъ дошли они до Смоленска, случилась ссора у Новгородцевъ съ Смольнянами; Новгородцы убили одного Смольнянина и не захотѣли идти дальше за своимъ княземъ. Мстиславъ сталъ звать ихъ на вѣче, они и на вѣче не пошли. Тогда князь простился съ ними со всѣми, поклонился и пошелъ. Новгородцы собрали особое вѣче, посадникъ Твердиславъ началъ говорить: «Братья! какъ трудились наши дѣды и отцы за русскую землю, такъ и мы пойдемъ по своемъ князѣ». Новгородцы послушались Твердислава, тронулись изъ Смоленска, догнали Мстислава и начали воевать по Днѣпру города Черниговскіе. Всеволодъ выбѣжалъ изъ Кіева за Днѣпръ, Мстиславъ вошелъ туда съ братьями и Новгородцами; Кіевляне поклонились имъ, и по-

садили въ Кіевѣ Мстислава Романовича, внука Ростиславова. Послѣ этого Мстиславъ пошелъ изъ Кіева къ Чернигову, стоялъ подъ нимъ 12 дней, взялъ миръ и дары, и возвратились всѣ въ Новгородъ по добру и по здорову.

Въ 1215 году собрался опять Мстиславъ на югъ; онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: «Есть у меня дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ». Новгородцы долго думали, наконецъ послали за Ярославомъ Всеволодовичемъ, внукомъ Юрія Долгорукаго. Ярославъ пріѣхалъ къ нимъ; но въ томъ же году ушелъ въ Торжокъ и сѣлъ тамъ. Осенью случилась большая бѣда: морозъ побилъ весь хлѣбъ по волости, а на Торжкѣ все было цѣло. Тогда князь Ярославъ не пустилъ въ Новгородъ изъ Торжка ни воза; Новгородцы отправили за нимъ пословъ; онъ ихъ задержалъ. А между тѣмъ въ Новгородѣ зло все росло болѣе и болѣе: кадь ржи покупали по десяти гривенъ, а овса по три гривны, а рѣпы возъ по двѣ гривны; люди ѣли сосновую кору, листъ липовый, мохъ. Охъ, горе тогда было, братья! отцы отдавали дѣтей въ рабы; поставили скудельницу, и наметали полну. О горе, горе было тогда! по торгу трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы; не могли псы переѣсть людей; а Вожане померли, остатокъ разбрелся; итакъ по грѣхамъ нашимъ, разошлась наша волость и нашъ городъ. Новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, послали посадника Юрія Ивановича съ иными мужами по князя; онъ и тѣхъ задержалъ въ Торжкѣ, а въ Новгородъ прислалъ Ивора и Чапоноса, вывелъ княгиню свою къ себѣ, дочь Мстиславову. Наконецъ Новгородцы послали къ нему съ послѣднею рѣчью: «Ступай въ свою отчину, къ святой Софіи, а не хочешь идти, такъ скажи». Ярославъ и тѣхъ

пословъ не отпустилъ назадъ, да ёще купцовъ всѣхъ Новгородскихъ захватилъ, и были въ Новгородѣ печаль и вопль. Тогда Мстиславъ, узнавъ обо всѣхъ этихъ бѣдахъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, схватилъ Хота Григорьича, намѣстника Ярославова, поковалъ всѣхъ его дворянъ, въѣхалъ на Ярославовъ дворъ, цѣловалъ честный крестъ и сказалъ Новгородцамъ: «Либо отыщу людей Новгородскихъ и волости ихъ, либо головою повалю за Новгородъ». Ярославъ, узнавъ о пріѣздѣ Мстислава, велѣлъ засѣчь всѣ пути отъ Новгорода и рѣку Тверцу; а въ Новгородъ послалъ сто мужей Новгородскихъ выпроваживать Мстислава изъ города; но они не взялись за это, а согласились единодушно жить и умереть со Мстиславомъ. Мстиславъ пóслалъ къ Ярославу въ Торжокъ попа Юрія съ такими словами: «Сынъ! кланяюсь тебѣ, мужей моихъ и купцовъ пусти, самъ съ Торжка выйди и со мною помирись». Князю Ярославу не полюбились эти слова, онъ отпустилъ попа безъ мира, а Новгородцевъ всѣхъ послалъ въ оковахъ по своимъ городамъ, товары и лошадей ихъ роздалъ, а было у него Новгородцевъ больше 2000. Въ самомъ Новгородѣ оставалось людей мало: лучшіе мужи были задержаны Ярославомъ, меньшіе разошлись, а иные померли голодомъ. Несмотря на то, Мстиславъ созвалъ вѣче и сказалъ: «Пойдемъ поищемъ мужей своихъ, вашей братьи и волости своей; да не будетъ Торжокъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ святая Софія, тутъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, да и въ малѣ Богъ и правда».

Въ 1216 году, перваго марта, пошелъ князь Мстиславъ на зятя своего Ярослава съ Новгородцами во вторникъ, а въ четвергъ побѣжали къ Ярославу клятвопреступники: Владиславъ Завидовичъ, Гаврила Игоревичъ, Юрій Алексѣевичъ,

Гаврила Милятиничъ съ женами и дѣтьми. Соединившись на Волгѣ съ Владиміромъ Рюриковичемъ и Смольнянами, Мстиславъ послалъ въ Торжокъ къ Ярославу за миромъ; Ярославъ отвѣчалъ: «Мира не хочу; если пошли, такъ ступайте, на одного изъ васъ придется по сту нашихъ». Князья сказали тогда между собою: «Ты, Ярославъ, съ плотью, а мы съ крестомъ честнымъ». Тогда Новгородцы сказали князьямъ: «Пойдемъ мы къ Торжку»; князья отвѣчали: «Если пойдемъ къ Торжку, то попустошимъ волость Новгородскую». И пошли къ Твери, начали брать села и жечь, а объ Ярославѣ не было вѣсти, въ Торжкѣ ли онъ или въ Твери. Когда онъ узналъ, что непріятель беретъ села, то выѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, забравъ съ собою старшихъ бояръ и Новгородцевъ, а молодыхъ по выбору. Мстиславъ отправилъ посла къ князю Константину Всеволодовичу въ Ростовъ, а самъ съ Новгородцами пошелъ воевать по Волгѣ, и пожгли все Поволжье. Тутъ встрѣтилъ ихъ воевода Еремѣй отъ князя Константина изъ Ростова и сказалъ: «Князь Константинъ кланяется вамъ и велѣлъ сказать: обрадовался я приходу вашему, вотъ вамъ отъ меня въ помощь 500 человѣкъ; да пришлите ко мнѣ шурина моего Всеволода съ полнымъ наказомъ». Всеволода отрядили со многими ратными людьми и послали къ князю Константину, а сами пошли по Волгѣ внизъ; здѣсь бросили возы, сѣли на коней и пошли къ Переяславлю. Апрѣля 9, въ Свѣтлое Воскресенье встрѣтились они съ Константиномъ Ростовскимъ, и была большая радость: князья цѣловали крестъ стоять заодно. На Ѳоминой недѣлѣ попался имъ въ плѣнъ человѣкъ, который объявилъ, что князя Ярослава нѣтъ въ Переяславлѣ, пошелъ къ князю Юрію съ полками, а князь Юрій Всеволодичъ, съ братьями

Святославомъ и Владиміромъ, вышелъ изъ Владиміра. У нихъ были сильные полки, вся сила Суздальской земли, потому что всѣхъ погнали. Страшное и дивное чудо было! пошли сыновья на отца, отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, господинъ на рабовъ. Князь Ярославъ и Юрій съ братьею стали на рѣкѣ Кзѣ, князь Мстиславъ и Владиміръ съ Новгородцами поставили свои полки близъ Юрьева; а князь Константинъ далеко сталъ съ своими полками, на рѣкѣ Липицѣ. Мстиславъ, Константинъ и Владиміръ послали сотскаго Ларіона сказать князю Юрію: «Кланяемся тебѣ, намъ нѣтъ съ тобой обиды, обида намъ съ Ярославомъ». Юрій отвѣчалъ: «Мы одно съ братомъ Ярославомъ». Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти Новгородцевъ и Новоторжцевъ; что захватилъ волостей Новгородскихъ, отдай назадъ, помирись съ нами, цѣлуй къ намъ крестъ и крови не проливай». Ярославъ отвѣчалъ: «Мира не хочу, Новгородцевъ и Новоторжцевъ не отпускаю; вы далеко шли и вышли какъ рыба на сухо». Ларіонъ пересказалъ ту рѣчь князьямъ. Они опять послали къ обоимъ князьямъ съ послѣднею рѣчью: «Мы пришли, братья Юрій и Ярославъ, не на кровопролитіе, дай Богъ намъ управиться безъ крови; мы вѣдь всѣ одного племени, дадимъ старшинство князю Константину, посадите его во Владимірѣ, а вамъ вся земля Суздальская». Князь Юрій отвѣчалъ: «Скажи братьѣ моей, князьямъ Мстиславу и Владиміру: сами пришли сюда, такъ теперь и ступайте, куда хотите; а князю Константину молви: перемоги насъ, и тебѣ вся земля». Такъ князья Юрій и Ярославъ вознеслись славою: видя у себя силу великую, не приняли мира и начали пировать въ шатрѣ съ своими боярами. Одинъ бояринъ сказалъ: «Заключите-ка миръ,

князья Юрій и Ярославъ: меньшіе братья въ вашей волѣ; по-моему, лучше бы миръ заключить и дать старшинство князю Константину; Ростиславово племя все—князья мудрые и храбрые, и мужи ихъ, Новгородцы и Смольняне, смѣлые на бою, Мстислава же Мстиславича и сами знаете о томъ племени, что дана ему отъ Бога храбрость выше всѣхъ; подумайте-ка, господа». Не люба была рѣчь эта князьямъ Юрію и Ярославу. Тутъ другой бояринъ сказалъ: «Князья Юрій и Ярославъ! Не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ цѣлъ; хотя бы и вся Русская земля, и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская встали на насъ, то не успѣть имъ противъ нашей силы; а эти-то полки,—право закидаемъ ихъ сѣдлами». Полюбилась эта рѣчь князю Ярославу; онъ созвалъ бояръ своихъ и началъ имъ говорить: «Придетъ обозъ вражій въ наши руки, то вамъ будутъ кони, брони, платье; и возьметъ кто человѣка живого, тотъ самъ будетъ убитъ; если и золотомъ шито будетъ оплечье *), убивай, не оставимъ ни одного живого; если кто убѣжитъ изъ полка и попадется въ плѣнъ, тѣхъ будемъ вѣшать или распинать; а о князьяхъ, когда попадутся въ наши руки, послѣ подумаемъ». Отпустивши бояръ, вошли князья въ шатеръ одни и стали дѣлить города; князь Юрій сказалъ: «Мнѣ, братъ князь Ярославъ, земля Владимірская и Ростовская, а тебѣ Новгородъ, Смоленскъ брату нашему Святославу, Кіевъ отдай Черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же»; и цѣловали крестъ

*) Т.-е. бояринъ.

между собою, и написали грамоты: грамоты эти, послѣ побѣды, взяли Смольняне въ станѣ Ярославовомъ и отдали своимъ князьямъ. Князья Юрій и Ярославъ, подѣливши всѣ города Русскіе и надѣясь на свою великую силу, начали звать къ Липицамъ на бой. Мстиславъ и Владиміръ призвали князя Константина и, думавши съ нимъ много, привели его ко кресту, что не будетъ отъ него перевѣта, послѣ чего двинулись въ ночь. На другой день утромъ пришли они къ Липицамъ, куда ихъ звали на бой; есть тамъ гора, слыветъ Авдова, тутъ поставили князья Юрій и Ярославъ свои полки; а князья Мстиславъ, Владиміръ, Константинъ и Всеволодъ поставили полки свои на другой горѣ, что слыветъ Юрьева гора, посреди нея течетъ ручей, ему имя Тунегъ. Ставши на Юрьевой горѣ, князья послали къ Юрію троихъ мужей мира просить: «А не дадите мира, такъ отступите дальше, на ровное мѣсто, а мы въ вашу сторону пойдемъ; или мы отступимъ на Липицы, а вы пойдете на наше мѣсто». Князь Юрій отвѣчалъ: «Мира не беру и не отступаю; пошли черезъ землю, то чего вамъ стоитъ перейти эту дебрь». Юрій надѣялся на твердость мѣста: оно было плетнемъ оплетено и колья насованы, на случай, если бы ударили на нихъ въ ночь. Услыхавъ отвѣтъ Юрьевъ, князья послали младшую дружину биться противъ Ярославовыхъ людей; бились они цѣлый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно. На другой день князья хотѣли пойти ко Владиміру, не трогая непріятельскихъ полковъ, но князь Константинъ сказалъ: «Братья! если пойдемъ мимо ихъ, то возьмутъ насъ въ тылъ, да притомъ же мои люди не охотники до бою, того и смотри, что разойдутся по городамъ». Князь Мсти-

славъ отвѣчалъ ему на это: «Гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ; такъ пойдемъ къ нимъ, въ надеждѣ на крестъ честной и на правду». Начали ставить полки; Владиміръ Смоленскій поставилъ полки свои съ края, а подлѣ него сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами и Владиміръ Псковскій съ Псковитянами, а подлѣ Владиміра сталъ Константинъ съ Ростовцами; Ярославъ же сталъ съ своими полками Муромскими и съ Городчанами и съ Бронниками противъ Владиміра и Смольнянъ, а Юрій сталъ противъ Мстислава и Новгородцевъ, со всею землею Суздальскою, а меньшіе братья его стали противъ князя Константина. Мстиславъ и Владиміръ начали укрѣплять Новгородцевъ и Смольнянъ: «Братья! вошли мы въ землю сильную, такъ въ надеждѣ на Бога станемъ крѣпко, не будемъ озираться назадъ, побѣгши не уйти: позабудемъ, братья, дома, женъ и дѣтей, кому не умирать? кто хочетъ, пусть сражается пѣшъ, а кто хочетъ на коняхъ». Новгородцы отвѣчали: «Не хотимъ помирать на коняхъ, будемъ биться пѣши, какъ бились отцы наши!» Князь Мстиславъ былъ радъ тому, и Новгородцы, сойдя съ коней, скинувъ сапоги и платье, поскакали босикомъ; за ними бросились Смольняне также пѣшкомъ, за Смольнянами отрядилъ князь Владиміръ Ивора Михайловича съ полкомъ, а сами князья и всѣ воеводы поѣхали за ними на коняхъ. Когда полкъ Иворовъ вступилъ въ дебрь, то подъ Иворомъ споткнулся конь, а пѣшіе ратники, не дожидаясь Ивора, ударились на пѣшцевъ Ярославовыхъ съ страшнымъ крикомъ; тѣ побѣжали, Новгородцы и Смольняне за ними, начали ихъ бить и подсѣкли стягъ Ярославовъ; тутъ настигъ ихъ Иворъ, съ которымъ досѣклись до другого стяга Ярославова, а князья все еще не пріѣзжали. Мсти-

славъ, видя удаль своихъ, сказалъ братьямъ: «Не дай Богъ выдать добрыхъ людей», и ударилъ съ своимъ полкомъ сквозь своихъ же пѣшцевъ; за ними послѣдовали и другіе князья. Трижды проѣхалъ Мстиславъ сквозь полки Юрьевы и Ярославовы, сѣкучи людей, также и князь Владиміръ, и досѣклись наконецъ до обоза. Князья Юрій и Ярославъ, видя, что ихъ люди жнутся, какъ колосья на нивѣ, побѣжали съ меньшею братьею и съ Муромскими князьями. Тогда князь Мстиславъ закричалъ: «Братья Новгородцы! не останавливайтесь при обозѣ, не покидайте битвы: вернутся— изметутъ они насъ». Новгородцы-то бились не изъ корысти, но Смольняне напали на обозъ и одирали мертвыхъ, а до битвы имъ и дѣла не было. Великъ промыслъ Божій! на томъ побоищѣ пало только 5 человѣкъ Новгородцевъ, да одинъ Смольнянинъ, а то всѣ сохранены были силою честнаго креста и правдою. Людей же Юрьевыхъ и Ярославовыхъ было избито безчисленное множество, взято же въ плѣнъ было только 60 человѣкъ. Было у князя Юрія 13 стяговъ, трубъ и бубновъ 60; говорили и про Ярослава, будто у него было 17 стяговъ, да трубъ и бубновъ сорокъ. Убитыхъ всѣхъ считали 9,233 человѣка. Крикъ живыхъ, не до смерти убитыхъ, и вытье раненыхъ были слышны въ Юрьевѣ городѣ и около Юрьева; много перетонуло въ рѣкѣ во время бѣгства, иные раненые, забредши невѣдомо куда, померли, живые же побѣжали одни къ Владиміру, другіе къ Переяславлю, иные въ Юрьевъ. Князь Юрій стоялъ противъ Константина; увидя, что Ярославовъ полкъ побѣжалъ, побѣжалъ и онъ во Владиміръ, куда прискакалъ на четвертомъ конѣ, а трехъ загналъ; прискакалъ онъ въ одной сорочкѣ, безъ сѣдла. Во Владимірѣ оставался народъ все

ератный: попы, чернецы, жены да дѣти; увидавъ, что кто-то скачетъ къ городу, они обрадовались, думая, что гонецъ отъ князя; они говорили другъ другу: «наши одолѣваютъ!» И вотъ прискакалъ князь Юрій одинъ; началъ онъ ѣздить около города, крича: «твердите городъ!» Въ народѣ началось смятеніе, вмѣсто веселья послышался плачъ; къ вечеру и въ ночь стали прибѣгать ратники, иной раненъ, другой нагъ. На другой день утромъ князь Юрій созвалъ людей и сказалъ имъ: «Братья Владимірцы! затворимся въ городѣ, авось отобьемся отъ нихъ». Люди отвѣчали: «Князь Юрій! съ кѣмъ намъ затвориться-то? братья наши избиты, а иные въ плѣну, а остальные прибѣжали безъ орудія, съ кѣмъ намъ стать?» Юрій сказалъ: «Все это я самъ знаю; только не выдайте меня брату князю Константину, ни Владиміру, ни Мстиславу, чтобы мнѣ выйти по своей волѣ изъ города». Они обѣщались ему. Ярославъ также прибѣжалъ одинъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, а четырехъ загналъ, и затворился въ городѣ. Не довольно ему было перваго зла, не насытился крови человѣческой, избивъ въ Новгородѣ столько людей и въ Торжкѣ, и на Волокѣ; но и тутъ, прибѣжавъ въ Переяславль, перехваталъ Новгородцевъ и Смольнянъ, которые для торговли зашли въ землю его, и велѣлъ ихъ пометать въ погреба, а иныхъ засадилъ въ тѣсную избу, гдѣ 150 изъ нихъ задохлось; Смольнянъ заперъ 15 человѣкъ; тѣ всѣ живы остались. Князья же милостивое племя Ростиславово и до христіанъ добрые, цѣлый тотъ день стояли на побоищѣ; а если бы захотѣли гнаться за непріятелемъ, то Юрію и Ярославу не уйти бы, и городъ Владиміръ захватили бы врасплохъ; но Мстиславъ съ братьею пришли тихо ко Владиміру и, объѣхавъ его, стали думать,

откуда бы взять. Въ ночь загорѣлся въ городѣ княжій дворъ: Новгородцы хотѣли было лѣзть на стѣны, да князь Мстиславъ имъ не далъ; во вторникъ, на ночь, загорѣлся городъ, и горѣлъ до свѣта: Смольняне просились тогда взять городъ, но князь Владиміръ не пустилъ ихъ. Наконецъ Юрій выслалъ къ князьямъ съ челобитьемъ: «Не приступайте нынче къ городу, завтра выйду изъ него вонъ». И въ самомъ дѣлѣ, на другой день выѣхалъ князь Юрій съ двумя братьями, поклонился князьямъ Мстиславу и Владиміру и сказалъ: «Братья! вамъ челомъ бью, вамъ дать мнѣ жизнь и хлѣбомъ накормить; а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ». Тутъ онъ подалъ имъ богатые дары и получилъ миръ. Мстиславъ и Владиміръ порѣшили такъ: князю Константину отдали Владиміръ, а Юрію Радиловъ-Городецъ. Владыка, княгиня и всѣ люди Юрьевы, поспѣшно убравшись на лодки и въ насады, поѣхали внизъ по рѣкѣ; самъ же князь Юрій, вошедши въ соборную церковь Богородицы, ударилъ челомъ у отцовскаго гроба и плакалъ, приговаривая: «Суди Богъ брату моему, князю Ярославу, что довелъ меня до этого», и пошелъ изъ Владиміра въ Городецъ. Князь же Константинъ поѣхалъ во Владиміръ и былъ встрѣченъ за городомъ всѣмъ священническимъ чиномъ и всѣми людьми; онъ одарилъ въ тотъ день князей и бояръ богатыми дарами, а Владимірцевъ привелъ къ присягѣ. Но князь Ярославъ, еще дыша злобою и гнѣвомъ, не покорялся, затворился въ Переславлѣ и хотѣлъ тамъ отсидѣться; князья рѣшились идти къ этому городу. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ испугался и началъ высылать людей, умоляя о мирѣ. Во вторникъ утромъ пріѣхалъ онъ къ князю Константину, ударилъ ему челомъ и сказалъ: «Господинъ! я въ твоей волѣ, не выдай

меня тестю моему князю Мстиславу, ни Владиміру, а самъ, братъ, накорми меня хлѣбомъ». Князь Константинъ помирилъ Мстислава съ Ярославомъ. Мстиславъ, не доходя до города, взялъ дары и послалъ привесть къ себѣ дочь, княгиню Ярославову, и что осталось живыхъ Новгородцевъ. Ярославъ много разъ присылалъ ко Мстиславу, прося княгини своей назадъ, но Мстиславъ не пустилъ къ нему дочери. Наконецъ князья разошлись: Константинъ во Владиміръ, Мстиславъ въ Новгородъ, Владиміръ въ Смоленскъ, а другой Владиміръ въ Псковъ, побѣдивъ сильные полки, взявши свою честь и славу.

Глава XVIII.

О первомъ татарскомъ нашествіи и о томъ, что случилось въ Галичѣ по смерти Мстиславовой.

Въ 1218 году умеръ великій князь Константинъ во Владимірѣ; великимъ княземъ по немъ сталъ опять братъ его Юрій. — Въ 1224 году явился народъ незнаемый; пришла неслыханная рать, безбожные Татары, о которыхъ никто хорошо не знаетъ, кто они и откуда пришли, и что у нихъ за языкъ, и какого они племени, и какая у нихъ вѣра. Поплѣнивши многія страны, Ясовъ, Обезовъ и Касоговъ, пришли они въ землю Половецкую. Половцы не могли противиться имъ и побѣжали къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котянъ былъ тесть Мстиславу Мстиславичу Галицкому; онъ пришелъ съ поклономъ къ князю Мстиславу, зятю своему, и ко всѣмъ князьямъ русскимъ, поднесъ имъ богатые дары, коней, вер-

блюдовъ, буйволовъ и невольницъ и сказалъ: «Татары отняли нашу землю нынче, а завтра вашу возьмутъ, такъ защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы нынче изсѣчены будемъ, а вы будете завтра изсѣчены». Котянъ умолялъ зятя своего о пособіи, а Мстиславъ сталъ умолять князей русскихъ, братью свою, говоря: «Если мы, братья, имъ не поможемъ, то они передадутся Татарамъ, и у тѣхъ будетъ больше силы». Князья думали, думали, и наконецъ рѣшились помогать Котяну. Совѣтъ у нихъ былъ въ городѣ Кіевѣ, гдѣ говорили такъ: «Лучше намъ принять Татаръ на чужой землѣ, чѣмъ на своей», и начали строить войско, каждый свои полки. Тогда княжилъ Мстиславъ въ Кіевѣ, другой Мстиславъ Козельскій въ Черниговѣ, третій Мстиславъ Торопецкій въ Галичѣ: то были старшіе князья въ Русской землѣ; князя же великаго Юрія Суздальскаго не было въ совѣтѣ томъ; потомъ были молодые князья: князь Даніилъ Романовичъ, князь Михайло Всеволодовичъ, князь Всеволодъ Мстиславичъ и другіе многіе князья. Совокупивъ всю землю Русскую противъ Татаръ, князья пришли къ рѣкѣ Днѣпру на Зарубъ, къ острову Варяжскому. Тутъ Татары прислали къ нимъ пословъ съ такими словами: «Слышимъ, что вы идете противъ насъ, послушавшись Половцевъ; а мы вашей земли не занимали, ни городовъ, ни селъ вашихъ, и на васъ не приходили; пришли мы, попущеніемъ Божіимъ, на холоповъ своихъ и конюховъ, на поганыхъ Половцевъ; возьмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣтъ; если побѣгутъ къ вамъ Половцы, то вы бейте ихъ оттуда, а имѣнье ихъ берите себѣ, потому что, какъ слышно, они и вамъ много зла дѣлаютъ, оттого и мы ихъ бьемъ отсюда». Князья русскіе не послуша-

лись пословъ, но перебили ихъ, пошли противъ Татаръ и, не дошедши Олешья, стали на Днѣпрѣ; тутъ прислали Татары вторыхъ пословъ съ такими словами: «Если вы послушали Половцевъ, пословъ нашихъ избили и идете противъ насъ, то ступайте; а мы васъ не трогаемъ, Богъ насъ всѣхъ разсудитъ». На этотъ разъ пословъ ихъ отпустили. Тутъ пришла вся земля Половецкая со всѣми князьями, а изъ Кіева пришелъ князь Мстиславъ со всею силою, изъ Галича другой Мстиславъ, изъ Чернигова Владиміръ Рюриковичъ. Мстиславъ Галицкій съ 100 человѣкъ перешелъ Днѣпръ, ударилъ на сторожей Татарскихъ и побѣдилъ ихъ; остальные побѣжали съ воеводою Гемябекомъ, и тутъ имъ не было помощи; они было зарыли воеводу Гемябека живого въ землю, чтобъ соблюсти его, но Русскіе нашли воеводу; Половцы выпросили его у нихъ и убили. Услыхавъ о побѣдѣ, всѣ князья русскіе пошли за Днѣпръ со множествомъ людей; Галичане пришли по Днѣпру и стали у рѣки Хортицы, на бродѣ: съ ними были Юрій Домамеричъ и Держикрай Владиславичъ. Даніилъ Романовичъ погналъ съ конницею впередъ оглядѣть Татаръ; Юрій Домамеричъ говорилъ, что они хорошіе стрѣлки, другіе же говорили, что они люди простые, плоше и Половцевъ, но Юрій утверждалъ, что они добрые ратники. Всѣ люди и князья перешли Днѣпръ и поѣхали на коняхъ въ степи Половецкія, гдѣ встрѣтили отрядъ Татаръ; русскіе стрѣльцы побѣдили ихъ и гнали далеко въ степь, взяли весь ихъ скотъ и пригнали къ своимъ полкамъ. Оттуда шли восемь дней до рѣки Калки, гдѣ встрѣтили главную силу Татарскую. Князь Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій велѣлъ Даніилу Романовичу перейти рѣку Калку съ полками и самъ

перешелъ за ними. Увидавъ Татарскіе полки, онъ приказалъ ратникамъ своимъ поскорѣе вооружаться; а другіе два Мстислава сидѣли въ станѣ и ничего не знали: Мстиславъ не сказалъ имъ ничего изъ зависти, потому что между ними была большая распря. Битва началась: Даніилъ выѣхалъ напередъ и получилъ рану въ грудь; но по молодости и пылкости не почуялъ раны: ему было тогда 18 лѣтъ. Князь Мстиславъ Нѣмой, видя, что Даніилъ раненъ, бросился въ битву: это былъ человѣкъ крѣпкій и родня Роману, отъ одного племени Мономаховскаго; онъ очень любилъ отца Даніилова и отказалъ Даніилу по смерти свою волость. Татары уже бѣжали, Даніилъ билъ ихъ съ своимъ полкомъ. Олегъ Курскій крѣпко бился, какъ вдругъ Половцы побѣжали и потоптали станы князей русскихъ, а князья не успѣли ополчиться; тогда всѣ полки русскіе смялись, настала сѣча лютая, и русскіе полки были побѣждены. Даніилъ, видя, что Татары побѣждаютъ, обратилъ коня и бѣжалъ отъ натиска вражьяго; жажда мучила его, онъ испилъ воды, и тутъ только почуялъ рану на тѣлѣ своемъ, а въ битвѣ не чувствовалъ ея по причинѣ крѣпости и мужества, потому что былъ смѣлъ и храбръ, отъ головы до ногъ не было на немъ порока. И была побѣда на всѣхъ князей русскихъ, какой никогда не бывало отъ начала Русской земли. Князь Мстиславъ Кіевскій, видя бѣду, не тронулся съ мѣста; онъ стоялъ на горѣ надъ рѣкою Калкою; мѣсто было тутъ каменистое, онъ огородился кольемъ, и бился изъ своего укрѣпленія съ Татарами три дня. Были тутъ съ нимъ Бродники старые съ воеводою Плоскинею: эти окаянные цѣловали крестъ къ князю Мстиславу и двоимъ другимъ князьямъ, что они ихъ не убьютъ и пустятъ на окупъ. Но

вмѣсто того нарушили клятву, связали князей и продали ихъ Татарамъ, укрѣпленія взяли, людей посѣкли. Татары, взявши князей, раздавили ихъ, подложивши подъ доски, сверху которыхъ сами сѣли обѣдать, другихъ князей гнали до Днѣпра и шестерыхъ убили; убитъ былъ и Александръ Поповичъ съ семидесятью другими богатырями; изъ остального войска развѣ десятый возвратился домой. Князь Мстиславъ Мстиславичъ прежде всѣхъ перебѣжалъ Днѣпръ и, пришедши къ лодкамъ, велѣлъ ихъ жечь, а другія рубить и отталкивать отъ берега, боясь Татарской погони, а самъ едва убѣжалъ въ Галичъ; молодые князья прибѣжали съ малою дружиной; князь Владиміръ Рюриковичъ прибѣжалъ въ Кіевъ и сѣлъ тамъ на столѣ. Татары, побѣдивъ русскихъ князей, дошли до Новгорода-Святопольскаго; жители, не зная ихъ коварства, выходили къ нимъ навстрѣчу съ крестами, но были тутъ же побиваемы. Татары однако воротились назадъ отъ рѣки Днѣпра въ землю восточную.

Въ слѣдующемъ году Александръ, князь Бѣльзскій, все ссорилъ Галицкаго князя Мстислава Мстиславича съ зятемъ его Даніиломъ Романовичемъ; онъ безпрестанно толковалъ Мстиславу: «зять твой хочетъ тебя убить». Но скоро всѣ князья узнали клевету Александрову и начали говорить Мстиславу: «возьми волость его за позоръ свой»; а онъ, по братолюбію своему, не взялъ волости, и всѣ похвалили его за то. Узнавши невинность Даніилову, Мстиславъ принялъ его съ любовію, почтилъ его богатыми дарами, подарилъ ему коня своего борзаго, какого въ тѣ годы не бывало другого, и дочь свою Анну дарилъ большими дарами, и свидѣвшись съ братьею въ Перемышлѣ, утвердилъ миръ.

Въ 1226 году Мстиславъ, по совѣту коварныхъ бояръ

Галицкихъ, обручилъ меньшую свою дочь за Венгерскаго королевича Андрея и далъ ему Перемышль. Бояринъ Судиславъ все толковалъ Мстиславу: «Князь! отдай Галичъ королевичу: самому тебѣ не удержать, бояре не хотятъ тебя». Мстиславу не хотѣлось отдать Галичъ Андрею, ему хотѣлось отдать его Даніилу; но бояре Глѣбъ Зеремѣевичъ и Судиславъ противились тому; они говорили: «Если отдашь Галичъ королевичу, то можешь взять его у него, когда захочешь; если же отдашь Даніилу, то вовѣки не будетъ твой Галичъ». Мстиславъ послушался и отдалъ Галичъ Венгерскому королевичу, а себѣ взялъ Понизье. Онъ скоро потомъ раскаялся въ этомъ и послалъ сказать Даніилу: «Сынъ! согрѣшилъ я, что не далъ тебѣ Галича, а далъ иноплеменнику, по совѣту Судислава льстеца: онъ обольстилъ меня; если Богу будетъ угодно, пойдемъ на Венгровъ; я посажу на коней Половцевъ, а ты пойдешь съ своими полками, и если Богъ дастъ намъ опять Галичъ, то ты возьмешь его, а я Понизье». Но скоро послѣ этого Мстиславъ умеръ: при концѣ жизни ему очень хотѣлось видѣть Даніила, но Глѣбъ Зеремѣевичъ, изъ зависти, не пустилъ къ нему зятя; Мстиславу хотѣлось отдать на руки Даніилу домъ свой и дѣтей.

Въ 1229 году прислали Галичане сказать князю Даніилу: «Судиславъ пошелъ въ Понизье, а королевичъ одинъ остался въ Галичѣ, ступай къ намъ скорѣе». Даніилъ, собравъ поспѣшно полки, послалъ воеводу Демьяна на Судислава, а самъ пошелъ съ малою дружиною къ Галичу. Судиславъ не удержался передъ Демьяномъ и побѣжалъ въ Галичъ; Даніилъ подступилъ къ этому городу и взялъ дворъ Судиславовъ, гдѣ нашелъ много вина, овощей, корму, копій,

стрѣлъ. Видя, что люди его обогатилися добычею, Даніилъ перешелъ на другую сторону Днѣстра. Сюда пришелъ къ нему воевода Демьянъ со многими боярами Галицкими. Даніилъ обрадовался его приходу, но горевалъ о томъ, какъ перейти Днѣстръ, потому что мостъ на немъ былъ зажженъ лихимъ Семеномъ, похожимъ на лисицу по краснотѣ тѣла; подъѣхавъ однако къ рѣкѣ, Даніилъ увидалъ, что конецъ моста погасъ, и была большая радость; на другой день перешли мостъ и стали по берегу Днѣстра. На другое утро Даніилъ объѣхалъ городъ и осадилъ его въ силѣ тяжкой; осажденные изнемогли и сдали городъ. Даніилъ, взявъ городъ, вспомнилъ прежнюю любовь короля Андрея, отпустилъ сына его и проводилъ до рѣки Днѣстра; съ королевичемъ выѣхалъ одинъ только Судиславъ; жители бросали въ нихъ камнями, крича: «ступай вонъ изъ города, мятежникъ земли». Когда королевичъ Андрей пришелъ къ отцу и брату, то Судиславъ не переставалъ говорить имъ: «Ступайте на Галичъ и возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрѣпятся на васъ». Король Бѣла вооружилъ огромное войско и выступилъ къ Галичу, говоря: «Теперь уже никто не избавитъ его отъ руки моей». Но какъ скоро вошелъ онъ въ горы, полились дожди, кони тонули, люди взбѣгали на высокія мѣста; однако Бѣла не оставилъ своего намѣренія и обступилъ городъ; жители не сдавались, Бѣла изнемогъ и отступилъ.

Теперь начнемъ разсказъ о безчисленныхъ ратяхъ, о великихъ трудахъ, о частыхъ войнахъ, о многихъ крамолахъ, возстаніяхъ и мятежахъ. Завели крамолу безбожные бояре Галицкіе, совѣщались убить князя своего и передать землю. Когда сидѣли они въ думѣ и хотѣли зажечь домъ княже-

скій, молодой князь Василько вышелъ вонъ и въ шутку обнажилъ мечъ на слугу королевича; крамольники, увидавъ это испугались, говоря: «совѣтъ нашъ разрушился», и побѣжали, какъ окаянный Святополкъ. Князья Даніилъ и Василько ничего не знали объ этомъ и Василько поѣхалъ во Владиміръ, а Филиппъ безбожный позвалъ князя Даніила въ Вишью: здѣсь уговорились убить его. Когда онъ въѣхалъ въ Браневичевъ, пріѣхалъ къ нему посолъ отъ тысяцкаго Демьяна съ извѣстіемъ, что бояринъ Филиппъ вмѣстѣ съ племянникомъ Даніиловымъ, Александромъ, хотятъ убить его. Услыхавъ это, князь возвратился назадъ и послалъ сказать брату своему Васильку: ты ступай на Александра; а Ивана, сѣдельничаго своего, послалъ на невѣрныхъ бояръ. Василько взялъ Бѣльзъ, волость Александрову, а Иванъ переловилъ 28 бояръ; Даніилъ простилъ ихъ. Однажды на пиру одинъ изъ этихъ безбожныхъ бояръ залилъ лицо ему изъ чаши; Даніилъ и то стерпѣлъ.

Въ 1231 году Даніилъ созвалъ вѣче: осталось у него только 18 вѣрныхъ отроковъ съ тысяцкимъ Демьяномъ; князь сказалъ имъ: «хотите ли быть мнѣ вѣрны и идти со мною на враговъ?» Они воскликнули: «Вѣрны Богу и тебѣ, господину нашему, ступай съ Божіей помощію!» А сотскій Микула сказалъ: «Господинъ! не подавивши пчелъ, меду не ѣсть». Помолившись Богу, Даніилъ выступилъ съ малымъ войскомъ; къ нему на помощь пришелъ Мірославъ также съ немногими отроками, присоединились и невѣрные бояре, показывая видъ, что вѣрны. Даніилъ подступилъ къ Перемышлю; Александръ не стерпѣлъ и побѣжалъ въ Венгрію, оставивъ все имѣніе свое. Судиславъ взялся хлопотать за него и поднялъ короля Венгерскаго; король подступилъ къ Ярославлю. Здѣсь затво-

рился бояринъ Даніиловъ Давидъ Вышатичъ съ Васильемъ Гавриловичемъ; Венгры бились даже послѣ захожденія солнца, но городъ отбился. Несмотря на то, Давидъ испугался, теща его была на сторонѣ Судислава, который называлъ ее матерью; она стала говорить зятю: «ты не удержишь этого города». Василій же Гаврилычъ говорилъ ему: «не погуби чести нашего князя; эта рать не можетъ взять города». Василій былъ мужъ крѣпкій и храбрый; но Давидъ не слушалъ его и хотѣлъ сдать городъ, и сдалъ, вышедши самъ цѣлъ со всѣмъ войскомъ. Король, взявши Ярославль, пошелъ къ Галичу. Климята съ Голыхъ горъ убѣжалъ отъ князя Даніила къ королю, и за нимъ всѣ бояре Галицкіе передались Венграмъ. Оттуда король пошелъ ко Владиміру Волынскому: пришедши, удивился красотѣ города и сказалъ: «такого города не находилъ я и въ Нѣмецкихъ странахъ»: ратные люди, въ полномъ вооруженіи, стояли на стѣнахъ, щиты ихъ блестѣли, какъ солнце. Въ городѣ сидѣлъ воеводою Мірославъ: прежде былъ онъ храбръ, но тутъ Богъ вѣдаетъ, что съ нимъ сдѣлалось, смутился умомъ, заключилъ миръ съ королемъ безъ совѣта съ княземъ Даніиломъ и братомъ его Василькомъ; тутъ же, по договору, уступилъ Бѣльзъ и Червенъ Александру. Король посадилъ сына своего Андрея въ Галичѣ, по совѣту невѣрныхъ Галичанъ, а Мірославъ сталъ запираться, что въ договорѣ не передавалъ Червена Венграмъ; укоръ былъ большой отъ обоихъ братьевъ: «зачѣмъ заключилъ миръ, когда у тебя было столько войска?»

Въ 1233 году умеръ королевичъ Венгерскій въ Галичѣ; Галичане послали за Даніиломъ. Въ 1235 году отнялъ у Даніила Галичъ князь Михаилъ Черниговскій и посадилъ здѣсь сына своего Ростислава. Получивъ вѣсть, что Ростиславъ

пошелъ на Литву со всѣми боярами, Даніилъ вышелъ изъ Холма и на третій день былъ у Галича. Здѣшніе граждане любили его; подъѣхавъ подъ городъ, онъ сказалъ имъ: «Граждане! долго ль вамъ терпѣть державу иноплеменныхъ князей?» Тѣ воскликнули въ отвѣтъ: «Вотъ нашъ держатель, Богомъ данный», и пустились къ нему, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику. Епископъ Артемій и дворскій Григорій не хотѣли пускать Даніила въ Галичъ, но, видя, что не могутъ удержать города, вышли навстрѣчу со слезными глазами, осклабляясь и облизываясь, и по неволѣ сказали: «Прійди, князь Даніилъ, возьми городъ». Даніилъ вошелъ въ городъ свой, помолился святой Богородицѣ, принялъ столъ отца своего и объявилъ побѣду, поставивъ на Нѣмецкихъ воротахъ хоругвь свою. Бояре, пришедши, пали къ ногамъ его, прося милости и говоря: «Согрѣшили предъ тобою, другого князя держали». Даніилъ отвѣчалъ: «Милость вы получили, такъ впередъ опять того же не дѣлайте, чтобы не было вамъ хуже».

Глава XIX.

О второмъ Татарскомъ нашествіи.

Въ 1237 году пришли отъ восточной страны на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожные Татары съ царемъ Батыемъ, и послали пословъ своихъ, жену чародѣйку, да два мужа съ нею, къ князьямъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины со всего, съ князей, и съ людей, и съ коней бѣлыхъ, воро-

ныхъ, бурыхъ, рыжихъ и пѣгихъ. Князья Рязанскіе отвѣчали: «Если насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ». И послали Рязанскіе князья къ князю Юрію Владимірскому просить помощи; но князь Юрій самъ не пошелъ и не послушалъ мольбы князей Рязанскихъ: онъ хотѣлъ одинъ воевать особо. Тогда иноплеменники обступили городъ Рязань и огородили острогомъ; а князь Рязанскій затворился въ городѣ съ людьми. Татары взяли Рязань и пожгли всю, князя Юрія убили и съ княгинею; мужей, женъ и дѣтей разсѣкали мечами, другихъ разстрѣливали стрѣлами, иныхъ въ огонь бросали, остальныхъ вязали; многія святыя церкви огню предали, монастыри и села пожгли, имѣніе не малое собрали, и потомъ пошли на Коломну. Въ ту же зиму пошелъ Всеволодъ, сынъ Юрьевъ и князь Романъ Ингваровичъ съ своею ратью изъ Владиміра противъ Татаръ; тогда же князь Юрій Владимірскій послалъ Еремѣя Глѣбовича въ сторожахъ воеводою, который присоединился также ко Всеволоду и Роману. Оступили ихъ Татары у Коломны и бились крѣпко; была сѣча великая; убили князя Романа и воеводу Еремѣя, а Всеволодъ съ малою дружиной прибѣжалъ во Владиміръ. Татары пошли къ Москвѣ, взяли ее, убили воеводу Филиппа Нянькy и князя Владиміра, сына Юрьева, руками взяли, людей перебили отъ старцевъ до младенцевъ и, взявши много имѣнія, пошли прочь. Князь Юрій выѣхалъ изъ Владиміра, урядивъ вмѣсто себя сыновей своихъ Всеволода и Мстислава; а самъ съ племянниками Василькомъ, Всеволодомъ и Владиміромъ Константиновичами, поѣхалъ на Волгу и сталъ станомъ на рѣкѣ Сити, поджидая къ себѣ братьевъ, князей Ярослава и Святослава съ полками. Третьяго февраля Татары, какъ саранча, обсѣли Владиміръ; Владимірцы затвори-

лись въ городѣ съ князьями Всеволодомъ и Мстиславомъ, а воеводою былъ у нихъ Петръ Ослядюковичъ. Татары подъѣхали къ Золотымъ воротамъ, ведя съ собою княжича Владиміра Юрьевича, и начали спрашивать: «Великій князь Юрій въ городѣ ли?» Владимірцы пустили по стрѣлѣ на Татаръ, тѣ пустили также по стрѣлѣ на городъ и на Золотыя ворота, и потомъ сказали Владимірцамъ: «Не стрѣляйте!» Когда Владимірцы перестали стрѣлять, Татары подъѣхали поближе къ воротамъ, показали гражданамъ Владиміра и спросили: «Знаете ли своего княжича?» потому что онъ былъ унылъ лицомъ и изнемогъ отъ бѣды и нужды. Всеволодъ и Мстиславъ стояли на Золотыхъ воротахъ и узнали брата своего Владиміра. Князья, бояре и всѣ граждане стали плакать, смотря на него. Всеволодъ и Мстиславъ сказали всей дружинѣ и Петру воеводѣ: «Братья! лучше намъ умереть предъ Золотыми воротами за святую Богородицу и за правую вѣру, нежели быть въ ихъ волѣ». Татары, урядивъ станы свои около города Владиміра, сами пошли и взяли Суздаль, разграбили церковь Богородицы, дворъ княжескій огнемъ пожгли, а что людей старыхъ и молодыхъ, то все изсѣкли; былъ тогда трепетъ великій всюду. Множество полона свели Татары въ станы свои, а сами пришли ко Владиміру и начали лѣса и пороки *) ставить отъ утра и до вечера, а на ночь огородили тыномъ около всего города. Князья, видя, что городу быть взяту, вошли въ церковь св. Богородицы и постриглись въ монахи отъ владыки Митрофана. Седьмого февраля, послѣ заутрени, Татары приступили къ городу; они зашли отъ Золотыхъ воротъ у св. Спаса, и вошли по при-

---

*) Стѣнобитныя орудія.

мету въ городъ черезъ стѣну, и взяли до обѣда Новый городъ, и запалили его огнемъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ бѣжали въ Печерный городъ; епископъ Митрофанъ, княгиня Юрьева съ дочерью, со снохами и со внучатами, прочія княгини, множество бояръ и людей затворились въ церкви св. Богородицы: Татары отбили двери, наволочили лѣсовъ около церкви и въ церковь и зажгли: всѣ бывшіе здѣсь люди задохлись отъ великаго зноя, другіе погибли въ огнѣ, иные отъ оружія, а св. церковь разграбили и чудную икону Богоматери ободрали. Оттуда пошли на великаго князя Юрія, одни шли къ Ростову, другіе къ Ярославлю, иные на Волгу и на Городецъ, и поплѣнили все по Волгѣ до самаго Галича Владимірскаго; иные пошли къ Переяславлю и взяли его, оттуда поплѣнили всю страну и города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, до самаго Торжка не было мѣста, гдѣ бы не повоевали; во всей странѣ Ростовской и Суздальской взяли четырнадцать городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ, въ одинъ февраль мѣсяцъ. Князь Юрій, узнавъ о взятіи Владиміра, послалъ Дорожа съ 3.000 человѣкъ провѣдать про враговъ; Дорожъ прибѣжалъ и сказалъ: «Князь, уже Татары насъ обошли». Услыхавъ это, Юрій сѣлъ на коня съ братомъ своимъ Святославомъ, племянниками, мужами и пошелъ противъ поганыхъ. Князь началъ ставить полки, и вотъ внезапно приспѣли Татары на Сить; Юрій, отложивъ всю печаль, пошелъ къ нимъ; обои полки соступились, была сѣча злая, и наши побѣжали предъ иноплеменниками; тутъ убитъ былъ великій князь Юрій Всеволодовичъ на рѣкѣ Сити, и воины его многіе погибли. А Василька Константиновича руками взяли и повели въ станы свои съ большою нуждою; дошедши до Шеренскаго лѣса, Татары остановились и стали

нудить Василька быть въ ихъ волѣ и воевать вмѣстѣ съ ними. Но онъ не повиновался ихъ обычаю, не бралъ ни пищи ихъ, ни питья и говорилъ противъ нихъ такъ: «О глухое царство и скверное! не отлучить вамъ меня отъ христіанской вѣры; если я теперь и въ большой бѣдѣ, то Богъ навелъ ее на меня за грѣхи мои; какой отвѣтъ дадите Богу, что погубили столько душъ безъ правды? За нихъ Богъ будетъ мучить васъ въ безконечные вѣки». Они скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови, и убили его въ томъ лѣсу. Былъ князь Василько красивъ лицомъ, очами свѣтелъ, взоромъ грозенъ; необыкновенно храбръ, на охотѣ отваженъ, сердцемъ легокъ, и кто служилъ ему, тотъ не могъ забыть его до смерти. Отъ Шеренскаго лѣса пошли Татары и оступили Торжокъ, бились пороками цѣлыя двѣ недѣли, люди въ городѣ изнемогли, изъ Новгорода не было имъ помощи, всѣ были сами въ недоумѣніи и страхѣ; и такъ поганые взяли Торжокъ, перебили всѣхъ мужчинъ и женщинъ; отсюда погнали Татары Селигерскимъ путемъ до Игнатьяго креста, посѣкая людей какъ траву, только сто верстъ не дошли до Новгорода. Отсюда воротился Батый и пришелъ къ городу Козельскому, гдѣ былъ молодой князь, именемъ Василій. Поганые свѣдали, что у людей въ городѣ умъ крѣпкодушевный, словами льстивыми нельзя взять города; жители Козельска рѣшили не сдаваться Батыю, говоря: «Хотя князь нашъ и молодъ, но положимъ животъ свой за него; и принявъ здѣсь славу этого свѣта, тамъ примемъ отъ Христа Бога вѣнцы небесные». Татары разбили стѣны и взошли на валъ, граждане рѣзались съ ними ножами; потомъ положили выйти на полки Татарскіе, и вышедши изъ города, побили четыре тысячи враговъ, но и сами были всѣ пере-

биты. Батый взялъ наконецъ Козельскъ и истребилъ всѣхъ до грудныхъ младенцевъ; а о князѣ Василіи неизвѣстно, говорятъ, будто онъ утонулъ въ крови, потому что былъ молодъ. Съ тѣхъ поръ Татары не смѣли называть этого города Козельскимъ, но звали его злымъ городомъ, потому что они бились около него семь недѣль и потеряли троихъ сыновей Темниковыхъ; они искали ихъ, но не нашли во множествѣ труповъ. Батый, взявши Козельскъ, пошелъ въ землю Половецкую. Отсюда началъ онъ посылать воеводъ своихъ на города русскіе: взятъ былъ городъ Переяславъ копьемъ *), жители избиты. Въ то же время послалъ и на Черниговъ: обступили городъ въ силѣ тяжкой; князь Мстиславъ Глѣбовичъ, услыхавъ о нападеніи иноплеменныхъ, пришелъ на нихъ со всѣмъ войскомъ своимъ, но былъ побѣжденъ: множество воиновъ его побито, городъ взятъ и запаленъ огнемъ. Воевода Татарскій Меньчуканъ пришелъ осмотрѣть Кіевъ и удивился красотѣ и величеству его; онъ присылалъ пословъ къ князю Михаилу и къ гражданамъ, желая прельстить ихъ, но они его не послушали.

Михаилъ вслѣдъ за сыномъ побѣжалъ въ Венгрію предъ Татарами; Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій сѣлъ въ Кіевѣ; но Даніилъ Галицкій наѣхалъ на него, взялъ его въ плѣнъ, и городъ Кіевъ поручилъ боярину Дмитрію, чтобы тотъ защищалъ его отъ Татаръ. Пришелъ Батый къ Кіеву въ силѣ тяжкой, окружилъ городъ, и остолпила сила Татарская, не было ничего слышно отъ скрипѣнія телѣгъ, отъ рева верблюдовъ, отъ ржанія коней; наполнилась земля русская ратными. Батый поставилъ пороки подлѣ воротъ

---

*) **Приступомъ.**

Лядскихъ, пороки били безпрестанно день и ночь, и выбили стѣны. Граждане взошли на остатокъ стѣны, и тутъ-то было поглядѣть лома копейнаго, стрѣлы омрачали свѣтъ; воевода Дмитрій былъ раненъ, Татары взошли на стѣны; но граждане построили другой городъ около церкви Богородичной. На другой день Татары пришли на нихъ, и была брань лютая; люди взбѣжали на церковь съ имуществомъ своимъ, отъ тягости стѣны церковныя повалились вмѣстѣ съ ними, и городъ былъ взятъ. Воеводу Дмитрія вывели раненаго и не убили за его мужество. Услыхавъ, что Даніилъ Галицкій въ Венгріи, Батый пошелъ самъ ко Владиміру, и пришедши къ городу Колодяжну, поставилъ 12 пороковъ, и не могъ разбить стѣны; тогда онъ сталъ уговаривать гражданъ къ сдачѣ; тѣ прельстились его обѣщаніями, сдались и были перебиты; Батый взялъ и Владиміръ копьемъ, и Галичъ, и много иныхъ городовъ безъ числа. Тогда Дмитрій Кіевскій, тысяцкій Даніиловъ, сказалъ Батыю: «Не мѣшкай въ этой землѣ, время уже тебѣ идти въ Венгрію; если же будешь медлить здѣсь, то Венгрія земля сильная, соберутся тамъ на тебя и не пустятъ въ свою землю». Онъ говорилъ ему такъ для того, что видѣлъ, какъ земля Русская гибла отъ нечестиваго. Батый послушалъ Дмитріева совѣта и пошелъ въ Венгрію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.
